

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

ГРЕГОР И ТАЙНЫЙ ЗНАК

НОВАЯ КНИГА ОТ АВТОРА «ГОЛОДНЫХ ИГР»

Annotation

Знаменитая писательница Сьюзен Коллинз, автор «Голодных игр», написала цикл об удивительных приключениях Грегора Наземного, создав атмосферный и очень запоминающийся мир. Грегор пережил немало захватывающих приключений в подземном мире, на сотни километров растянувшимся под Нью-Йорком. Он подружился с его странными обитателями, сражался с огромными крысами, пробирался сквозь ядовитые джунгли и путешествовал на летучих мышах. Но в этот раз ему предстоит нечто особенное. Грандиозные сражения, хитроумные загадки, самое зловещее из пророчеств и неисследованные территории Подземья. Кого он встретит там? Что ждет его в новом странствии? Самое опасное приключение вот-вот начнется.

- [Сьюзен Коллинз](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)
 -
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)

- [ЧАСТЬ 3](#)

- - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
-

Сьюзен Коллинз
ГРЕГОР И ТАЙНЫЙ ЗНАК

ЧАСТЬ 1

Корона

ГЛАВА 1

Грегор сидел на постели, с интересом разглядывая свои руки и легонько поглаживая шрамы от заживших ран. Тонкие крестообразные линии оставили на запястьях плотоядные глазастые Виноградники. А более грубые рубцы — следы мощных челюстей гигантских муравьев. Отныне шрамы покрывали все его тело, но особенно много их было на ногах.

Раны довольно быстро затянулись, но из-за этих серебристо-белых полосок и рубцов Грегор теперь не мог ходить в шортах и носить одежду с короткими рукавами. В холодное время года это его не беспокоило, но в сильную жару, как теперь, в июле, когда на улице было под тридцать, сильно усложняло жизнь.

Он поморщился, открыв небольшую каменную коробочку, стоявшую на подоконнике: в нос ударил неприятный рыбный запах, который тут же наполнил комнату. Это была мазь, что дали ему врачи Подземья, — они уверяли, что благодаря этой мази шрамы и рубцы должны стать почти незаметны, но, честно говоря, Грегор не очень-то этим заморачивался. А если сказать по правде — он про мазь забыл и ни разу не вспомнил до того самого дня в мае, когда вышел в гостиную в шортах и их соседка миссис Кормацци охнула:

— Грегор, тебе нельзя выходить из квартиры в таком виде! Стоит тебе выставить напоказ свои ноги, как люди станут задавать вопросы!

И она была совершенно права.

Его семья не могла позволить себе очень многого. А на первом месте в списке того, чего они не могли себе позволить, было именно это: они не могли рассказывать всем и каждому свою историю.

Втирая в кожу клейкую массу из баночки, Грегор думал, что, по сути, у него неплохой выбор в том, как провести день: он мог погонять мяч на баскетбольной площадке или погулять по заросшим густой травой полянам в Центральном парке. Или поплавать в бассейне.

Но вместо этого он отправится в Подземье.

И там ему будет по-настоящему хорошо.

Как ни странно, Подземье, место, которое когда-то внушало ему невыразимый ужас, в это лето стало местом, куда он убегал в поисках отдыха и покоя.

В квартире было тесно и жарко — слишком много толпилось здесь народу: совсем дряхлая бабушка, больной отец, восьмилетняя Лиззи и

трехлетняя Босоножка.

И к тому же...

К тому же здесь было... пусто.

Никем не занятое место за столом... зубная щетка, которой давно никто не пользовался...

Грегор слонялся по квартире из комнаты в комнату, не понимая, что он ищет, а потом наконец спохватывался: он искал не что-то, а кого-то — маму.

Мама все еще оставалась в Подземье, но ей там было лучше всего. Да, это глубоко под землей и все они страшно по ней соскучились, но в Регалии ее лечили лучшие доктора, там было качественное питание и, между прочим, вполне комфортный климат. А подземные жители относились к маме как к королеве. Если не обращать внимания на то, что город постоянно находился на грани войны, — можно сказать, что там практически курорт.

Грегор пошел в ванную, чтобы помыть руки единственным средством, помогавшим избавиться от мерзейшего рыбного запаха: средством для чистки унитазов. А затем отправился на кухню готовить завтрак.

Там его ждал, приятный сюрприз: миссис Кормацци уже вовсю хлопотала, разливая сок и жаря яичницу, а на столе стояла большая коробка с пончиками. Довольная Босоножка восседала на своем детском стульчике с испачканным сахарной пудрой личиком, а Лиззи ковырялась вилкой в яичнице.

— Ого! А у нас что, праздник? — спросил Грегор.

— Лиззи едет в лагерь! — сообщила Босоножка.

— Совершенно верно, юная леди, — кивнула миссис Кормацци. — И ей нужно хорошенько подкрепиться перед дорогой. Ей нужен большой завтрак.

— Басой завтрак! — согласилась Босоножка. Она запустила в коробку с пончиками липкую ручонку и, выудив оттуда пончик, протянула его Лиззи.

— У меня уже есть, Босоножка, спасибо, — отказалась Лиззи.

К своему пончику она даже не притронулась. Грегор видел, что она очень нервничает из-за лагеря и всего остального — какая уж тут еда.

— А у меня нет, Босоножка! — сказал Грегор, схватил Босоножку за запястье и отправил ее ручку с пончиком себе в рот, откусив порядочный кусок.

Малышка захихикала и старательно запихала ему в рот весь пончик целиком, перепачкав и его лицо сахарной пудрой.

Вошел отец с пустым подносом в руках.

— Как бабушка? — спросил Грегор, бросив внимательный взгляд на руки отца: не дрожат ли? Потому что если дрожат — значит, опять будет плохой день, отец снова будет лежать на диване, страдая от приступа лихорадки...

Но сегодня руки как будто не дрожали.

— О, бабушка прекрасно. Ты же знаешь, как она любит пончики! — улыбнулся в ответ отец и, взглянув на тарелку Лиззи, произнес: — Тебе обязательно нужно подкрепиться, Лиззи. Сегодня большой день.

Слова вдруг полились из Лиззи потоком — будто дамбу прорвало:

— А я думаю, что мне не стоит ехать! Папа, я думаю, мне не стоит уезжать! А вдруг здесь случится что-нибудь ужасное, и я вам понадоблюсь? Вдруг маме станет хуже? А что если я вернусь — а вас здесь уже нет?!

Она с трудом говорила, хватая ртом воздух. Грегор видел, что сестра на грани истерики.

— Ничего такого у нас не случится, милая. — Отец присел на корточки рядом с ней и взял ее за руку. — Все будет в порядке, а тебе непременно нужно хорошенько отдохнуть. Да и маме с каждым днем становится лучше, ты же знаешь.

— И мама хочет, чтобы ты поехала, Лиззи! — вмешался Грегор. — Она сама говорила мне об этом раз двадцать. Ты все равно не можешь навещать ее и...

Отец взглядом заставил Грегора заткнуться.

Ну и дурак! Какую же он сморозил глупость!

Ведь Лиззи столько уже пыталась преодолеть свой страх и спуститься в Подземье, чтобы проведать маму, — но ей так и не удалось продвинуться дальше вентиляционной решетки в прачечной: всякий раз ее охватывала дикая паника, она вцеплялась в краешек сушилки и начинала задыхаться, трястись и потеть.

Всем было прекрасно известно, как она хочет увидеть маму.

Хочет — но не может.

— Прости, я имел в виду... я не это... — забормотал Грегор.

Но было поздно — Лиззи совсем расклеилась.

— Это потому, что твоя сестра — единственный член вашей семьи, у кого есть хотя бы зачатки здравого смысла, — вмешалась миссис Кормацци. Она как раз заплетала Лиззи косички, тоненькие, как мышинные хвостики. — Меня, например, тоже не затащишь в это ваше Подземье ни за какие сокровища мира, даже за миллион долларов! О нет, я бы ни за что...

Прошлой весной в порыве откровенности Грегор доверил их

семейную тайну миссис Кормацы. Он рассказал ей все, начиная с того момента, когда три с половиной года назад таинственным образом исчез его отец. Грегор рассказал, как прошлым летом Босоножка нырнула в отверстие вентиляционной решетки в прачечной и как оба они несколько километров летели вниз, пока не очутились в темном, странном мире глубоко под Нью-Йорком — Подземье. О том, что этот мир населяют гигантские говорящие животные — тараканы, крысы, летучие мыши, пауки и куча таких, которым нет названия. А люди — с очень бледной, почти прозрачной кожей и фиолетовыми глазами — построили в Подземье прекрасный каменный город, который называется Регалия. Одни обитатели Подземья дружат меж собой, другие враждуют, и очень часто одно трудно отделить от другого. Он, Грегор, бывал там уже трижды: первый раз — спасая отца, во второй — во время заварушки с белой крысой по имени Мортос и в последний, третий раз — несколько месяцев назад, — когда пытался помочь подземным найти противоядие от страшной болезни — чумы, которая убивала всех теплокровных. А мама, которая отправилась в Регалию вместе с ним, подхватила эту чуму. И теперь никто не знает, сколько понадобится времени, чтобы она окончательно выздоровела и смогла вернуться домой.

Он даже рассказал миссис Кормацы о том, что существует несколько пророчеств, в которых его, Грегора, величают Воином, и не абы каким — а Воином с большой буквы, который призван спасти Подземье от гибели. А после некоторого колебания рассказал и еще об одном: о том, что он, оказывается, яростник — то есть тот, кто от рождения наделен особым умением: умением драться и убивать.

Миссис Кормацы выслушала его молча, не перебивая и не комментируя.

А когда он закончил, объявила:

— Что ж, это звучит потрясающе.

Но самым удивительным было то, что она, кажется, поверила Грегору.

О, разумеется, несколько вопросов она задала. Например, попросила еще раз повторить ту часть истории, которая касалась его отца. Она сказала, что давно подозревала, что в их семье происходит что-то не совсем обычное, и что правда, которую она узнала, заставила ее вздохнуть с облегчением: по крайней мере теперь ей стало все понятно — и эти их исчезновения, и шрамы Грегора, и то, почему Босоножка так радуется, когда видит таракана...

Что касается фантастической природы самого Подземья — миссис Кормацы она, кажется, ничуть не смутила. Но в этом как раз не было ничего

удивительного — учитывая, что она была склонна ко всяким необычным и таинственным вещам, ведь миссис Кормаци гадала по картам Таро.

Правда, когда Грегор впервые отвел ее в прачечную, где ей довелось побеседовать с огромной говорящей летучей мышью, — миссис Кормаци была слегка шокирована. Говорила она с мышью светским тоном о погоде и прочих пустяках, а когда с одной из сушилок от дуновения из вентиляционной решетки взметнулась пыль, миссис Кормаци, не прерываясь, стряхнула ее с мышьиной шерсти, приговаривая: «Будьте осторожнее, ведь пыль может попасть вам в уши!»

Зато когда летучая мышь попрощалась и улетела — миссис Кормаци некоторое время сидела на ступеньках, держась за сердце и стараясь выровнять дыхание.

— С вами все в порядке? — с тревогой спросил тогда Грегор.

Меньше всего ему хотелось, чтобы у нее случился сердечный приступ или что-нибудь в таком роде — из-за того, что он втянул ее в эту историю.

— О, ничего-ничего, я в порядке, — пробормотала она, поглаживая его по плечу. — Просто все это казалось мне слегка нереальным, пока я не поговорила с летучей мышью... Но теперь стало по-настоящему реальным. Более реальным, чем я могла себе представить.

С этого момента миссис Кормаци твердо решила заботиться о семье Грегора и помогать им. А они с благодарностью приняли ее помощь, ведь она действительно была им нужна.

И вот сейчас, закончив заплетать Лиззи косички, она сказала:

— Ну что же, твои вещички собраны. Там вас покормят, как только приедете на место. Как насчет того, чтобы взять в дорогу пончиков?

— Нет, спасибо, я все равно не смогу их съесть, — покачала Лиззи головой. — Я хочу, чтобы Грегор отнес их Живоглоту.

— Ладно, Лиз, — кивнул Грегор.

Сегодня у них должен был состояться урок эхолокации.

Вообще-то Грегор не одобрял заведенную Лиззи традицию носить Живоглоту еду, но ей это было важно, а самому Живоглоту неизменно поднимало настроение.

Миссис Кормаци проворчала, покачав головой:

— В подземном мире, видать, сейчас тяжелые времена: и чума, и еды не хватает, и все время кто-то на кого-то нападает... Почему же ты намерена кормить пончиками именно этого ловкого и умного крыса, который как раз относится к тем немногим, кто может позаботиться о себе сам?

— Потому что я знаю: он очень одинок, — тихо произнесла Лиззи.

Грегор подавил возглас удивления: поистине ход мыслей Лиззи был непостижим для него. Уж кто-кто, а Живоглот меньше всего был похож на того, кого стоило пожалеть.

— У тебя, девочка, поразительно большое сердце для ребенка твоего возраста, — заметила миссис Кормацци, обнимая Лиззи. — А теперь иди почисти зубки, да поскорее, не то опоздаешь на автобус.

Лиззи вышла из комнаты, счастливая, что ее не заставляют завтракать. Миссис Кормацци покачала головой, глядя ей вслед:

— Беспокоюсь я за нее...

— Может, в лагере ей станет лучше, — сказал Грегор.

— Ну конечно! Я совершенно уверен, что лагерь пойдет ей на пользу, — ответил отец.

На самом деле ни он, ни остальные в этом уверены как раз не были.

Как бы то ни было, минут через пятнадцать Лиззи вместе с другими ребятами уехала на автобусе в летний детский лагерь.

У Грегора оставался час до занятий с Живоглотом, и они с отцом и миссис Кормацци обсудили то, что называлось у них «семейным бизнесом».

Внизу, в Регалии, существовал музей, в котором хранилось все, что падало сверху в течение многих веков, все, что роняли и теряли незадачливые жители Нью-Йорка. Там собралась неплохая коллекция. И вследствие особой ситуации в семье Грегора ему было разрешено брать в музей все, любую вещь, которая представляет собой хоть какую-то ценность. Поначалу его внимание привлекали исключительно старые бумажники и кошельки, в которых он находил деньги. Некоторое время это помогало им держаться на плаву.

Но потом миссис Кормацци пришла в голову великая идея:

— Я знаю одного человека, его зовут мистер Оттс. Он покупает и продает антиквариат, — сказала она.

Вручив Грегору чемодан, она объяснила ему, что следует взять из Регалии в следующий раз. И он последовал ее инструкциям.

Конечно, кое-что оказалось совершенным барахлом. Но среди прочего там было кольцо с большим красным камнем, за которое они получили столько денег, что им хватило на целых два месяца.

Теперь деньги, полученные за кольцо, подходили к концу, поэтому они выбирали, что продать на этот раз. Все сошлись на том, что это будет старинная скрипка, которую Грегор нашел в самом дальнем углу музея. Она была совершенно целая, в футляре, а при взгляде на нее становилось понятно, что она стоит кучу денег.

Грегор испытывал благодарность к подземным за возможность

пользоваться экспонатами музея, но все же эти походы не доставляли ему удовольствия. Ему совсем не хотелось думать о том, как эти кошельки, скрипки и кольца попадают в Подземье, но главное — что случается с их владельцами. Хорошо, если человек просто уронил что-то в канализационный люк, откуда этот предмет и попал в Подземье. Но вообще-то... совсем немногих владельцев музейных экспонатов удалось спасти после такого падения. Большинство из них погибли или были съедены крысами в подземных туннелях.

Так что даже мысль об этом «семейном бизнесе» заставляла Грегора грустить.

Но сегодняшний визит Грегора в Подземье не предполагал похода в музей. Сегодня он планировал провести маму, повидаться с друзьями и поприсутствовать на большом обеде. Сегодняшний день обещал быть довольно приятным... после того, конечно, как закончится урок эхолокации с Живоглотом.

— Тебе пора идти, если ты не хочешь опоздать на встречу с крысом, — сказала миссис Кормацци.

— Ну что, Босоножка, хочешь навестить маму? — спросил Грегор.

Он вынул из кармана куртки, висевшей в коридоре на вешалке, фонарик и положил его в задний карман штанов.

— Да-а-а-а! — радостно воскликнула сестренка. — Где мои сандалики?

Она собиралась с энтузиазмом — в отличие от Лиззи, Босоножка была большим любителем Подземья.

Миссис Кормацци решила проводить Грегора с Босоножкой до прачечной и там покарать, чтобы никто их не увидел. Но прежде она попросила на минутку зайти к ней домой. Там она открыла холодильник и достала миску с наполовину съеденным салатом с пастой.

— Вот, — сказала она, — отнесите вашему крысу.

— У меня уже есть угощение для Живоглота, — сказал Грегор, который держал в руке завернутый в бумажку пончик.

Но миссис Кормацци возразила:

— Ведь у тебя хватит рук и сил, чтобы отнести и это, правда?

— Нет. Я не считаю правильным отдавать ему такую огромную миску прекрасного салата. Он и сам может раздобыть себе что-нибудь на обед! — заявил Грегор.

— Я все равно собиралась это выбросить, мне кажется — майонез немного начал портиться, а твоего друга-крыса это вряд ли смутит, — ответила миссис Кормацци. — Постой-ка, я переложу салат в бумажный

пакет — не хочу, чтобы крыса вылизывала мою миску!

Грегор покачал головой:

— Вы еще хуже, чем Лиззи.

Миссис Кормаци могла сколько угодно хитрить, Грегор знал правду: каждый раз, когда он отправлялся в Подземье на встречу с Живоглотом, у миссис Кормаци непременно находилась в доме какая-нибудь еда, которая «немного начала портиться».

— Ну знаешь, может, Лиззи права: в конце концов этот крыс... что у него есть? Ни дома, ни семьи... и он все время вынужден с кем-то драться. Понимаешь, маленькие радости нужны всем, и слабым, и сильным. Вот и отнеси ему этот салат из соображений милосердия, — сказала миссис Кормаци.

— Хорошо, — ответил Грегор.

Он и сам не понимал, почему ему так претит носить Живоглоту угощение. Впрочем нет, понимал.

Грегор не особенно преуспевал в эхолокации, а Живоглот постоянно подгонял, торопил, давил на него — и это вызывало в нем протест. Он почти перестал практиковаться в искусстве навигации в темноте — и Живоглот это видел. А потому уроки эхолокации превратились, по сути, в двухчасовые лекции, в течение которых Живоглот объяснял Грегору, каким слабым, никчемным и ни на что на способным существом он является.

Так что сама мысль о том, чтобы доставить удовольствие Живоглоту с помощью угощения, приводила Грегора в неистовство.

В прачечной миссис Кормаци сначала проверила обстановку, убедилась, что все чисто, и дала Грегору знак заходить. Он открыл вентиляционную решетку, свистнул — и почти сразу появилась Найк. Босоножка тут же подбежала к ней и стала наглаживать черно-белые полоски на морде летучей мыши.

— Приветствую тебя, принцесса, — промурлыкала Найк.

— Приветствую тебя, принцесса, — эхом отозвалась Босоножка, и обе рассмеялись.

Эта сцена повторялась, наверно, раз в пятидесятый, но Босоножка при этом всегда неподдельно радовалась и веселилась. А про Найк Грегор думал, что та просто хочет доставить удовольствие его маленькой сестренке, поддерживая ее игру.

— Мы же обе принцессы! — сообщила Босоножка Грегору.

— Ну... это здорово, — сказал он, улыбнувшись.

Найк, дочь королевы летучих мышей, была настоящей принцессой.

А Босоножку тараканы называли принцессой потому, что поклонялись

ей, но на самом деле никакой принцессой она не была.

— Ну что ж, дорогие принцессы, давайте поторопимся, а то я опоздаю. — Он сгреб в охапку Босоножку и повернулся к миссис Кормацци. — Вечером увидимся, да?

— Конечно. Желаю вам, детки, хорошо провести время, а я тут за всем пригляжу, — ответила она.

Грегор вдруг почувствовал жгучий стыд за спор с миссис Кормацци о салате. Как ему в голову могло прийти спорить с ней и злиться из-за какой-то дурацкой пасты, когда она столько делала для его семьи?

— Ладно, и спасибо вам большое, миссис Кормацци.

Она нетерпеливо отмахнулась:

— Да за что? Что я такого сделала? Да и заняться мне особо нечем, так что... давайте, вам пора.

Спуск по длинной трубе, потом темнота каменного туннеля — и вот уже яркие огни дворца в Регалии приветливо мигают им навстречу. Правда, Грегор все никак не мог забыть свой спор с миссис Кормацци об угощении для Живоглота.

Приземлившись в Высоком зале, Грегор пулей понесся на урок — у него не было времени даже заглянуть к маме и поздороваться с ней, когда он бежал по больничному крылу дворца.

Он торопился туда, где четыре каменных колонны охраняли тяжелую каменную же дверь. Ноги привычно отсчитывали ступеньку за ступенькой. Совет Регалии дал свое согласие на эти уроки здесь, в пределах города, при условии, что о присутствии Живоглота никто не будет знать — почти никто. Ведь люди и крысы были врагами и воевали в течение многих веков и мало кому из людей, живших в городе, пришла бы по вкусу мысль о том, что такая опасная крыса находится так близко от их собственного дома.

Живоглот уже ждал Грегора в обычном месте — большой круглой пещере в самом низу.

Крыс стоял, прислонясь спиной к стене, гоняя во рту очередную косточку.

Он зажмурился, когда луч фонарика Грегора ударил его по глазам, и зарычал:

— Убери это от моих глаз! Сколько можно тебе говорить?!

Грегор убрал фонарик, но ничего не ответил.

Даже в полумраке он видел, как задержался нос Живоглота:

— Что это так пахнет? — осведомился крыс.

— Это тебе Лиззи прислала, — ответил Грегор, протягивая Живоглоту

пончик.

Живоглот моментально сунул его в рот и начал жевать, смакуя сладкий вкус:

— Лиззи... Ну почему я такой невезучий... почему мне никогда не удастся проводить время с лучшими членами твоей семьи? — Живоглот облизнулся и снова принялся. — А в пакете что?

— А это — от миссис Кормацы, — сказал Грегор.

— Ах, белла Кормацы, — вздохнул Живоглот. — И что эта кудесница кухонной плиты передала мне сегодня?

— Сам посмотри! — Грегор уже протягивал пакет с салатом вслед пончику, но тут услышал какой-то шорох в глубине туннеля.

Звук заставил его насторожиться — ведь здесь, в самом низу, никого не должно быть, кроме них с Живоглотом.

— Я же велел тебе оставаться на месте! — крикнул Живоглот в направлении туннеля.

Последовала долгая пауза, видимо тот, кто был в туннеле, обдумывал услышанное, а потом снова послышалась возня и раздался жалобный голос:

— Я унюхал еду.

На слове «еда» голос сорвался в отчаянный писк — это напомнило Грегору его кузена Родни, который в подростковом возрасте все время давал петуха, когда у него ломался голос.

— Это что? — спросил Грегор.

— А это твой маленький дружок Мортос, — ответил Живоглот. — После того как он изувечил двух последних нянек, эта работенка перешла ко мне.

— Мортос?! — поразился Грегор.

Он давно не видел Мортоса — несколько месяцев. Все, что он помнил о нем, — это ощущение вздрагивающего тельца, покрытого белой шерсткой, у себя на руках. В декабре прошлого года Грегор должен был убить его, но выяснив, что Мортос еще совсем ребенок, он этого не сделал и оставил крысеныша на попечение Живоглота.

— Я могу выйти? — жалобно позвал голос из туннеля.

— Ох, ну почему нет? — ответил Живоглот устало. — Выйди и скажи спасибо Воину, который спас тебе жизнь.

Грегор направил луч фонарика в отверстие туннеля, ожидая увидеть выходящую оттуда увеличенную копию крысиного детеныша. Но вместо этого уткнулся взглядом в двухметровую гору белой шерсти.

ГЛАВА 2

— Ни фиги себе! — только и смог выговорить Грегор, когда обрел дар речи.

Да уж. За эти несколько месяцев из беспомощного щенка Мортос вымахал в огромную — даже по сравнению с Живоглотом — крысу!

— И это еще не все, — отметил Живоглот. — Он продолжает расти, и мы ожидаем еще как минимум полметра к Рождеству.

«Это как снег, — подумал Грегор. — Мы ожидаем, что еще тридцать — пятьдесят сантиметров снега покроет эту огромную гору».

— Хотя вы уже встречались, все же позвольте мне представить вас друг другу. — Живоглот вытянул кончик хвоста в сторону Грегора: — Это Грегор Наземный, тот самый Воин, который не воспользовался шансом и не убил тебя, хотя имел для этого все возможности. — Живоглот сделал жест в сторону Мортоса: — А это крыса, которую мы называем Мортосом, хотя его мамочка дала ему совсем другое имя... такое сладенькое и куда более звучное: она назвала его Жемчужок.

Ну да, потому что его шерстка была белой и переливалась, словно жемчужина. И когда на нее падали лучи света — Грегор видел розовые, голубые и зеленоватые отсветы.

Вообще в Подземье не редкостью были белые мыши-зубастики и даже белые летучие мыши встречались. Но вот белые крысы... такая была только одна. И потому все знали, что Жемчужок и есть тот самый «крыс из забытых холодов», о котором говорилось в Пророчестве Погибели.

— Привет, — сказал Грегор горе мяса, покрытого белой шерстью.

Белый крыс засопел, но ничего не ответил.

— Итак, как бы ты хотел, чтобы я тебя называл? — спросил Грегор.

— Не имеет значения, чего бы я хотел. Все зовут меня Мортосом — все, кроме Живоглота. А ему нравится забавляться с моим именем, — ответил Мортос. — Он именует меня то Жемчупопкой, то Жемчужабкой.

Живоглот пожал плечами:

— Просто это трудное имя — Жемчужок, его трудно произносить. Попробуй-ка произнести его три раза подряд. Давай, начинай. Жемчужок, Жемчужлоб, Жемчужор... видишь, это невозможно!

— Жемчужок, Жемчужок, Жемчужок! — сказал быстро Мортос и уставился на Живоглота: — Он вполне может это произнести. Ему просто нравится дразнить меня.

Грегор знал, что Мортос прав. Живоглот был мастером по части дразнилок.

Он не очень-то досаждал Грегору во время их последнего путешествия по джунглям, зато сейчас, на уроках эхолокации, отыгрывался по полной программе.

Если бедному Мортосу приходится все время быть рядом с Живоглотом — он, конечно, постоянно терпит от него насмешки. Грегор даже посочувствовал белому крысу.

— А ты не обращай на него внимания. Как я, например, — посоветовал он.

— Ты — совсем другое дело. Ты яростник, — ответил Мортос. — Я очень хочу быть яростником. Ну или хотя бы взрослым. Тогда все изменится — когда я вырасту.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи нам, дружок, что именно изменится, когда ты вырастешь, — вмешался Живоглот и зевнул.

— Я стану королем. И все, — отрезал Мортос.

Грегор не на шутку встревожился, услышав его заявление. Причина, по которой он должен был убить Мортоса, была одна-единственная: нельзя было допустить, чтобы белая крыса получила власть. В пророчестве говорилось, что Мортос является потенциальным злом, которое ни в коем случае не должно оказаться на троне, иначе в Подземье наступят хаос и смерть...

И вот теперь Мортос рассуждал о том, как станет королем. Нехорошо.

— Вот как? И кто же тебе такое сказал? — поинтересовался Живоглот. — Уж не Умняшка ли?

— Возможно. — Взгляд Мортоса уперся в землю.

— О, она умеет воодушевлять, не так ли? — сказал Живоглот. — Но на твоём месте я бы не придавал особого значения её словам — мне она тоже всегда говорит только то, что я хочу слышать.

— И другие мои друзья, — упрямо продолжал Мортос.

— Ах, твои друзья! — Живоглот расхохотался. — Ты каждого готов назвать другом, кто принесет тебе рыбки. А они знай нашептывают тебе всякую дребедень... какой ты сильный и какой ты храбрый... как однажды ты вдруг р-р-р-раз! — и станешь королем... А ты покорно и с радостью глотаешь и рыбу, и эту льстивую ложь... Ты просто большой белый дурак. И ты понятия не имеешь, кто твои истинные враги.

— Ты, я знаю, ты! — выпалил Мортос. — Ты всем крысам враг! Ты все время путаешься с людьми, с бабочками и зубастиками! А сам вынашиваешь планы уничтожить крыс! Мне Умняшка рассказывала, как ты

расправился с Грызером, потому что сам хотел добраться до трона! Но только десятая часть грызунов поддерживает тебя. А остальные, остальные... Для нас ты никто, шут гороховый! Я... Я...

— Что ты? Убьешь меня? Так ты знаешь — у тебя всегда есть шанс попытаться, — ответил Живоглот.

И тут, к огромному удивлению Грегора, Мортос зарычал и бросился на Живоглота. Отваживались на такое считанные единицы — Живоглот был слишком силен. Мортос был на несколько футов выше и на несколько фунтов тяжелее, чем Живоглот, но все-таки как он собирался соперничать с крысой намного старше и опытнее себя?

Грегору пришлось отпрыгнуть в сторону лестницы, чтобы его не задела когти и зубы дерущихся.

Мортос сражался отчаянно, но ему не удавалось даже дотронуться до Живоглота, который точными ударами и без видимых усилий мотал его по всей пещере. И все же, глядя на этот неравный бой, Грегор впервые понял, насколько Мортос опасен. Он почувствовал страх. И пугали его не столько размеры белого крыса и даже не то, что говорилось о нем в пророчестве, — его пугала отчаянность, с какой тот дрался с Живоглотом. Он был либо действительно невероятно храбр, либо невероятно глуп, либо невероятно уверен в своих силах. А все это вместе взятое могло превратить его в по-настоящему опасного врага, несущего смерть и разрушение всему Подземью.

— Ладно-ладно, хватит, — произнес Живоглот. — Мне становится скучно. А когда мне скучно — я опасен.

Но Мортос разбежался и снова бросился на него.

— Хватит, я сказал! — повторил Живоглот и отбросил Мортоса назад с такой силой, что тот отлетел к самой стене и треснулся головой о камень так, что по пещере прошел гул. Это на мгновение отрезвило белого крыса, а Живоглот добавил: — Ты никогда не можешь остановиться, пока не причинишь себе боль.

Видимо, удар головой о камень был действительно силен, потому что Мортос отступил. Он сел, сгорбившись, и закрыл лапами морду. А потом, к изумлению Грегора, вдруг начал плакать. Не хныкать — а именно плакать: громко рыдать, сотрясаясь всей своей огромной тушей.

— О, великолепно! Наводнения нам только не хватало, — сказал Живоглот.

Видеть плачущего Мортоса было невыносимо. От бесстрашной гигантской крысы, только что яростно бросавшейся в атаку на противника, не осталось и следа — теперь перед Грегором был потерянный, несчастный

малыш-переросток.

— Почему ты с ним так жесток, Живоглот? — спросил Грегор.

— Да потому, что он меня ненавидит! — ответил Мортос. — Он всегда меня ненавидел. Он вынудил меня уйти с ним. Он вынудил меня оставить моих друзей. И я живу у него в плену всю жизнь!

— Это они тебе напели, да? Твои замечательные друзья? — поинтересовался Живоглот. — А они не говорили тебе, что я спас твою никчемную жизнь и растил тебя с младенчества? Разве ты голодал? Или, может, болел чумой? Они не говорили тебе, что ты сидишь сейчас здесь, целый и невредимый, только благодаря мне?

— Ты меня не растил, — стоял на своем Мортос. — Меня Бритва растил. И он единственный, кто обо мне заботился.

— Да, он единственный, кто о тебе заботился, и чем ты ему отплатил, а? Ну-ка, расскажи Воину, пока он не растаял от жалости к тебе, бедняжке, — давай, расскажи! — взревел Живоглот.

Но Мортос не произнес ни слова. Вместо ответа он притянул передними лапами ко рту свой розовый хвост и принялся сосать кончик.

— Ой, сю-сю-сю, бедный маленький обиженный Мортосик! А ведь Бритва действительно заботился о нем как о родном щенке. Сам недоедал, чтобы его накормить, защищал его, старался научить науке выживания... И где же Бритва сейчас? А?! Он мертв. А почему? Потому что наш милый Жемчужок убил его, сломав ему хребет, — продолжал Живоглот.

— Я не хотел! — завопил Мортос. — Я был голоден, я не думал, что это его убьет!

— Не думал? Не думал, что Бритва умрет, если ты скинешь его с обрыва? Конечно, чего особенного, обычное дело! — язвительно бросил Живоглот.

— Я не хотел, чтобы он падал с обрыва. Не хотел. Это случайно вышло... Я не рассчитал силу удара... — Слова Мортоса звучали невнятно, мешал хвост во рту.

— Конечно. Именно поэтому ты и попытался съесть его, стараясь скрыть следы. — Живоглот повернулся к Грегору: — Там мы его и нашли. Он сосал кровь Бритвы, пожевывая его печень.

Грегор почувствовал, как желудок совершает головокружительный кульбит, желая немедленно выплеснуть содержимое наружу. Он посмотрел на Мортоса с возросшей тревогой.

— Нет-нет-нет-нет! — Мортос, не удовлетворившись сосанием, начал грызть собственный хвост, и на нем выступила кровь.

— Да-да-да-да! Только за последнюю неделю ты двинул в глаз одному

крысу и вцепился в ногу другому. Зачем? Почему? Ты даже не можешь объяснить! Вот почему я забрал тебя с собой — чтобы больше никто от тебя не пострадал. И прекрати сосать хвост! — Живоглот был вне себя. — Король, тоже мне! Ты думаешь, кто-то бросится исполнять приказы, исходящие от крыса, который сам себе хвост собирается отгрызть?!

— Может, кто и бросится, — прошипел Мортос в ответ. — Ты ничего не знаешь! Может, кто и бросится! — И с этим словами белый крыс кинулся вон из пещеры.

— Жди там, где я велел! — заревел ему вслед Живоглот.

Но вместо ответа послышался лишь скрежет когтей Мортоса по каменному полу — Мортос убежал прочь.

— Если, конечно, он найдет, где это, — меланхолично добавил Живоглот. — Он плохо ориентируется в темноте.

Живоглот снова прислонился спиной к стене в нескольких футах от Грегора и выждал некоторое время, прежде чем заговорить:

— Теперь он точно не услышит. Итак, ты его видел, Наземный. Что скажешь? Каково твоё впечатление?

Грегор ответил не сразу. Буквально за несколько минут он успел испытать шок при виде Мортоса, тревогу в связи с его королевскими амбициями, страх при виде отчаянности, сочувствие к нестабильному эмоциональному состоянию крыса и отвращение из-за жестокого убийства его кормильца.

— Он... по-моему, он — проблема, — произнес наконец Грегор.

— И очень опасная проблема, Грегор! Мы с тобой в том виноваты, — заявил Живоглот. — Ты — потому что не смог убить щенка. А я — потому что подумал, что, убив его, мы закроем все двери надежде на мир в Подземье. Ведь когда ты сказал, что никто не пойдёт за мной, если я его убью, ты был прав.

Внезапно Грегор осознал, что у него нет ни малейшего понятия о планах Живоглота. Раньше он знал, что Живоглот хочет свергнуть короля Грызера — и Грегор ему в том помог. Но что он собирался делать теперь?

— Ты сам-то хочешь стать королем, Живоглот? — спросил Грегор.

— Честно говоря, нет, — ответил тот со вздохом. — Но я хочу, чтобы все изменилось к лучшему. Чтобы войны закончились. Как ты думаешь, Мортос — это тот, кто сможет остановить кровопролитие?

— Нет, — покачал головой Грегор.

— Вот именно. А ведь он мечтает о короне, и нет никаких причин думать, что он ее не получит. Так как ты полагаешь, что нам с этим делать? — спросил Живоглот.

— Делать?!

У Грегора не было ни малейшего представления, что делать с Мортосом.

Голос Живоглота дрожал от напряжения, когда он наклонился поближе к Грегору:

— Думаю, ты был прав. Ну, в том, что я мог бы научить его чему-то другому, кроме того, к чему он был предназначен. Но... он попал ко мне слишком поздно. Отец уже успел оставить в его душе слишком глубокий след.

— Отец? — переспросил Грегор.

— Да. Капкан. Ты видел, как он погиб в смертельной схватке с матерью Мортоса.

— О да.

Грегор вспомнил страшную крысиную битву в лабиринте между Золотцем — матерью Мортоса — и Капканом, серой крысой. Но ему и в голову не могло прийти, что Капкан был отцом Мортоса. Не было в нем ничего отцовского...

— Капкан был чудовищем — по любым меркам. Как Золотце решилась связаться с ним — загадка. Я предупреждал ее, что не надо этого делать. Но она не послушала — и за это поплатилась. Ты никогда не задумывался, что случилось с остальными щенками из помета, в котором родился Мортос? — спросил Живоглот.

— Нет, — отозвался Грегор, думая, что действительно странно: почему Мортос оказался единственным крысенышем у матери, ведь обычно их бывает довольно много.

— Капкан убил их. Всех. Прямо на глазах у Золотца и Мортоса. Чтобы они не отбирали у Мортоса материнское молоко, — сказал Живоглот. — И ведь в этом не было ни малейшей нужды: многие крысиные семьи с удовольствием взяли бы малышей к себе.

— Это ужасно! — шепнул Грегор.

— Мортос не забыл об этом. А еще Капкан его бил. И потом его родители поубивали друг друга. — Живоглот помолчал, затем продолжил: — Ты счел, что он еще слишком маленький. Но он все помнит. Стоит при нем упомянуть имя Капкана, как он весь начинает трястись мелкой дрожью.

— Ты думаешь, он действительно может стать королем? — помолчав, спросил Грегор.

— У него найдется немало приспешников — он ведь Мортос. У него белая шкура, и размеры подходящие, а внутри кипит столько злобы, что ее

хватит, чтобы не оставить в Подземье камня на камне. Большинство крыс закроют глаза на то, что он противоречит сам себе, потому что им он будет говорить то, что они будут хотеть услышать. Они слишком долго голодали, и чума унесла слишком много жизней... особенно щенков. Нет, крысы не будут колебаться: кто бы он ни был — они пойдут за ним, если он пообещает им реванш, — ответил Живоглот.

По спине у Грегора во время этой речи Живоглота побежали мурашки. Он пытался соотнести гигантскую белую крысу, которую видел сегодня, — угрюмую, злобную, молчаливую — с образом малыша, которого когда-то пожалел. Вспомнил, как Мортос скулил рядом с телом матери и лизал ей морду, пытаясь привести в чувство...

— Может, если бы Золотце осталась в живых — все было бы нормально, — нерешительно сказал он наконец.

— Все возможно. Но она мертва — так что мы никогда не узнаем этого наверняка. — Живоглот покачал головой и снова откинулся к стене: — Бритва очень хорошо о нем заботилась. Да и несмотря на сегодняшнее маленькое представление, свидетелем которого ты стал, — я тоже был неплохой нянькой, когда он был маленьким.

Живоглот уставился в темноту. Когтями он теребил шерсть на груди — там, где был шрам, который он получил в их первой экспедиции. Плечи его поникли, будто его придавливал к земле какой-то тяжелый груз. И выглядел он несчастным.

Грегор вспомнил слова миссис Кормаци: у каждого в жизни должны быть маленькие удовольствия — и протянул крысу пакет с салатом:

— Вот. Это тебе.

Живоглот схватил пакет и потянул носом, сунув его внутрь. А потом буквально в два укуса сожрал весь пакет целиком!

Еда слегка улучшила его настроение. Мышцы расслабились, он фыркнул от удовольствия:

— Ф-р-р-р. Что ж, думаю, нам не остается ничего другого. Ждать нечего — лучше не будет. И мы должны покончить с этим как можно скорее.

— С чем? — не понял Грегор. — С чем мы должны покончить?

— Ты меня не слушал, что ли? — оскорбился Живоглот.

Грегор слушал, но все равно еще не мог понять, о чем идет речь.

— Я понимаю, что Мортос — это большая проблема... — начал он.

Живоглот положил лапу на плечо мальчика, прерывая его речь.

Грегор увидел собственное отражение в мерцающих глазах крысы — он был таким маленьким и растерянным!

— Мы должны убить его, Воин, — шепнул Живоглот. — И чем скорее — тем лучше.

ГЛАВА 3

— Убить Мортоса? — растерянно спросил Грегор.

Он-то думал о чем-то вроде консультаций психолога или о том, чтобы за Мортосом организовать особый надзор. Да, он был проблемой, он неприятен, возможно, он даже слегка сумасшедший, но ведь нельзя забывать, что ему довелось пережить. Грегор не верил, что Мортос намеренно столкнул Бритву с обрыва — если бы это было так, Мортос не плакал бы столь горько и не грыз бы свой хвост. То, что он этого Бритву употребил в пищу, конечно, отвратительно, но, насколько Грегор знал, крысы вообще не гнушались тем, чтобы поедать своих сородичей. Крысы едят крыс. А в их первом путешествии, помнится, один паук съел другого паука — и Живоглот не только не имел ничего против этого, а наоборот, именно это он и предложил. То, что Мортос постоянно причиняет боль другим крысам... — ну так крысы постоянно дерутся друг с другом.

Может, Мортосу просто нужен кто-то, кто сможет научить его владеть собой?

Грегор и сам яростник, а значит, тоже не всегда способен контролировать себя, и он не мог приговорить Мортоса к смерти.

— Да, убить Мортоса. И мы не можем позволить себе тянуть время, — кивнул Живоглот.

— Но... у меня уже был шанс убить его. И я этого не сделал. Ты помнишь?

— Все меняется, — возразил Живоглот.

Мозг Грегора не успевал за тем, что говорил Живоглот, — все это было так неожиданно и странно.

Грегор попытался успокоиться.

— Если ты так хочешь, чтобы он умер, — почему сам не убил его до сих пор?

— Из-за пророчества, — ответил Живоглот.

Какого еще пророчества? Насколько Грегору было известно, никаких иных пророчеств не существовало. И честно говоря, с тех пор как над его головой перестали висеть все эти пророчества, жить ему стало гораздо легче. Пророчества составил Бартоломью Сандвич, основатель Регалии, который, погружаясь в свои видения, испещрил ими стены и пол специального помещения во дворце. И в трех из них фигурировал Грегор, которого Сандвич назвал Воином.

Грегор представить себе не мог, что есть еще какие-то пророчества. И что все начнется сначала.

— О каком пророчестве ты говоришь? Я ничего не слышал, — сказал Грегор.

Возможно, Живоглот просто привирает в своих интересах — как тогда, когда обманом заманил Грегора в Подземье на поиски лекарства от чумы.

— Мы и сами думали, что тебе настало время отдохнуть после твоего последнего похода. Но поверь, оно существует, — произнес Живоглот. — Оно называется «Пророчество Времени».

— И в нем говорится, что мне все-таки необходимо убить Мортоса? — с сомнением спросил Грегор.

— Я считаю, что да. Но ты не волнуйся, я тебе помогу, — успокоил Живоглот и принялся излагать свой план: — Мы сделаем это завтра, во время урока. Захвати с собой меч. И никому не говори об этом, ни одной живой душе!

Грегору предложение Живоглота не понравилось:

— Что, и Викусу не говорить?

Старик был главой Совета Регалии, а также дедушкой его подруги Люксы, будущей королевы Регалии. Но самое главное — он был одним из немногих регалианцев, кому Грегор безоговорочно доверял.

— Особенно Викусу! Он будет вне себя, если узнает, что я привел сюда Мортоса. Ведь Совет с трудом разрешил мне самому здесь находиться. Все, что ты скажешь Викусу, он непременно отправится обсуждать на Совете. К тому же он стал беспомощным и практически бесполезным после того, что сотворила его милая женушка Соловет во время заварухи с чумой, — заявил Живоглот. — Так значит, завтра, в это же время. Ты захватишь свой меч — и мы с ним покончим.

Грегор крепко сжал губы.

Спорить с Живоглотом было бессмысленно. Крыс был абсолютно уверен в правильности принятого решения. Поэтому не стоило ему возражать — по крайней мере пока, до того, как Грегор сам во всем разберется и поймет, что на самом деле происходит. На данный момент точно он знал только одно: что-то есть неправильное в том, чтобы тайно сговариваться с Живоглотом об убийстве Мортоса.

— Увидимся, — уклончиво ответил он.

— Я рад, что ты все правильно понял, Грегор. У нас просто нет иного выхода. — С этими словами Живоглот растворился в сумраке.

Грегор медленно брел обратно, голова у него шла от всего этого

кругом.

— Наземный! — вернул его к реальности чей-то голос.

Он повернул голову и только теперь понял, что находится уже в больничном крыле дворца. А окликнул его Говард, стоявший возле маминой палаты.

Грегор все время невольно сравнивал нынешнего Говарда с тем, каким тот был до чумы: прежний Говард был здоровым и сильным, а кожа у него была чистая. Несколько месяцев назад Говард чуть не умер от страшной болезни, и теперь он весил килограммов на десять меньше своего нормального веса. А уродливые багровые шрамы, избородившие лицо, никогда уже не пройдут, хотя врачи обещают, что со временем они станут бледнее.

Болезнь заставила Говарда резко изменить свою жизнь. Ему разрешили остаться и работать в госпитале, где по-прежнему находилось много больных чумой, и теперь он еще и учился на доктора. Говард был молод и силен — вот почему ему удалось справиться с болезнью быстрее многих других, которые поправлялись мучительно долго. Как мама Грегора например. И Говард как раз помогал таким, как она.

— Наземный, у нас для тебя сюрприз! — радостно сообщил Говард.

— Надеюсь, хороший, — буркнул Грегор, думая о том, что один здоровенный и не самый приятный сюрприз ему сегодня уже преподнес Живоглот.

— Пойди и посмотри сам, — предложил Говард, приглашая его в палату.

Грегор увидел, что мама сидит в кресле. Его лицо озарилось улыбкой:

— И что это ты, интересно, делаешь не в кровати?

— Я? Ну как... я проснулась около шести. Приготовила завтрак, покаталась на летучей мыши, а теперь вот думаю о том, как переставить мебель. Ну, чтобы изменить декор. Ты понимаешь? — сказала мама.

Грегор рассмеялся. Разумеется, она ничего не делала из того, о чем сказала. Она вообще впервые встала с постели.

— Может, тебе все-таки стоит оставить перестановку мебели на завтра, мама?

— Да, вам действительно пора прилечь, — кивнул Говард. — Мы не хотим, чтобы вы в первый же день переутомились.

И протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

— Нет, Говард, я попробую сама, — отказалась она.

С огромным усилием мама встала на ноги. Кровать была всего в пяти шагах от нее, но, одолев их, она повалилась на нее без сил.

Говард и Грегор бросились ей на помощь, чтобы она смогла принять удобное положение.

— Это было замечательно, — похвалил ее Говард. — Каждый день понемножку увеличивайте нагрузку — и тогда очень быстро восстановитесь. А теперь прошу меня извинить — мне пора разносить лекарства.

— Он хороший парень, этот Говард, — сказала мама, когда тот вышел.

— Он лучший, — кивнул Грегор.

— И он станет отличным врачом, — добавила мама. — Может, и ты когда-нибудь тоже?

Грегор кивнул. Вообще-то он никогда не думал о том, чтобы стать врачом. Он вообще не представлял себе, кем бы ему хотелось быть. С тех пор как он попал в Подземье — у него как будто появилась работа. Быть Воином — это ведь тоже работа. Но это не та работа, о которой он мог мечтать. Такая работа ему не нравилась, и уж конечно такое занятие никогда бы не одобрила мама. Она теперь знала, что в местных пророчествах его называют Воином, но вряд ли себе представляла, что это означает на деле.

— Где Босоножка? — спросил он, чтобы сменить тему.

— О, она навестила меня, а потом Люкса забрала ее с собой на стадион — делать какие-то упражнения, — ответила мама. — Как Лиззи, она в порядке?

Грегор поведал маме домашние новости: Лиззи уехала в лагерь, они намерены продать скрипку, на улице страшная жара.

Она кивала, стараясь ничего не упустить, даже малейшей подробности. И он постарался, чтобы в рассказе было побольше мелких деталей, хотя в этот момент его больше всего занимал разговор с Живоглотом и Мортосом.

— Ты сегодня витаешь в облаках, — сказала мама.

Пальцы ее потянулись к бордовому шраму на щеке — она всегда делала так, когда начинала волноваться: трогала рукой шрам.

— Что случилось, Грегор?

— Да ничего, — ответил он.

В ее взгляде он прочел, что она ему не верит, но, к счастью, в этот момент в палату вошел Говард, который принес лекарство. Говард сказал Грегору, что его маме нужно отдохнуть.

— Скоро увидимся, — сказал Грегор и выскользнул в коридор.

Он отправился на поиски своих друзей. Раз Люкса взяла Босоножку с собой на стадион, там, должно быть, идет игра или тренировка. Грегор

надеялся, что это не тренировка с кровавыми шариками. Ему и в хорошие дни доставляло немного удовольствия наблюдать за тем, как лопаются эти восковые шарики, обдавая красными брызгами все вокруг, когда их коснется меч. Теперь же момент был совершенно для этого неподходящим.

Добравшись до места, Грегор убедился, что на стадионе действительно шла тренировка. Но это было совсем не то, что он сначала подумал: просто малыши учились летать на летучих мышах. И даже не только летать.

Малыши с отчаянным радостным визгом падали откуда-то сверху, но не успевали пролететь и половину расстояния до земли, как летучие мыши подхватывали их на лету и снова подбрасывали вверх, чтобы потом опять поймать. Каждый ребенок пролетал в свободном падении метров пять-шесть, а потом его ловила очередная летучая мышь и снова подкидывала вверх.

Руководил тренировкой Марет. Он стоял в центре поля, опираясь на костыль. Доктора изготовили из кожи и рыбьих костей что-то наподобие протеза вместо отсутствующей ноги, но Марет пока не вполне его освоил.

Королева Регалии Люкса ему помогала — если, конечно, это можно так назвать, потому что в данный момент оба умирали со смеху, наблюдая за сценой, разыгравшейся перед ними.

Марет показывал на Босоножку, которая пыталась исполнить сальто, продемонстрированное ей Люксой. Когда летучая мышь подбросила ее вверх, Босоножка свернулась калачиком и несколько раз прокрутилась в воздухе. Но, разумеется, потеряла контроль над собственным телом и, раскорячившись, понеслась к земле, размахивая ручками, словно крыльями.

— Меня! — кричала она, словно призывая летучих мышей не забыть, что ее нужно поймать.

— Не расслабляйся, Босоножка! — смеясь кричала Люкса. — Держи колени!

— Я держу мои колени! — подтвердила Босоножка, которую поймала летучая мышь и снова подбросила. Девочка снова попыталась сделать сальто — и снова превратилась в беспомощного, падающего из гнезда птенца. — Меня! — снова завопила она.

— Эй, Босоножка! Почти получилось! Попробуй еще разок! — подбодрила ее Люкса.

Грегор на секунду оторвал взгляд от тренировавшихся детей и летучих мышей и уставился на Люксу. Он не мог не заметить, что выглядела она на редкость счастливой.

Три месяца в джунглях, в одиночестве, с раненой летучей мышью,

проведенные Люксой в колонии зубастиков, изменили ее до неузнаваемости. Она была так рада вернуться домой! А ее подданные встречали ее с таким искренним восторгом — они словно прозрели и наконец поняли, как им повезло, что именно эта двенадцатилетняя девочка будет ими править. Правда, Люкса не могла обладать всей полнотой власти до тех пор, пока ей не исполнится шестнадцать, но и в свои двенадцать она могла высказывать свое мнение на Совете, когда обсуждались важные политические вопросы. И хотя Люкса порой проявляла упрямство и даже доводила Совет своими выходками, при этом она оставалась умной, сильной и безоговорочно храброй девочкой. К тому же теперь она готова была учиться находить взаимопонимание со своими подданными.

Все это несомненно способствовало тому, чтобы Люкса почувствовала себя счастливой. Но Грегор знал и другую причину ее радости. Причину звали Газард, это был шестилетний кузен Люксы, мальчик с зелеными, как лайм, глазами и черными кудрями, рожденный и выросший в джунглях. Когда его отец, Хэмнет, дядя Люксы, погиб в неравной схватке с муравьями, Газард осиротел. Его мама, которая была из наземных, давно уже умерла. И тогда Люкса забрала его с собой в Регалию, и они стали настоящими братом и сестрой. Он жил в ее апартаментах, ел вместе с ней и всюду за ней следовал, словно преданный паж. И Люкса позволила себе полюбить его всей душой.

Грегор увидел, как Газард пролетает на летучей мыши прямо у него над головой.

Газард был старше остальных малышей на площадке, но искусство управления летучей мышью было для него в новинку. Когда мальчик изъявил желание приступить к тренировкам, Люкса строго-настрого запретила подпускать его к какому-либо оружию. Его отец, умирая, просил, чтобы Газарда ни в коем случае не растили воином, и Люкса ему это обещала. Поэтому пока остальные дети его возраста учились военному искусству, Газард занимался тем, к чему у него был особый талант, — языками.

Вообще-то регалианцы не особо заморачивались изучением чужих языков, но Газард не был регалианцем по рождению — он родился и вырос в джунглях, где пытался разговаривать со всем, что встречал на пути и что могло ему ответить. Он прибыл в Регалию, в совершенстве владея языком «шипучек» (змей и ящериц) и умея объясниться еще на нескольких языках не привыкших общаться с людьми животных. Викус, дедушка Газарда, тут же пригласил для него учителей: Живоглот обучал его крысиному языку и все время ставил его в пример Грегору, говоря, что Газард несравненно

более способный и старательный ученик; Темп, таракан, который несколько раз спасал Босоножку от неминуемой гибели, обучал сразу двоих — и Газарда, и свою обожаемую принцессу — щелкающему языку тараканов; а Парвокс, необыкновенной красоты красный паук, учил его своему странному способу общения при помощи вибраций. В свободное время Газард пытался беседовать с летучими мышами на их языке, хотя некоторые звуки, при помощи которых они общаются, слишком высоки для человеческого уха.

Грегор направился к своим друзьям и вдруг услышал, как кто-то промурлыкал ему в ухо:

— Прыгай!

Он сделал шаг и подпрыгнул как можно выше в воздух, расставив ноги в стороны. А в следующую секунду он уже сидел на спине Ареса.

Рядом с Аресом Грегор всегда чувствовал себя по-особому — в полной безопасности. Они породнились и были единым целым, командой из человека и летучей мыши, которые поклялись защищать друг друга ценой собственной жизни. А пройдя через невероятные трудности и вместе их преодолев, они стали к тому же настоящими друзьями.

— Как дела, парень? — спросил Грегор.

— Хорошо. Дела идут, — ответил Арес.

Грегор обнял Ареса за шею: на месте уродливых багровых шрамов от чумных бубонов пробивалась новая мягкая шерстка.

Арес был самой первой жертвой ужасной болезни и не только смог выжить, но и на удивление быстро восстанавливался. Уже через несколько недель после начала лечения врачи выписали его из больницы. Поскольку Арес был не очень-то общительным, врачи боялись, что он снова улетит в свое укромное убежище в пещере, где его невозможно отыскать, в то время как он нуждался в присмотре и продолжении лечения, а потому ответственность за него взяла на себя Люкса. И теперь Арес жил вместе с ней, Газардом и Авророй в королевских покоях дворца. Грегор полагал, что Арес и сам предпочел бы жить здесь, среди друзей, чем сидеть в одиночестве в своей пещере.

— Скоро мы будем есть? — спросил Грегор, у которого от голода сосало под ложечкой.

Марет свистнул, созывая летучих мышей и их маленьких наездников на поле.

— Думаю, прямо сейчас — тренировка-то окончена, — ответил Арес.

И через десять минут они уже сидели за большим накрытым столом.

Кроме Грегора, Люксы, Газарда, Босоножки, Ареса и Авроры сегодня

за столом присутствовала еще одна летучая мышь — любимица Газарда. Ее звали Талия. Шерстка у нее была персикового цвета с белыми полосками, что делало ее слегка похожей на кошку. Талия была еще совсем молодой, почти подростком, и очень смешливой, что немало удивляло Грегора: ему уже доводилось шутить с ней, и над каждой самой незамысловатой шуткой она заливисто хохотала минут десять, не меньше.

Сегодня он вспомнил старую шутку: «В черном-черном доме в черной-черной комнате сидит черная-черная собака. — Ой, и зачем это я все черным разукрасила?» В этот момент у Талии рот был набит едой, и бедняжка едва не задохнулась, поперхнувшись от неудержимого хохота.

— Как ты думаешь, она это перерастет? — спросил Грегор Люксу шепотом, делая круглые глаза.

— Очень надеюсь, — прошептала она в ответ. — Кстати, Газард склоняется к тому, чтобы с ней породниться.

Грегор ел нежную рыбу, приготовленную на гриле, в маринаде из грибов, и свежий хлеб. Он не принимал участие в беседе, потому что все не мог отделаться от мыслей о Живоглоте и Мортосе.

После обеда, когда остальные отправились играть в апартаменты Люксы, он отговорился, сказав, что намерен прогуляться в музей. На самом деле ему хотелось побыть одному и подумать.

Вопреки предупреждению Живоглота, Грегор намеревался пойти и поговорить с Викусом. Но Живоглот был прав — Викус непременно вынесет сообщенное Грегором на обсуждение Совета. А большинство членов Совета слишком скоры на решения.

Если бы только знать, что в том пророчестве говорится...

Нерисса!

Грегор резко развернулся на пятках и помчался к каменной комнате с пророчествами Сандвича. Нерисса проводила там почти все свободное время. Если кто-нибудь и может сказать Грегору, что его ожидает, — то это именно она.

Нерисса была членом королевской семьи, кузиной Люксы, и даже несколько месяцев носила корону, пока все думали, что Люксу убили крысы. Но в отличие от своей решительной и властной двоюродной сестры, Нерисса была тонкой и ранимой натурой, неустойчивой психологически, к тому же у нее случались видения — и порой она могла предвидеть будущее. Контролировать и объяснять свои видения она могла не больше, чем Грегор мог контролировать и объяснять свои приступы яростничества. Она даже не могла сказать, когда случится то, что она видит: через час или через добрую сотню лет.

И все-таки когда она что-то говорила — это всегда сбывалось.

Как и рассчитывал, Грегор нашел Нериссу в комнате пророчеств.

Выглядела она теперь точно так же, как в те дни, когда еще не была королевой: длинные спутанные волосы ниспадали по спине до талии, а одежда была мягкая и в беспорядке.

— Приветствую тебя, Наземный, — произнесла она, как обычно, еле слышно.

— Привет, Нерисса, — ответил Грегор и решил сразу перейти к делу: — Знаешь, меня интересуют пророчества. Те, в которых речь шла обо мне. Есть еще какое-то пророчество, где бы я упоминался?

— Да, — сказала Нерисса. — Есть. Одно.

— И там, насколько мне известно, сообщается, что я все-таки должен убить Мортоса? — неуверенно спросил Грегор.

Она посмотрела на него с недоумением:

— Оно очень уж неясное. Возможно, что Мортос и в самом деле должен умереть, но прямо о том не говорится. А почему ты спрашиваешь, Грегор?

Он не ответил — не мог же он рассказать ей про Живоглота.

— Кто-то зачем-то пытается заморочить тебе голову и заставить думать о Мортосе. Но ты можешь быть уверен: пророчество, о котором мы говорим, относится к будущему, а не к сегодняшнему дню. Так и передай тому, кто тебе о нем рассказал.

— Откуда ты знаешь? — спросил Грегор.

— Потому что события, предсказанные в нем, еще не произошли. А может быть, никогда не произойдут. Я уверена, что некто это прекрасно знает. Возможно, он считает, что может таким образом обмануть судьбу, — но это не так, — сказала Нерисса.

«Она знает, что речь идет о Живоглоте», — подумал Грегор.

— А ты можешь показать мне это пророчество? — спросил он.

— Нет. Оно недоступно. И я думаю, что это к лучшему. Я думаю, что в целях твоей безопасности и безопасности тех, кого ты любишь, тебе не надо знать, о чем там говорится. Разумеется, ты можешь обо всем расспросить Викаса — этого я тебе запретить не могу, — подумав, промолвила она.

А что еще ему оставалось делать?

Если раньше он сомневался, стоит ли спрашивать у Викаса, то теперь сомнения отпали сами собой.

— Да ладно, если ты говоришь, что это мне во вред — то бог с ним, с пророчеством.

С одной стороны, он испытал громадное облегчение от того, что в ближайшее время ему не придется убивать Мортоса. А из того, что сказала Нерисса, следовало, что, может, и никогда не придется это сделать.

А с другой — он слишком хорошо понимал, что мнение Нериссы вряд ли поколеблет решимость Живоглота: крыс, как и многие в Подземье, относился к провидческим способностям Нериссы весьма скептически.

Чувствуя, что мозг просто закипает, Грегор никак не мог решить, что ему делать на завтрашнем уроке, как себя вести, но в конце концов составил себе план действий.

Он встретится с Живоглотом и попытается отговорить крыса от убийства Мортоса.

Уверенности в том, что его миссия увенчается успехом, у Грегора не было, поэтому на всякий случай он решил взять с собой меч — если придется защищать жизнь белой крысы. Конечно, мысль о том, что, возможно, ему придется драться с Живоглотом, внушала Грегору ужас и сама по себе была просто безумием, но, возможно, Грегору удастся хотя бы задержать Живоглота и тем дать Мортосу возможность убежать...

Понимая, что в случае драки Живоглот в первую очередь постарается выбить из рук Грегора фонарик, мальчик решил примотать его скотчем к предплечью. А вместо факела, который следовало держать в руках, решил взять с собой большой стеклянный масляный светильник наподобие тех, что были у них в джунглях, — его можно при необходимости поставить на пол.

Уже подходя к тяжелой каменной двери, что вела к круглой пещере, он мысленно подбадривал себя, стараясь сформулировать аргументы в пользу того, чтобы оставить Мортоса в живых.

Но когда Грегор подошел к месту встречи, он обнаружил, что там никого нет. Ни Живоглота, ни Мортоса. Ни одной живой души.

Грегор подождал минут десять, может — пятнадцать.

Живоглот не имел привычки опаздывать. Напротив — он любил появляться раньше времени, а еще тогда, когда его меньше всего ожидали.

Грегор готов был уже вернуться обратно в Регалию, как вдруг услышал тихий скрежет в туннеле, в котором накануне скрылся Мортос.

— Живоглот! — позвал он.

Скрежет повторился.

— Есть здесь кто-нибудь?

Грегор поставил на пол лампу и включил фонарь на руке. Он шел на этот странный звук в туннеле и не мог отделаться от ощущения, что звук как будто удаляется, уводя его все дальше от лампы, лестницы, от города

наверху.

— Эй! Есть кто-нибудь?

Он вошел в маленькую пещеру. Откуда-то слева послышался уже иной звук — сдавленный смех. По спине Грегора побежали мурашки: внезапно он понял, что совершил ужасную ошибку. Он резко развернулся, готовясь броситься обратно к выходу, но из сумрака выступили три крысы, загораживая ему путь к отступлению.

Ни одну из них Грегор не знал.

ГЛАВА 4

Меч словно сам собой оказался в руке Грегора.

Крысы окружили его, делая любое его движение в сторону выхода невозможным. Но при этом они не предпринимали никаких попыток напасть. Вместо этого они лениво, в расслабленных позах, расположились вокруг, словно просто пришли позагорать и приятно провести время.

У двух крыс была обычная темно-серая шерстка — такая встречалась у большинства их сородичей. А вот третья крыса, стоявшая прямо перед Грегором, отличалась от остальных: ее шерстка отливала серебром.

Эта крыса и заговорила первой:

— Итак, наконец-то. Наконец-то мы встретились с Воином. Живоглот так старательно не подпускал никого из нас к тебе близко.

Услышав ее голос, Грегор сразу понял, что это самка. Но какой это был голос! Шелковый и нежный, полный дружеского расположения к собеседнику. Чарующий — вот самое правильное слово.

— Ты можешь убрать свой меч, Грегор — ведь никто из нас не собирается с тобой сражаться.

Грегор даже не шелохнулся, он только спросил:

— Кто вы такие?

— Это Кровопуск, а это — Задира, — представила серебряная крыса, и две другие вежливо кивнули при звуках своего имени. — А меня зовут Умняшка.

Умняшка. Он помнил это имя. Это та крыса, которая говорила Мортосу, что он станет королем. Как там Живоглот о ней отзывался? «Она умеет воодушевлять»?

— Вы друзья Мортоса, — сказал Грегор.

— Ты встречался с ним? — живо отреагировала Умняшка.

— Да, встречался, когда...

Грегор вдруг замолчал.

Почему он разговаривает с этой крысой? Ведь ему известно, что Живоглот ей не доверяет.

Вопрос был вроде бы обычный, но ответив на него, Грегор бы тем самым дал ей знать, что Мортос здесь бывал.

— ...когда Мортос был еще щенком, — закончил Грегор.

Умняшка улыбнулась:

— Ладно, Грегор, мы и так знаем, что Мортос здесь был. Его следы

здесь повсюду. Не говоря уже о его крови.

Грегор испугался, что Живоглот решил убить Мортоса самостоятельно, без него.

— Он умер?!

— Возможно, он только и мечтает об этом. Я, например, на его месте мечтала бы, если бы мне пришлось постоянно иметь дело с Живоглотом, — сказала Умняшка, и остальные крысы рассмеялись. — Но нет. Мы просто нашли несколько капель его крови — у него есть дурацкая привычка грызть собственный хвост. А почему ты решил, что он умер?

— Потому что... вы сказали про кровь, — замялся Грегор.

Что-то в этой крысе настораживало его и не давало расслабиться.

— Ну разумеется. Итак, ты с ним встречаешься? — спросила Умняшка.

— Да нет, не особо, — возразил Грегор.

— Ну, если вдруг встретишь — прошу, передай ему, что друзья его ищут. Честно говоря, мы беспокоимся о нем. Мортос еще щенок, а Живоглот... как бы это мягче сказать... бывает иногда слишком резким, — сказала Умняшка. — Находиться рядом с ним — не самая приятная вещь на свете. Но ведь ты это знаешь после вашего совместного путешествия по джунглям, верно ведь? Тебе можно это не объяснять?

— Не стоит, — буркнул Грегор.

Крысы захихикали, и Грегор позволил себе улыбнуться. Конечно, было здорово, что кто-то еще в курсе, каким ужасным может быть Живоглот.

— Я как-то провела с Живоглотом четыре дня в одной пещере, спасаясь от армии муравьев. Но уже на третий день готова была бежать куда глаза глядят, только бы подальше от Живоглота. Я думала так: «Пусть на меня накинутся ужасные муравьи и начнут терзать меня своими жвалами. Вряд ли это будет более мучительно, чем сидеть здесь и слушать стихи, которые Живоглот мне посвятил».

И Умняшка начала читать стихи:

Умняшка большая молодец,
Думает, что она искусный боец,
А на самом деле никчемный щенок.
И любой самый дурной муравей
Даже сражаться не стал бы с ней,
А на завтрак с маслом съесть ее смог.

Грегор, не удержавшись, тоже засмеялся, присоединившись к смеху крыс.

— Не особо искусные вирши, но вполне в его духе, — продолжала Умняшка. — И я не знаю, что бесило меня больше: содержание этого шедевра или его форма.

Грегор почувствовал, что непроизвольно кивает. Умняшка совершенно правильно определила, как действует на окружающих Живоглот.

— словно ты слишком ничтожен для того, чтобы для тебя стараться, — произнес Грегор.

— Вот именно! Да! — воскликнула Умняшка, и крысы принялись рассказывать, перебивая друг друга, истории про Живоглота.

Грегор опустил руку с мечом. Он и раньше порой задумывался о Живоглоте.

Хорошо ли он знает этого крыса? Возможно, тот просто помешан на жажде власти над другими крысами. И этот жестокий убийца ради трона готов принести в жертву и Мортоса, и Умняшку, и кого угодно.

А может, Живоглот просто чокнутый?

Эта мысль заставила Грегора вздрогнуть. Ведь если это действительно так и Живоглот на самом деле сумасшедший — почему Грегор должен делать то, что тот велит?

Тут Умняшка потянулась всем телом, демонстрируя завидную гибкость, и промурлыкала своим волшебным голосом:

— О Наземный, о Воин, как бы я хотела первой познакомиться с тобой — дотога, как ты познакомился с Живоглотом. Но поскольку я не успела сделать это раньше, думаю, сейчас — самое подходящее время.

Грегор был абсолютно не готов к нападению. Ему лишь чудом удалось увернуться и нырнуть вправо от передней лапы Задиры, так что чудовищный коготь крысы лишь царапнул камень там, где Грегор только что стоял.

— Никаких когтей, Задира! — скомандовала Умняшка любезным голосом. — И никакой крови. Он нужен нам целым, без царапин. Сломай ему шею.

Времени спрашивать, зачем они хотят убить его, у Грегора не было.

Может, потому, что он Воин? Да и потом — он был человеком, а для многих крыс одного этого вполне достаточно, чтобы считать его своим кровным врагом.

Грегор подскочил на месте, а Задира и Кровопуск набросились на него, пытаясь хвостом перебить ему шею. Он отступал к стене, сжимая в руке меч. Вдоль стены он начал двигаться к выходу. Хвосты крыс мельтешили у

него перед глазами, меч не успевал за их движениями, а кроме того, Грегор не мог как следует размахнуться и ударить по этим хвостам — они непрерывно атаковали, не давая ему возможности опомниться.

Когда началась яростническая трансформация, Грегор облегченно вздохнул: теперь у него появились шансы на спасение.

Как водится, зрение его стало выборочным, концентрируясь на целях, а рука превратилась в одно целое с мечом. Он чувствовал, что крысы начали колебаться и терять уверенность, они даже, похоже, готовы были отступить.

Но тут кое-что произошло. Хвост Кровопуска сбил фонарик с руки Грегора — и пещера погрузилась во мрак.

Грегор тут же потерял ориентацию: где право, где лево, где верх, где низ... Он начал беспорядочно метаться по пещере, а вокруг была лишь темнота, в которой раздавался отвратительный торжествующий крысиный смех, столь отличавшийся от того, каким сопровождалось чтение стихов Умняшкой.

Яростничество буквально испарилось, будто его и не было. Колени Грегора ослабели, а сердце бешено заколотилось. Вот оно!

Вот и наступил момент, о котором предупреждал Живоглот. Остаться наедине с разъяренными крысами в пещере — без света.

Значит, Живоглот не преувеличивал опасность. Значит, он не просто так, не из упрямства и самодурства настаивал на уроках эхолокации.

И сейчас, в темноте, Грегор, лишенный возможности видеть, был беспомощен как ребенок.

Он махнул мечом прямо перед собой — но там была пустота. И тут же раздался свист рассекающего воздух хвоста, который ударил его сзади и отбросил к стене. Он упал на четвереньки и в панике пополз в темноту, а его меч звенел о камень.

— Живоглот! Жи-во-гло-о-от! — в отчаянии закричал Грегор.

Где же он? Где этот крыс?

Следующий удар хвоста последовал незамедлительно, Грегора подбросило в воздух и с силой швырнуло на камень животом.

«Все кончено, — подумал он. — Это конец».

Но подняв голову, Грегор вдруг увидел краем глаза проблеск света. Он напряг глаза и обнаружил, что это свет от масляной лампы, которую он оставил на полу круглой пещеры: значит, выход там!

Грегор рывком вскочил и со всех ног кинулся на свет — так быстро он еще никогда не бегал. Крысы замешкались от неожиданности, но потом он услышал, что они бросились за ним.

Да, у него была небольшая фора — но будет ли ее достаточно?!

Мерцающий впереди свет дал ему надежду — несмотря на то, что его преследовали крысы. Он кинул меч назад — и одна из крыс вскрикнула. Освободив руки, Грегор одним прыжком преодолел последние несколько метров. Схватив лампу, он резко развернулся.

Умняшка как раз вбегала в пещеру, когда Грегор кинул лампу ей под ноги. Масло вылилось на пол, и столб огня моментально поднялся в воздух, опалив крысе шерсть на морде.

Грегор не стал ждать продолжения событий — он помчался по ступенькам вверх.

Вбежав в каменную дверь, которая закрывала вход в подземелье, он постарался как у него сильно дрожали, поэтому он едва справился с задвижками. И когда наконец последняя задвижка встала на место, ноги его подогнулись, и он сполз на пол, прислонившись спиной к двери.

Из-за двери не доносилось ни звука.

Значит, крысы за ним не побежали.

Постепенно он начал приходить в себя. Страх уходил, на смену ему пришел жгучий стыд. Он вспоминал, как ползал, жалкий и беспомощный, по каменному полу. Звал Живоглота. Готов был сдаться.

Воин! Во всей своей ослепительной красе и славе.

Грегор не мог поверить, что Умняшке так легко удалось заставить его сомневаться в Живоглоте. Да, он часто спорил с ним. Но ведь Живоглот несколько раз спасал ему жизнь! А эту Умняшку он и знал-то всего несколько минут. Живоглот не зря говорил о ее даре убеждения. И если она с такой легкостью манипулировала сознанием Грегора — то что же она может натворить с Мортосом?!

Когда его плеча коснулся Викус, Грегор подпрыгнул от неожиданности.

— Извини, я не хотел пугать тебя, Грегор.

Грегор поднялся на ноги:

— Ничего, все в порядке. Что случилось?

— Я искал тебя. У меня для тебя весточка от Живоглота: урока сегодня не будет, отменяется, — сказал Викус.

— Отменяется? — переспросил Грегор. — А я тем не менее пришел, но его не было. Он не сказал, почему не будет урока?

— Он сказал, что кое-что потерял и должен это найти. Вы сможете возобновить уроки, когда он вернется, — ответил Викус.

Потерял?! Единственное, что мог потерять Живоглот, — это Мортос.

Белый крыс сбежал! Он был по-настоящему зол и расстроен, когда покинул пещеру. Значит, он сбежал, и Живоглот теперь охотится за ним. А Умняшка и ее приспешники пытаются ему помешать.

— Знаете, Викус... Если Живоглот может пробраться сюда, в подземелье под городом, то и другие крысы способны это сделать. И наверняка сделают — учуяв его следы, — осторожно сказал Грегор. — Вы уверены, что эта дверь прочная?

— Она выдержала множество атак на протяжении нескольких веков, — мягко ответил Викус.

Грегор пару раз хлопнул по двери:

— Хорошо.

— А почему это тебя вдруг взволновало? — спросил Викус.

Если Грегор собирался рассказать Викусу о крысах — сейчас был самый подходящий момент.

Но Живоглот предупреждал его, чтобы он ничего не говорил Викусу. А сомнения в том, стоит ли слушать Живоглота, сегодня чуть не стоили ему жизни.

Лучше уж сохранить все в тайне.

— Так, в голову пришло, — буркнул Грегор.

Все в нем по-прежнему сопротивлялось мысли об убийстве Мортоса. Даже теперь, когда Мортос, похоже, сбежал. Если Живоглот настигнет беглеца в каком-то из туннелей — вдруг он просто убьет его сам? Или у него не поднимется рука, он изменит свое решение и постарается помочь Мортосу?

Все это было ужасно. Ужасно.

Грегор мог придумывать сколько угодно сценариев возможного развития событий, но, ложась в постель вечером того дня, в глубине души он не верил ни в один.

Он думал о пророчестве, о котором никто не хотел ему рассказать. О пророчестве, в котором снова говорилось о нем и о Мортосе.

ГЛАВА 5

В течение следующих нескольких недель Грегор почти ежедневно бывал в Подземье, но о Живоглоте ничего не было слышно. Грегор не знал, как понимать его исчезновение и как к этому относиться.

Значило ли это, что Живоглот убил Мортоса и сбежал, чтобы спасти свою жизнь?

Или, может, у него были серьезные неприятности?

Этот крыс не отличался многословностью, он был одним из самых молчаливых и скрытных обитателей Подземья, но чем дольше тянулись неизвестность и молчание — тем больше Грегор беспокоился, думая, что с ним что-то случилось.

Грегор видел, что Викас тоже волнуется.

— Раньше Живоглот никогда так надолго не пропадал, — поделился старик с Грегором, который постоянно боролся с желанием рассказать ему все, что знал.

И все же Грегор не мог этого сделать. Не только потому, что Живоглот просил его хранить молчание, но и потому, что старик и так был выбит из колеи предстоявшим судом над его женой Соловет, и Грегору не хотелось еще сильнее расстраивать его. Поначалу все думали, что на суде ей просто сделают внушение и, возможно, сместят с занимаемой должности. Но по мере того как росло число умерших от чумы, не только среди крыс, но и среди людей, перспектива суда становилась все более зловещей. Люди начали говорить, что доктор Нивива, которая занималась научными исследованиями и поисками лекарства и которую казнили за то, что по ее вине началась эпидемия, — была лишь исполнителем, инструментом в руках Соловет, возглавлявшей вооруженные силы Регалии и отдавшей приказ о накоплении вируса чумы как возможного оружия. А значит, она и должна была нести ответственность за последствия.

Грегор предпочитал держать свои мысли при себе и старался сосредоточиться на приятных моментах своих летних каникул. На том, что маме с каждым днем становится лучше, что из писем Лиззи видно, что в лагере ей очень нравится, на том, что в Подземье на самом деле бывает весело, если на вас никто не нападает. Можно плавать, исследовать пещеры, играть в мяч с летучими мышами, а иногда даже устраивать вечеринки.

Наконец однажды, едва они с Босоножкой приземлились в Высоком

зале, к ним подбежал взволнованный Газард и протянул небольшой свиток:

— Это приглашение! На мой день рождения! По поводу моего семилетия! Вы ведь придете, да, придете? — теребил он Грегора, не давая тому даже развернуть свиток.

— Ну разумеется, мы придем, — сказал Грегор. — А что бы ты хотел получить в подарок?

— Не знаю, — ответил Газард и растерянно посмотрел на Люксу.

— Может быть, пусть это будет что-нибудь из Наземья? — предложила она. — Что-нибудь такое, чего у нас тут нет?

Газард радостно закивал:

— Да! Что-нибудь, чего я даже не видел никогда!

— Хм-м... надо подумать... — Грегор сделал вид, будто сомневается, на самом деле он уже знал, что подарит Газарду.

Скрипку из музея удалось продать за очень неплохие деньги — их должно было хватить на полгода. И сейчас с деньгами все устроилось — не было нужды считать каждый пенни. Поэтому с утра в день рождения Газарда Грегор и Босоножка отправились на метро в большой магазин игрушек, купить Газарду подарок.

Грегор сразу увидел то, что нужно: совсем детскую игрушку, для малышей, но в данном случае не это было главным.

Пластиковый диск, на котором по кругу расположены изображения животных. Если его крутануть и остановить стрелку напротив одной из картинок, раздается звук, который издает это животное. Газард был мастером подражать звукам живших в Подземье существ, и Грегор был абсолютно уверен, что игрушка придется ему по душе. Босоножка нашла набор фигурок животных джунглей, а поскольку она вела себя в магазине хорошо и не попрошайничала, Грегор позволил ей выбрать что-то и для себя.

Это была серьезная задача — и Босоножка отнеслась к ней со всей ответственностью. Она посмотрела почти каждую игрушку в отделе для дошкольников, пока не увидела *это*: набор аксессуаров для принцессы. Там была пластиковая диадема, украшенная «драгоценными камнями», прозрачная розовая накидка, которая завязывалась под подбородком, и скипетр, который начинал светиться, если нажать на кнопочку.

Босоножка была в величайшем восторге от такой красоты.

— Я могу это взять? Гре-го, могу, да? Потому что я принцесса? — с надеждой спросила она.

— Ладно, принцесса, — разрешил Грегор. — Кидай в корзину.

Но она не могла расстаться с такой драгоценностью. Сестренка несла

набор в руках до самого дома, крепко прижимая его к груди и мурлыча:

— Пэ — это принцесса...

А как только они переступили порог квартиры, Босоножка нарядилась в свой принцессин наряд, который и правда производил впечатление, и они отправились в Подземье на вечеринку.

У миссис Кормацци был старый фотоаппарат — из тех, у которого сразу отпечатывается карточка.

Она остановила детей на пороге квартиры со словами:

— Я хочу фотографию. И сделайте несколько штук для именинника, чтобы он мог вспоминать об этом особенном дне.

Люкса взяла все приготовления на себя. Стадион был празднично украшен разноцветными флажками. Длинные столы, покрытые скатертями, ломились от яств. Гигантский торт, щедро декорированный фигурками летучих мышей, тараканов и других животных, вызвал всеобщий восторг. А пятнадцать музыкантов играли приятную музыку.

Газард, увидев Грегора с Босоножкой, понесся к ним, и Грегор сразу вручил ему подарок. Игрушка так понравилась имениннику, что он тут же уселся на траву и начал играть с ней, крутя диск и нажимая кнопку снова и снова, чтобы услышать, как ржет лошадь, или мычит корова, или лает собака. Несколько минут спустя Люкса ласково взяла его за руку и сказала, что другим гостям тоже следует уделить внимание.

Вокруг было полно взбудораженных детей, летучих мышей и даже с десятков тараканов.

Гигантские жуки моментально окружили Босоножку, потеряв дар речи от ее неземной красоты и принцессинового наряда. Босоножка, не теряя времени, вскарабкалась на черный панцирь своего друга Темпа и устроила демонстрацию скипетра, нажав на кнопочку и размахивая им из стороны в сторону.

— Не пойму, во что одет этот ребенок? — услышал Грегор изумленный голос и увидел маму, укрытую одеялами, которая сидела в кресле у стола. Она качала головой, пораженная видом Босоножки.

— Мам, ну она же принцесса, — ответил Грегор. — Ты же понимаешь, я не мог привести ее на вечеринку, одетую не по статусу.

Грегор заключил маму в объятия:

— Ну как тебе здесь, за пределами больницы?

— Я будто на небесах, — сказала мама.

Грегор включил фотоаппарат миссис Кормацци, чтобы сделать несколько снимков.

Никто вокруг не понимал, что он делает, пока ему не удалось упросить

Газарда и Талию перестать бегать и попозировать, обнявшись руками и крыльями.

Появившаяся почти сразу картинка поразила подземных. Они никогда не видели фотографий и не были знакомы с этим искусством, поэтому вся процедура выглядела для них настоящим волшебством. Когда Грегор собрал в кучу несколько детей, они встали напротив камеры, вытянув руки по швам, с ужасно серьезным выражением на лицах. И ему пришлось раз десять попросить их сказать «сыыыыыр!», прежде чем они наконец начали хихикать, забыв о том, какое важное дело фотографирование.

Люкса объявила, что начинаются танцы, и Грегор поскорее занял место рядом с мамой. Он и в Наземье-то танцевать не любил да и не умел, так что меньше всего на свете ему хотелось сейчас опозориться на глазах у всей этой кучи народу, пытаясь изобразить... Что они там танцуют? Какой-нибудь менуэт? Ну, что-нибудь этакое.

Но подземные как по команде побежали к середине поля, где начинались танцы.

Первый танец назывался «Мышка, мышка» и был парным. Небольшой хор пел песню под оркестр, но большинство присутствовавших знали слова и подпевали, танцуя. Босоножка, которая в садике уже, видимо, разучивала и песню и танец, чувствовала себя непринужденно, танцуя с Газардом и подпевая:

Летучая ты мышка,
Надень мои штанишки,
Я дам тебе покушать творожок.
А плюшки печь я буду —
Тебя уж не забуду
И дам тебе румяный пирожок.

Один из пары танцующих махал руками и бегал по кругу, изображая летучую мышь, а второй догонял его и делал вид, будто пытается накормить и угостить. И на каждое слово песенки существовало свое особое движение, как Грегор и ожидал.

— Вот так раз, — удивился он и обратился к маме: — Мам, мне почему-то кажется, что я уже слышал слова этой песенки.

— Она есть в детской книжке стихов Босоножки, которая у нас дома, — ответила мама. — Я и тебе ее читала, когда ты был маленьким. Этой песенке уже много-много лет, должно быть сотни.

— О, точно! — сообразил Грегор.

Он сам читал книжку Босоножке, но не сразу вспомнил об этом и не соотнес стишки и песенку. Было что-то странное в том, что они с Люксой слушали одни и те же стишки, когда были такими же маленькими, как Босоножка.

Музыканты играли мелодии все новых песенок: о паучках, прядших паутинку, о плывущей лодочке... Но наконец наступил небольшой перерыв.

Раскрасневшиеся и запыхавшиеся, к Грегору и маме подошли Люкса, Газард, Говард и Босоножка.

— А ты почему не танцуешь, Грегор? — спросил Газард.

— Я ни одного танца не знаю, Газард, — ответил Грегор, но тут вмешалась мама:

— Как это — ты не знаешь? Знаешь, разумеется! Ты знаешь танец маленьких утят.

— Танец маленьких утят? — оживился Газард. — А как это? Ты покажешь нам, научишь, да?

Грегор, вцепившись в фотоаппарат, начал отказываться:

— Простите, но мне нужно фотографировать и...

— Конечно покажет! — заявила мама, забирая у него из рук фотоаппарат.

И вот, к ужасу Грегора, его потащили на самую середину поля, чтобы он учил толпу из двухсот человек танцу маленьких утят. И мало того, что он должен был показывать движения, — ему пришлось напеть мелодию, чтобы оркестр ее уловил и смог сыграть.

К счастью, у него была Босоножка: она с готовностью подхватила эту идею и начала с энтузиазмом демонстрировать движения, поэтому Грегор поскорее сбежал и предоставил свое почетное право ей. И тут же увидел, что Люкса и Газард буквально умирают со смеху в стороне от основной массы танцующих.

Да, танец маленьких утят не способствовал укреплению имиджа Воина.

Сама песенка сразу стала хитом среди детей Подземья, они быстро выучили ее и пели так здорово и слаженно, будто репетировали много раз.

Грегор упал на стул рядом с мамой.

— Вот спасибо тебе, мам, — буркнул он.

— Не за что, дорогой, — ответила она.

Когда объявили следующий танец, дети начали переговариваться между собой:

— Кто будет королевой? Кто будет королевой?

— Конечно Люкса, кто же еще! — объявил Газард и побежал за ней.

Люкса сопротивлялась, когда он тащил ее за руку в центр круга, где стояли дети, но на самом деле явно не была против. Да и с чего бы ей возражать? Ведь Люкса, кажется, была рождена для танца как птица для полета.

Дети захлопали в ладоши и начали двигаться в одну сторону по кругу, а Люкса двигалась в другую.

Раз-два-три-четыре-пять, та-ра-ра!
Вот танцует в свете жарком детвора.
В ярком золоте горячем, посмотри,
Королева-королева, раз и два и три.
Мама и папа,
Сестра и братишка —
Все разбежались зубастики-мышки.
Может быть, даже ушли навсегда,
Больше не встретишь ты их никогда.

Теперь к ней присоединились в центре крута несколько детей, которые изображали зубастиков (так в Подземье называли мышей). Они крутились, вертелись, изгибались и царапали воздух лапками, а под конец клали ладошки под щежки, делая вид, будто уснули.

А зубастик, погляди-ка, раз-два-пять,
Покрутился, повертелся — и лег спать.
Угодили все в ловушку, раз и два и три,
Попрыгали, побегали и спать легли,
смотри.
Мама и папа,
Сестра и братишка,
Спать улеглись все зубастики-мышки.
Может быть, даже уснут навсегда,
Больше не встретишь ты их никогда.

А в финальном куплете, насколько мог разобраться Грегор, каждый предлагал своему соседу по кругу какое-то угощение и чай. При этом руками танцующие изображали, что режут что-то на кусочки, а потом из

сложенных вместе ладошек как будто лили что-то горячее.

Вот и гости на пороге, раз и два и пять.
Надо их скорей с дороги угощать.
На кусочки режь скорее, раз и два и шесть,
Кой-кому горяченького надо бы поесть.
Мама и папа,
Сестра и братишка,
Спят крепким сном все зубастики-мышки.
Может быть, даже уснут навсегда,
Больше не встретишь ты их никогда.

Слова песенки Грегор не понимал, хотя все поющие и танцующие, казалось, прекрасно понимают смысл своих действий. Он подумал, что большинство детских песенок в Наземье тоже немножко бессмысленные: взять хотя бы «Каравай, каравай...» или «Если весело тебе, то делай так...» Какой смысл у них? Никакого!

Через некоторое время, когда Грегор стоял у стола и накладывал себе еду на тарелку, к нему подошла Люкса и взяла его за руку:

— Пойдем, Грегор. Газард хочет, чтобы ты был моим партнером в этом танце.

— Люкса, слушай... я не танцую, понимаешь? Я думал, все уже в этом убедились, — ответил он.

— Но это очень простой танец, и слова сами подскажут тебе, что нужно делать. Пойдем, а то Газард волнуется, что тебе не нравится его вечеринка, — взмолилась она.

Грегор вздохнул и неохотно отставил тарелку в сторону.

— Ну ладно. Но только один этот танец!

И Люкса потащила его в центр поля. Здесь уже сформировался новый круг, на этот раз все танцевали парами.

— Начни с поклона в мою сторону. А потом просто следуй за словами, — сказала Люкса.

Тут неожиданно заиграла музыка, и Грегор вдруг обнаружил, что кланяется, как картонный болванчик.

Потанцуй со всеми вместе,
Вот тебе моя рука.
Ты держи ее пока

И давай не стой на месте.
Шаг и два и три вперед,
Шаг и два и три назад.
Повернись, перевернись,
И обратно возвернись.

У него не так уж плохо получалось. А следующая часть была довольно трудной: ему нужно было поднять Люксу, покружить и поставить на место. И он сделал это четыре раза подряд, а потом вдруг Люкса куда-то исчезла, и он двигался по кругу, держа кого-то за руки, пока снова не очутился лицом к лицу с Люксой и тогда опять начал кланяться.

Потанцуй со мною вместе.
Прогони свою печаль.
Пусть умчат тревоги вдаль,
Ты давай не стой на месте.
Шаг и два и три вперед,
Шаг и два и три назад.
Повернись, перевернись,
Снова к радости вернись.

Он снова шел по кругу, а когда надо было делать шаги вперед и назад, Грегор вдруг обнаружил, что ему все это начинает нравиться.

Чтобы нас не разлучали,
Крепче за руку держи.
Свет в твою ворвется жизнь
И забудешь все печали.
Шаг и два и три вперед,
Шаг и два и три назад.
Повернись, перевернись
И закончи то, что начал.
И друг дружке поклонись.

В этом месте партнеры отступали друг от друга для финального поклона. И когда Грегор выпрямился, оказалось, что он смотрит прямо в

фиолетовые глаза Люксы. Щеки ее покраснелись от танца, и она смеялась — но не над ним.

— Ты был хорош, — похвалила она его.

— Да уж, — ответил он.

И в этот момент произошло сразу два непредвиденных события.

Грегор вдруг понял, что Люкса ему очень нравится. А откуда-то сверху вдруг упала золотая корона и приземлилась на траву, ровно между ними.

ГЛАВА 6

Грегор машинально задрал голову, чтобы посмотреть, откуда взялась корона.

Большая летучая мышь с оранжевыми и черными полосками парила над их головами — Грегор узнал ее: это была одна из тех летучих мышей, что приносила ему сообщения из Подземья, когда он был у себя, в своем мире.

— Это вам, ваше высочество, — произнесла летучая мышь. — Ее прислала мышь-зубастик. Она сказала, вы поймете, что это значит.

Люкса засмеялась:

— Это значит, что я опять где-то посеяла свою корону, Гермес. Спасибо тебе за беспокойство!

Летучая мышь улетела. Люкса подняла корону и пошла по полю, подняв руку в воздух, — это был сигнал Авроре.

Озадаченный Грегор в несколько шагов догнал ее и спросил.

Эй, а разве это не та самая корона, которую ты дала мышам, чтобы они в случае...

Люкса схватила его за руку и шепотом заговорила:

— Прошу тебя, Грегор! Не говори никому то, что я сказала в тот день. И постарайся, чтобы ни Газард, ни Найк не узнали ничего об этой короне. Они наверняка тоже помнят, что означает ее появление, и могут проговориться.

Она взволнованно огляделась по сторонам.

Газард с довольным видом показывал Говарду фигурки животных на торте, а Найк нигде не было видно.

— Почему? Почему никому нельзя знать? — не понял Грегор.

— Я объясню после. И очень прошу тебя хранить молчание до тех пор, пока у меня не будет возможности поговорить с тобой с глазу на глаз, — произнесла девочка.

— Ладно, — сконфуженно пообещал Грегор.

Люкса сделала еще несколько шагов, а потом подпрыгнула и оказалась на спине Авроры.

Грегор осмотрелся, пытаясь понять, видел ли кто-нибудь то, что сейчас произошло.

Впрочем, даже если и видел — только Грегор, Аврора, Найк, Газард и Босоножка присутствовали, когда Люкса передала свою корону мышам.

Это было в джунглях, они собирались в обратный путь домой. И чтобы отблагодарить мышей за их доброе отношение к ней и Авроре, Люкса сняла с головы корону и отдала мышам со словами... Что она там сказала? Он попытался вспомнить. «Если когда-нибудь вам понадобится моя помощь — пришлите мне эту корону с одним из своих гонцов, и я сделаю для вас все, что будет в моих силах».

Итак, корона здесь. Значит, мыши в беде.

Но почему Люкса хранит это в тайне? Если мышам грозит опасность — разве не должна она отправить к ним армию или хотя бы отряд гвардейцев?

Она вернулась меньше чем через минуту, спрыгнула со спины Авроры перед Газардом и прошептала:

— А не разрезать ли нам торт? По-моему, самое время!

Грегор увидел, как Аврора и Арес встали друг против друга, вытянувшись в струнку и замерев, головы у них слегка подергивались — было похоже, что они обмениваются какой-то информацией.

Да что тут вообще происходит?

Через несколько минут к нему подбежала Босоножка и восторженно закричала:

— Гре-го! Мама сказала, мы можем остаться здесь ночевать!

— Здорово, Босоножка, — отозвался Грегор и повернулся к маме удостовериться, что это соответствует действительности.

— Люкса попросила разрешить вам. Я знаю, что сегодня вечером планируется праздничный семейный ужин в честь дня рождения Газарда, и он хочет, чтобы вы двое остались. И вы можете переночевать здесь — мы пошлем летучую мышь в прачечную, чтобы предупредить отца, — сказала мама.

— Звучит заманчиво, — ответил Грегор.

Но он чувствовал, что что-то происходит.

Пытался поймать взгляд Люксы — но она, казалось, избегала его. И так несколько часов — до самого конца вечеринки. И даже во время ужина он так и не смог обратить на себя ее внимание.

От Ареса тоже не было никакой помощи.

— Что не так? Что с Люксой и этой короной, Арес?! — спросил у него Грегор, когда они летели на ужин.

— Я не могу сказать, — ответил Арес.

Грегор так и не понял, что он имел в виду: то ли «я не знаю», то ли «я не имею права говорить». Грегор склонялся ко второму варианту. И только когда Газард и Босоножка уже мирно спали в королевских покоех, Люкса

наконец открыла, в чем дело.

Они собрались вокруг камина в ее гостиной: Грегор, Люкса, Арес и Аврора. И хотя гвардейцы, охранявшие ее покои, были довольно далеко и ничего не могли слышать — Люкса говорила шепотом:

— Зубастики в большой беде. Видимо, случилось что-то серьезное, раз они прислали мою корону, потому что вообще-то они мудрые и выносливые существа и справляются со многими проблемами самостоятельно, — начала Люкса.

— Так давайте расскажем все Викусу и отправим им помощь, — предложил Грегор.

— Нет! — хором ответили остальные трое участников совещания.

— Он пойдет совещаться с Советом, Наземный, — объяснил Арес. — У нас мало данных, а эпидемия чумы закончилась совсем недавно — они ни за что не одобряют сейчас наше участие в судьбе зубастиков.

— И заключат меня под стражу, — с несчастным видом добавила Люкса, — потому что будут знать, что отрицательный ответ меня не удовлетворит. Они знают мое отношение к зубастикам и знают также то, что я не успокоюсь. За мной будут наблюдать круглосуточно, и я не смогу покинуть Регалию.

— Но ты же королева! — недоумевал Грегор.

— Именно потому, что она королева. Они не захотят снова рисковать, подвергая ее опасности, — сказал Арес.

— Поэтому мы должны разругать ситуацию с зубастиками сами, — закончила Аврора. — Возможно, если мы узнаем побольше о том, что у них случилось, — мы сможем придумать, как им помочь.

— А! Подождите-ка... дайте сообразить! Итак, это «мы» означает нас четверых? И что мы должны делать? — спросил Грегор.

— Мы должны лететь туда, — произнесла Люкса.

— Куда? Где мыши живут? В джунгли, да? — спросил Грегор.

— Нет, на курган к востоку отсюда. Именно там Гермес встретил мышь, которая отдала ему корону, — сказала Люкса. — И я уверена, что она там и будет ждать ответа. Ты с нами, Грегор?

С одной стороны, Грегор понимал, что это плохая идея. Втайне от Викуса и Совета... втайне от мамы... Господи, если она узнает, что он часами болтается по Подземью, она посадит его под домашний арест до конца каникул! И не здесь, в Регалии, а наверху, в их собственной квартире.

А с другой стороны... В эти дни от Викуса помощи ждать не приходилось.

А мыши, вероятно, попали в большую беду. И остальные трое

собираются лететь, значит, если он, Грегор, останется, он лишится не просто друзей — он лишится своего побратима. А вдруг им будет грозить опасность? Вдруг он понадобится Аресу?

Если вылететь прямо сейчас, чтобы поговорить с зубастиком, пославшим корону, и выяснить, что стряслось, они смогут вернуться еще до того, как проснется мама.

— А этот курган — он далеко? — спросил Грегор.

— Нет, лететь до него недолго. Мы сможем обернуться до того, как нас хватятся, — быстро ответила Люкса.

— Что ж, давайте. Только как вы собираетесь выскользнуть из дворца, не привлекая внимания охраны? — поинтересовался мальчик.

Люкса и Арес переглянулись.

— Генри знал потайной выход, — произнес Арес. — А мы с Авророй встретим вас у него.

— Да. Только дайте нам пару минут, чтобы собраться, — заключила Люкса.

Они оделись в темную одежду. У Люксы был факел, но по дороге они забежали в музей, и Грегор, как водится, примотал очередной фонарик скотчем к предплечью. Путешествие не должно было быть опасным, но после встречи с Умняшкой и ее дружками он был так напуган возможностью остаться без света, что делал все возможное, чтобы этого не произошло. В одной из многих оружейных комнат дворца они взяли пару мечей: Люкса взяла легкий клинок с длинным тонким трехгранным лезвием, которым удобно колоть. Она сказала Грегору, что предпочитает именно такой вариант, потому что с ним легче совершать те акробатические трюки, на которые она мастерица. А Грегор выбрал себе подобие тяжелого меча Марета, который тот использовал в путешествиях. Его лезвие было широким и очень острым.

Потом они на цыпочках прошли через залы, стараясь не попасться на глаза охране, и пришли в ту часть дворца, в которой Грегору еще бывать не доводилось.

Вход в эту потайную часть находился в детском садике, который был теперь заброшен — после того как построили новый замечательный садик, который частенько посещала Босоножка. Прежний садик был, прямо скажем, мрачноват — казалось, он кишел привидениями. Сандвич немало времени проводил в этом помещении, когда не был в комнате предсказаний, он был умелым резчиком по камню, и барельефы с изображениями животных на стенах были его работой. Видимо, предполагалось, что это будет красиво. Но в мерцающем свете факелов фигуры казались зловещими

— глаза у них были слишком большими, а клыки слишком длинными.

Грегор даже ощутил некоторую дрожь, глядя на барельефы, — настолько это было неприятно. Даже заполненное игрушками и детьми, это место не выглядело ни уютным, ни радостным.

— Я в этом жутком помещении нечасто бывала, — нахмурилась Люкса, оглядываясь по сторонам. — К счастью, новый садик уже был построен к тому времени, как я родилась. Но Генри пришлось провести здесь свои детские годы.

«Может, это и объясняет то, что он совершил?» — подумал про себя Грегор, но вслух спросить не осмелился. Люкса уже гораздо спокойнее реагировала на разговоры о Генри — видимо, рана в ее сердце уже начинала заживать. Но все же тема была болезненная и просто так ее касаться не стоило.

— Вот вход, — сказала Люкса, остановившись напротив большой каменной черепахи, изображенной на задней стене.

Черепаха напомнила Грегору огромную металлическую черепаху в Центральном парке, на которую любила залезать Босоножка, — только у той не было такого зверского выражения морды и рот не был так широко открыт, словно она собиралась откусить здоровенный кусок чьей-то плоти.

— Гадость какая! — поморщился Грегор. — Но дети такое любят.

— Нет, эту они избегали. Кроме Генри — он любил сидеть у нее на спине и сочинять про нее разные истории. И однажды, когда остальных уже не было, он отважился сделать вот так.

Люкса сунула руку в пасть черепахе и что-то повернула внутри. Раздался щелчок, и панцирь с одной стороны медленно поднялся.

— Он тогда сразу прихлопнул эту штуку, чтобы никто не увидел его находку. Но той же ночью пробрался сюда и снова открыл ее. — Люкса отвела поднявшуюся часть панциря в сторону, и открылся выход на лестницу. — Мне он показал этот выход, когда мне было восемь. Это был только наш секрет, мой и Генри. — На лицо ее легла тень, но она тряхнула головой: — Пошли.

Грегору пришлось слегка изогнуться, чтобы пролезть в узкий проход. Воздух здесь был затхлый — словно эту дверь закрыли еще во времена Сандвича и с тех пор не открывали. Меч Грегора был в ножнах, но все же он звякнул о камень. И Люкса тут же обернулась и вложила меч в руки Грегора:

— Мы сейчас в самом центре дворца, — прошептала она. — Нам нельзя шуметь, иначе нас заметят.

Путь вниз по лестнице казался бесконечным. Но вот наконец

последняя ступенька — и перед ними возникла еще одна черепаха. Эта должна была, видимо, по задумке автора, смеяться. Но жуткая улыбка делала выражение ее морды еще более отталкивающим, чем у черепахи с открытой пастью. Люкса открыла и ее панцирь тем же способом, и изнутри черепахи в лицо Грегора ударила струя свежего прохладного воздуха. Он заглянул в отверстие: ничего не было видно, но чувствовалось, что там — большое открытое пространство.

Он инстинктивно отступил назад.

— А что там, внизу? — спросил он.

— Водохранилище, — ответила Люкса. — Весной оно становится похоже на озеро. Оно обеспечивает холодной водой почти всю Регалию. Нам нужно прыгнуть.

Поскольку с его стороны никакой реакции не последовало, Люкса шагнула в отверстие и тут же исчезла.

— Эй! — закричал удивленный Грегор и кинулся к дыре. Он ожидал услышать плеск воды — но его не было. Люксу он не видел, но свет ее факела отражался в воде в двадцати ярдах внизу.

— Прыгай, Наземный! — услышал он мурлыкающий голос Ареса.

О, здорово! Он только и мечтал, что снова прыгнуть в черную пустоту.

«Ну, может, и обойдется», — подумал Грегор, сунул меч в ножны и покрепче взялся за факел. Побалансировав секунду на краю, он все-таки слегка оттолкнулся и начал падать.

Арес поймал его буквально в ту же секунду.

До кургана они летели около часа.

Это был, конечно, не курган, а большая скала в центре пещеры. Считалось, что скала по форме напоминает женскую голову в короне, и если не придирается, в известном смысле так оно и было.

Когда начали снижаться к подножью скалы, Люкса взволнованно закричала:

— Смотрите, это же Чевиана! Аврора, ты видишь? Это Чевиана!

Грегор увидел маленький комочек: это была мышь, должно быть, она уснула, пока ждала их появления.

«Не слишком подходящее место для сна, — подумал он. — Ведь любой может увидеть».

— Чевиана! Проснись! — звала Люкса. — Проснись же! Мы уже тут!

Арес приземлился раньше Авроры, поэтому Грегор первым добрался до Чевианы. И он все понял еще прежде того, как дотронулся до холодного, окаменевшего тельца и заметил зияющую рану на ее голове.

Грегор обернулся и взял за плечо подошедшую Люксу. Ему ужасно не

хотелось этого говорить, но еще меньше ему хотелось, чтобы она обнаружила все сама.

— Она не проснется, Люкса, — сказал Грегор. — Она умерла.

ГЛАВА 7

— Что?! — Люкса оттолкнула его и бросилась к мыши: — Чевиана! — Но, дотронувшись до тела, все поняла. — О, Чеви... — Она упала на колени и взяла в руку мышиную лапку.

— Это Чевиана нашла нас тогда в джунглях, — негромко сказала Аврора. — Если бы не она — мы бы обе пропали.

Грегор понимал, что это «пропали» означает не только то, что они потерялись бы, заблудились в джунглях: оно означает «погибли». Люкса и Аврора отбились от других участников экспедиции за Мортосом. Сражаясь с огромным количеством крыс, они дали возможность Темпу сбежать с Босоножкой на спине и тем самым спасти ей жизнь, но сами заблудились. Через несколько часов блужданий по извилистым туннелям Лабиринта, они наконец нашли выход. Но он вел напрямик в смертоносные джунгли, где Аврора повредила крыло. А мыши приютили их и спасли им жизнь.

— Когда боль в крыле становилась невыносимой, она сидела у меня за спиной и рассказывала забавные истории или сказки, играла со мной, чтобы отвлечь меня, — продолжала Аврора. — Она беспокоилась, ей хотелось, чтобы я не теряла надежду...

— Я доверяла ей, — тихо произнесла Люкса.

Эти слова словно повисли в воздухе — Грегор знал, что в устах Люксы это значит наивысшую похвалу, она редко говорила такое. Список тех, кому она могла доверять после предательства Генри, был небольшим — считанные единицы. Аврора. Арес. Возможно, Нерисса. Грегор сомневался, входит ли в этот список Викус, и был уверен, что его самого в этом списке нет. По крайней мере еще несколько месяцев назад, в джунглях, Люкса точно не доверяла Грегору. Она даже не пошевелилась, чтобы спасти его от неминуемой смерти в зыбучих песках, — и все потому, что он появился перед ней в обществе парочки крыс.

Чевиана была, очевидно, совсем особенной, если Люкса прониклась к ней доверием.

— Мне жаль, — сказал Грегор. — Я вам соболезную...

— И я, — произнес Арес.

Аврора в ответ лишь слегка махнула крылом, а Люкса, похоже, и не слышала их.

— Кто убил тебя, Чевиана? — спросила она, поглаживая нежное мышинное ушко. — И за что? Почему ты прислала мне корону? И как я все

это узнаю теперь... когда тебя нет...

Люкса встала с колен и уткнулась лицом в золотистую шерстку Авроры. Летучая мышь обняла ее крыльями. Но объятие было не долгим.

— Сейчас не время распускать нюни, — заявила Люкса.

— Надо отправляться в джунгли, — подхватила Аврора.

Грегор не был готов к такому повороту.

— Прямо сейчас?

— Чевиану убили. И мы не знаем, почему. Мы знаем лишь, что она пришла сюда, потому что мыши в большой беде. И поскольку она не может говорить — мы должны немедленно лететь в джунгли и там все выяснить, — мрачно сказала Аврора. — Мы должны узнать, что угрожает мышам. Мы должны отомстить за смерть Чевианы.

Для Авроры это была целая речь — Грегор никогда раньше не слышал, чтобы она столько говорила: обычно она ограничивалась отдельными короткими фразами. Получается, что, побывав вместе с Авророй в трех путешествиях, Грегор ничего о ней не знал.

— Ты можешь отправляться домой, если у тебя кишка тонка. Мы с Авророй сами справимся, — заявила Люкса.

У кого это кишка тонка?! Она что, подумала, что он боится?!

Грегор хотел было оскорбиться, но потом решил воздержаться от комментариев. Не время было выяснять отношения, да и ему самому хотелось знать, что произошло.

— Вы с Авророй вдвоем отправитесь в джунгли? — переспросил он. — В прошлый раз ни к чему хорошему это не привело.

Люкса зыркнула на него:

— Лети домой, Наземный! Нам больше не нужна твоя помощь. Когда доставишь его — ты знаешь, где нас искать, Арес!

Аврора взмыла в воздух и полетела прочь от Регалии.

Да, Люксе удалось задеть Грегора за живое! Она прекрасно знала, что он ни за что не откажется помочь, стоит ей попросить. Но зачем она все так повернула? Зачем? Это что — вызов?

Арес неловко переминался с лапы на лапу:

— В джунглях много опасностей.

— Угу. Я там бывал, — кивнул Грегор.

— Еще эти растения... Они нападают... — продолжал Арес.

— И у меня остались от них шрамы.

— Люкса так себя ведет, потому что ей больно, — произнес Арес.

Грегор, вне себя от злости, повернулся к нему:

— Слушай, Арес, ведь мы оба знаем, что полетим туда! Давай

задержимся на несколько минут — пусть это выглядит так, будто тебе пришлось меня долго уговаривать, хорошо?

Арес разразился своим странным смехом:

— Хух-хух-хух!

Он вообще-то редко смеялся. Грегор сначала недовольно покачал головой, но потом не выдержал и тоже захохотал. Но тут же умолк, когда взгляд его упал на мертвую мышь.

— Мы можем хоть что-нибудь сделать для бедной Чевианы? Мне не хочется оставлять ее здесь вот так: любой сейчас может прийти сюда и попросту сожрать ее.

— Наверно, лучше предоставить Люксе и Авроре решать, что с ней делать, — возразил Арес. — Ведь она была их другом.

— Да, думаю, ты прав, — согласился Грегор.

Он огляделся по сторонам и увидел расщелину у подножья большой скалы.

— Ну, мы по крайней мере можем положить ее в эту расщелину. Спрятать — хотя бы так.

Вместе они затащили тельце Чевианы в расщелину — здесь ее было почти не видно.

Когда Грегор шел обратно, он вдруг заметил в свете факела след на земле. Раньше его не было видно, Чевиана лежала прямо на нем. Грегор опустился на корточки и внимательно изучил след, отчетливо видный на известняке: это была прямая линия. Наверху, чуть уходя вправо, был виден тоненький, еле заметный отросток. Все вместе это напомнило Грегору клюв фламинго.

— Посмотри-ка! — позвал он Ареса.

— Ты думаешь, Чевиана оставила этот знак? — спросил его бонд.

— Не знаю. Может быть. Не исключено, что она пыталась написать какое-то слово. Мыши вообще умеют писать? Живоглот говорил, что крысы, например, не могут, потому что не в состоянии держать в лапе ручку, — сказал Грегор.

— Вообще-то и крысы, и мыши вполне могут нацарапать одно слово, если нужно, — возразил Арес.

— Похоже, Чевиана пыталась написать букву П, но не смогла ее дописать, — произнес Грегор, задумчиво водя указательным пальцем по следу.

«Пэ — это принцесса», — пронеслась у него в голове строчка из азбуки Босоножки.

— Возможно, она пыталась написать чье-то имя. И это может быть не

только «пэ»: это может быть и «эм», и «жэ».

Грегор почувствовал острый укол вины.

«Жэ» — это Живоглот.

«Эм» — это Мортос.

Они оба где-то поблизости, в бегах. Что если кто-то из них напал на бедняжку Чевиану?

— Странно. Мне кажется, Чевиана умерла мгновенно, удар по голове был слишком силен. Значит, она должна была оставить этот знак до того, как на нее напали, — сказал Арес.

— Она могла увидеть, что убийца приближается, и начать писать его имя, — возразил Грегор. — Если она его узнала.

Живоглота и Мортоса в Подземье знали все.

— Да, и тут на нее напали, — кивнул Арес.

Оба внимательно разглядывали в молчании таинственный знак, но никакой дополнительной информации почерпнуть из этого не могли.

— Ну что — может, прошло уже достаточно времени, и я успел уговорить тебя отправиться в джунгли? — спросил Арес.

— Да, думаю, в самый раз, — ответил Грегор и запрыгнул на могучую спину летучей мыши.

Примерно через полчаса они догнали Аврору и Люксу, Грегор молча обменялся с Люксой взглядом, и оставшуюся часть пути они игнорировали друг друга.

Вскоре Грегор почувствовал, что вокруг все изменилось. Прежде всего — ему стало жарко. Влажный липкий воздух был тяжелым и плотным, а поверхность, над которой они летели, заметно отличалась от каменных пустошей с бедной растительностью. Грегор мог уловить ароматы растений и слышал механическое гудение насекомых. И в памяти Грегора отчетливо всплыли места, полные ядовитых лягушек, плотоядных растений и зыбучих песков.

Он искренне надеялся, что они не задержатся здесь надолго.

Они направлялись в самую глубину джунглей — Грегор уже бывал здесь несколько месяцев назад, тогда он страдал от жажды и чуть не погиб в зыбучих песках. Именно здесь жили мыши, которым обязаны жизнью Аврора и Люкса.

— Пока не спешиваемся, — скомандовала Люкса, когда летучие мыши летели уже над верхушками деревьев.

Они приземлились на тихой поляне и стали внимательно осматриваться.

Единственное, что в джунглях было хорошо, — это то, что там всегда

был свет, пускай не очень яркий, который исходил из небольших извергающихся вулканчиков, спрятанных в расщелинах с горячей водой. По крайней мере блуждать здесь в полной темноте не приходилось.

На первый взгляд все было мирно.

— Эй, зубастики! Это Люкса! Покажитесь! — позвала Люкса.

В ответ послышалась какая-то возня в ветвях деревьев, но мыши не показывались.

— Нужно проверить пещеру, — сказала Люкса, спешиваясь и доставая свой кинжал. — Я пойду первая, за мной Аврора и Арес, а Наземный пусть прикрывает нас сзади.

Наземный. Не Грегор.

Значит, она все еще злится на него за... за что-то. За то, что он не проявил особого энтузиазма при мысли о путешествии в джунгли. Или за что-то еще.

И кто, интересно, назначил ее главной? Впрочем, он с готовностью уступил ей сейчас лидерство. И он даже мог объяснить, почему.

Один из них должен идти впереди, а другой — прикрывать тылы. Она знает эту территорию гораздо лучше, чем он, поэтому логично, что она возглавляет процессию.

Но спорить он не стал не только поэтому. Он помнил, что она только что потеряла друга.

Грегор молча вынул из ножен свой меч и встал позади Ареса.

Местность была знакомая. Грегор узнал и тропинку между деревьями, и пещеру, где страдала от невыносимой боли Аврора, вывихнувшая крыло. Сейчас пещера еще сильнее заросла плющом, словно в ней давным-давно никто не бывал.

Когда они подошли к пещере, Люкса еще раз позвала зубастиков — но ответа опять не последовало. Она порубила плющ, закрывавший вход в пещеру, и заглянула внутрь.

— Никого, — растерянно сказала Люкса. — Их нет. Они ушли.

Все четверо прошли чуть дальше и осмотрели еще несколько пещер. Люкса все звала зубастиков, но нигде не было даже следов, которые бы свидетельствовали, что в этих пещерах обитают мыши.

Усевшись на большой камень в центре полянки, Люкса уставилась на вход в заброшенную пещеру.

— Помню, мы не спали уже несколько суток, когда Чевиана привела нас в свою колонию, — сказала она негромко.

— И не ели, — добавила Аврора.

— И не ели, — эхом отозвалась Люкса. Теперь ее взгляд блуждал по

зарослям, окружавшим поляну. — Я ожидала, что мы найдем зубастиков там же, где видели их в последний раз. Это при хорошем раскладе. При плохом я полагала, что мы увидим следы бойни или сражения. Но они... они просто исчезли — без всяких видимых причин и объяснений. И это самое плохое.

— Может, они просто куда-то перебрались, — предположил Грегор, садясь позади нее.

— Крысы все время гоняли их с места на место в каменных туннелях. Поэтому они с большим трудом нашли местечко, где их никто не трогал и можно было жить, — возразила Люкса.

— Возможно, они решили присоединиться к мышинной колонии рядом с Источником, — высказал идею Арес.

— Нет, там правит мой дядя, и он, разумеется, отслеживает всех вновь прибывших. Он говорил, там давно никто не появляется из новичков. И кроме того, для мышей такое долгое путешествие было бы весьма затруднительным — у них маленькие лапки, — отмела и этот вариант Люкса.

— А есть здесь кто-нибудь, у кого можно было бы спросить? — поинтересовался Грегор.

Люкса криво усмехнулась:

— Газард бы сумел это сделать. Ведь он умеет разговаривать на языках живущих в джунглях существ. Но, полагаю, никто из нас не владеет этим искусством.

Им ничего не оставалось, как лететь домой.

Когда они были готовы отправиться с обратный путь, внимание Грегора вдруг привлекло нечто странное. Какое-то движение, почти неуловимое, в ветвях у него над головой. Он направил луч фонарика туда, стараясь проникнуть в глубину кроны, но не увидел ничего, кроме переплетения серо-зеленых лиан.

Внезапно и Арес насторожился:

— Здесь что-то есть, — сказал он. — Справа от тебя.

— Что? Я ничего не вижу, — ответила Люкса, водя фонариком по сторонам.

— Посмотри-ка сюда. — Грегор направил свет своего фонарика на ветви у себя над головой, которые как будто ожили. — Там. Ветки. Они шевелятся.

— Но я знаю эти ветки очень хорошо, — сказала Люкса. — И они вполне безобидные.

В прошлый раз, когда Грегор оказался в джунглях, на него напал и

чуть его не съел чудеснейший на вид ароматный персик, а потом выющиеся, с дурманящим ароматом, красивые цветочки чуть было не высосали из него кровь. Поэтому теперь он опасался всего, что имело корни.

— Надо убираться отсюда. И как можно скорее.

И все четверо двинулись к тропинке.

Но тут же выяснилось, что прохода на тропинку с поляны уже нет — его перекрывают переплетающиеся ветки.

— Мечом! Руби их мечом! — скомандовала Люкса.

Но Грегор уже и сам выхватил меч, и сразу два клинка врезались в зеленую массу.

Что-то брызнуло Грегору в глаза. Поначалу он подумал, что это сок растения, стреловидный лист которого он повредил мечом. Но у листа вдруг открылась пасть, и стали отчетливо видны жуткие острые клыки.

Меч Грегора отсек голову от тела будто сам по себе, когда Грегор отчаянно закричал, пытаясь предупредить друзей:

— Змеи! Это змеи!

ГЛАВА 8

Грегор, Люкса, Арес и Аврора поспешно отступили к камню, напротив которого находился вход в пещеру.

Ветки, загораживавшие проход, ожили и превратилась в шипящий извивающийся клубок змей. Они были разной длины, одни тонкие, словно карандаш, а другие толстые, словно ствол зрелого дерева. И настолько были похожи на лианы, что Грегор не мог даже при ближайшем рассмотрении отличить их от растений, пока не увидел головы.

И теперь этих голов было видимо-невидимо.

Отрубленная голова первой рептилии спровоцировала атаку остальных. Змеиные головы нападали на путников со всех сторон: раздвоенные трепещущие жала, сочащиеся ядом клыки.

Преодолевая отвращение и ужас, Грегор стиснул зубы и бросился на змей, размахивая мечом.

Он старался представить себе, что это тренировка с кровавыми шариками в Регалии — принцип был тот же: отрубить голову змее, пока она тебя не коснулась. А то, что он не смог сделать мечом — он доделывал с помощью горящего факела.

С облегчением Грегор ощутил начало трансформации — по телу пробежала знакомая дрожь, предвестник яростничества. Он с радостью отметил прилив адреналина, чувства его обострились, на первый план вышли инстинкты. Живоглот снова оказался прав — он ведь говорил, что когда-нибудь Грегор будет радоваться своему дару. Возможно, Грегор уже начал привыкать к своей особенности, потому что сегодня он уже мог сражаться, не теряя контроль над собой и не испытывая страха перед самой трансформацией.

Сейчас, например, он вполне осознанно отметил факт, что Арес дрожит у него за спиной. Летучие мыши были беспомощны: змеи окружили их со всех сторон, поэтому взлететь мыши не могли, а когти мало помогали им в этой драке.

— Постарайтесь стать как можно меньше! — велела им Люкса, и Арес с Авророй съежились, прижавшись друг к другу. — Они не доберутся до вас, пока мы с Грегором рядом!

Он рубил голову за головой, но их как будто становилось только больше — если раньше до камня доползали только змеи покрупнее, то теперь и маленькие присоединились к атаке.

— Джунгли! — закричала Аврора. — Они сжимаются!

Она была права: змеи ползли отовсюду. До камня они еще не добрались, но подбирались к нему все ближе, они были везде — буквально в нескольких шагах, со всех сторон. Джунгли словно подступали к ним вплотную, и вскоре любая даже самая маленькая змейка сможет до них дотянуться, а перебить всех змей было невозможно.

— В пещеру! — крикнула Люкса. — Там мы сможем защищаться!

Они медленно двинулись в направлении пещеры.

Грегор краем глаза видел, как мелькал кинжал Люксы в свете факела, когда она крест-накрест рубила головы змеям, пока Арес и Аврора отступали назад.

Грегор с Люксой встали плечом к плечу у входа в пещеру, и сражение продолжилось.

Но на место каждой убитой змеи будто приползало две новых. И это был вопрос времени: когда первой удастся прорвать глухую оборону, когда чей-то ядовитый клык коснется кого-то из четверых — в тот момент все будет кончено.

— Это нехорошо! — крикнул Грегор, пытаясь перекрыть громкое шипение. — Их только больше становится — всех нам не перебить!

Если бы Живоглот был сейчас здесь, с ними!

Как бы сильно ни злился Грегор порой на Живоглота, как ни раздражал его этот крыс с ужасным характером — все же лучшего товарища в бою придумать было нельзя. Живоглот бы придумал, как им остаться в живых.

Живоглот... Живоглот...

Что бы он сделал? Грегор попытался представить себе, что огромный крыс со шрамом на морде стоит сейчас у него за спиной, но не смог. Живоглот не стоял бы у него за спиной, отбиваясь от змей. Он... он...

— Подожди-ка, я, кажется, придумал! — заорал он. — Постарайся прикрыть летучих мышей!

И прежде чем Люкса успела запротестовать, он уже снова бежал к камню.

У него не было никакого плана — только картинка в голове. Картинка, в которой Живоглот сражается с людьми на стадионе... ведет бой с плотоядным персиком... противостоит армии муравьев...

Когда численность врагов была очень большой, Живоглот применял одну и ту же тактику: он вращался. Он двигался по кругу с такой скоростью, что количество нападавших не имело значения: каждый получал свою порцию его когтей.

У Грегора когтей не было. Но у него был меч. И факел. И ему было даже проще вращаться, чем Живоглоту.

Только бы у него получилось набрать нужную скорость!..

Секунду он постоял на камне, а потом начал движение. Он выставил меч вперед, а факел держал на вытянутой руке за спиной. Кружась все быстрее и быстрее, он только и видел, что отрубленные головы, пульсирующую кровь и извивающиеся тела. Он не думал ни о чем, он освободил сознание и позволил яростничеству полностью овладеть собой.

Количество змей стало стремительно уменьшаться, но Грегор и не думал останавливаться, продолжая свой странный танец.

И только кинжал Люксы, который вдруг возник на пути его меча, вернул Грегора к реальности. Сила, с которой его меч ударился о ее кинжал, была такой, что у кинжала отвалилась рукоять. Перестав вращаться, Грегор некоторое время мотался по поляне, словно пьяный, голова жутко кружилась. Он врезался в ветку, которая оказалась на поверку безголовой змеей, он хватался за все, что попадалось под руку, а мир все продолжал вращаться вокруг со страшной скоростью.

Пожалуй, он в жизни не испытывал ничего более отвратительного. Его мутило, он хотел, чтобы его вырвало, но никак не мог собраться с силами и выбрать подходящий момент.

Пара когтей подняла его в воздух и посадила на спину Аресу — видимо, Аврора.

— Нет, — с трудом выговорил Грегор. — У меня слишком кружится голова.

— Держись за мою шкуру покрепче! — скомандовал Арес. — Нам нужно поскорее убраться отсюда.

Грегор вцепился в Ареса что было сил и мечтал лишь об одном: чтобы все это поскорее закончилось.

Шли минуты. Мир постепенно прекратил вращение. Арес приземлился, и Люкса помогла Грегору слезть с его спины. Грегор сел и попытался сосредоточиться. Люкса в ладонях поднесла к его рту воду — и он жадно начал пить.

Сердце наконец ушло из горла и заняло свое место в груди.

Он пришел в себя.

Они были уже не в джунглях — Грегор чувствовал под собой каменный пол туннеля. Он сунул лицо под прохладную струю воды — чтобы освежиться, пить ему не так уж и хотелось. А когда открыл глаза и высунул голову из-под воды, посвежевший, он обнаружил, что все трое его спутников смотрят на него с какой-то странной тревогой.

— Ты не болен? Тебе плохо? — спросил Арес.

— Нет, со мной все в порядке, — ответил Грегор. — Просто голова немного закружилась. Бывает.

— Твое сознание... Оно прояснилось? — озабоченно спросила Люкса.

— Думаю, да. — Грегор пожал плечами. — Seriously, со мной все хорошо!

Ага, как же! Как будто он сначала бежал в тяжелых ботинках несколько километров, а потом разгрузил вагон угля. Примерно так ему было сейчас хорошо. Только еще и похуже.

— А что?

Никто не ответил.

— Что не так? — настаивал Грегор.

— Просто... когда ты дрался... это было как будто в тебя кто-то вселился... будто это не ты. И ты издавал звуки... Нечеловеческие, — сказала Аврора.

— Слушай, я дрался с миллиардом змей. Это... это был просто приступ яростничества.

— Я никогда раньше такого не видела, — смутилась Аврора. — Разве что тогда, с кровавыми шариками... но все-таки было иначе...

Грегор стал вспоминать и вдруг сообразил, что Авроре действительно никогда не приходилось видеть, как он сражается.

— Ну, именно так это обычно и происходит. Скажи, Люкса.

— Вообще-то нет, Грегор, — тихо сказала Люкса. — Вообще-то когда ты дрался с муравьями, все было иначе.

— Как? В чем отличие?

Грегор никакого отличия не почувствовал: разве что на этот раз он лучше себя контролировал.

Люкса старательно подбирала слова:

— Ты выглядел так... так... будто тебе это нравится. Доставляет удовольствие.

— Что?! Да нет, конечно! Какое удовольствие?! — Грегор почти кричал. — Я не понимаю, как ты можешь это говорить — это оскорбительно в конце концов!

— Я не хотела... — начала Люкса, но он прервал ее:

— Давайте просто отправимся домой.

Все остальные тоже умылись и в полном молчании Грегор и Люкса оседлали летучих мышей. Только сидя на спине Ареса, далеко от Авроры и Люксы, Грегор набрался духу спросить:

— Что я такого сделал?

— Ты был потрясающий! Ты будто за один день превратился в настоящего Воина. Ты был похож на Живоглота, — ответил Арес.

— А знаешь, как я до этого додумался? Я стал думать: что бы сделал Живоглот в такой ситуации? И мне в голову пришла эта мысль, с вращением! — возбужденно заговорил Грегор — и вдруг резко остановился. А почему он испытывает радостное волнение, вспоминая и говоря об этом? Ведь там было столько крови, столько смерти... Но, может, он радуется от облегчения, оттого, что им удалось выжить? Или все-таки есть в этом что-то еще?

— Почему Люкса сказала, что я испытывал удовольствие от убийства?

— Потому что во время этого боя ты... ты улыбался, — сказал Арес.

— Я?! Улыбался?! — По коже Грегора поползли мурашки. Дома, наверно, он никогда не затевал драк и участвовал в них только тогда, когда не было возможности этого избежать. Он не считал правильным решать проблемы силой и был не слишком высокого мнения о тех ребятах, которые предпочитали именно такой способ. Ему вообще претила мысль о том, чтобы кого-то ударить.

— Я улыбался?!

— Наземный, послушай... не бери в голову. Все знают, что яростничество — не твой собственный выбор, — заговорил Арес. — Мы просто удивились, когда увидели. Ведь мы знаем, что ты не любитель подобных вещей.

За все время полета Грегор не сказал больше ни слова.

Факелы они оставили в джунглях. Грегор оторвал клейкую ленту от рукава и сунул фонарик обратно в карман. Ему сейчас хотелось спрятаться, укрыться в темноте и попытаться разобраться, что же с ним произошло. Возбуждение, охватившие его после боя, улетучилось без следа, и сейчас он чувствовал внутри лишь пустоту, которая пугала его самого.

Ему отчаянно хотелось видеть Живоглота, говорить с ним — ведь только с Живоглотом, единственным яростником, которого он знал, и можно было обсудить все эти непонятные моменты. Но где искать крысу, Грегор не имел ни малейшего понятия. Живоглот ведь гонялся за Мортосом — и он мог быть где угодно.

Только по пути в старый детский сад, шагая по ступенькам вверх, Грегор и Люкса вдруг сообразили, что у них есть еще одна проблема.

— Тихо! Слышишь? — прошептала Люкса, хватая его за руку.

В зале были слышны чьи-то шаги.

В самом деле, во дворце уже наверняка всполошились, ведь они отсутствовали всю ночь и полдня. И мама Грегора, и Совет Регалии с ума

сойдут, если узнают об их путешествии.

— Брось меч! — шепотом велела Люкса, и они оба бесшумно отстегнули ножны, а Грегор положил свой меч на ступеньки. Люкса открыла панцирь черепахи, а когда они вылезли наружу, ткнула пальцем в сторону старого матраса, валявшегося в углу:

— Спи! — скомандовала она Грегору и сама тут же повалилась на другой матрас, лежавший в нескольких футах от первого.

Едва Грегор успел лечь и закрыть глаза, как за дверью раздались шаги и голоса:

— Марет проверил помещение старого детского сада? — Это был Викус.

— Думаю, это крыло еще не проверяли. Здесь редко кто-то бывает, — а это был голос Говарда.

— Я уверен, что вижу свет, — сказал Викус.

Грегор включил свой фонарик, когда они с Люксой поднимались по ступенькам, и не подумал о том, что его следует сразу выключить. Но теперь было уже поздно — он услышал, как Викус и Говард входят в помещение.

Викус облегченно вздохнул:

— Ах, они здесь! Проспали тут всю ночь, пока мы их всюду искали. Люкса, просыпайся! — позвал он тихонько.

Грегор почувствовал, как Говард трясет его за плечо:

— И ты тоже, Грегор. Пока Совет не отрядил на ваши поиски армию.

— Что? Что такое? — Грегор постарался изобразить свой самый сонный, заспанный голос. Он сел и широко зевнул: — А что случилось?

Люкса потерла глаза и поморгала, смущенно глядя на деда:

— Ой! Это мы здесь всю ночь провели? Я решила показать Грегору старый детский садик, а он зачем-то начал вспоминать свои подвиги в Лабиринте. И вконец уморил меня своими рассказами — я заснула.

Грегору понадобилась пара секунд, чтобы сообразить: она специально подкалывает его, чтобы все выглядело как обычно! Чтобы скрыть, что на самом деле случилось с ними этой ужасной ночью. Он решил подыграть ей.

— Вот как?! Ну разумеется — куда интереснее слушать твои рассказы о том, как трудно быть королевой, — произнес он, потягиваясь. — А сколько сейчас времени?

— Да почти обед, — с усмешкой сказал Викус.

— Отлично. Я умираю с голоду, — заявила Люкса.

— Ну так идите и поешьте. А я пока велю Марету прекратить поиски.

И... что мне сказать Совету, Люкса? — Викус вопросительно смотрел на внучку.

— О, расскажи им что-нибудь драматичное. Например, что я ночью сбежала, обманув охрану, и отправилась в джунгли! — не моргнув глазом, заявила Люкса.

Грегор быстро взглянул на нее, но она знала, что делает.

— Да. Очень смешно. Найди себе более подходящее место для сна, Наземный, когда будешь ложиться сегодня спать, — и Викус вышел из помещения.

Говард не сдвинулся с места. Он внимательно изучал их обоих. Как-то слишком внимательно.

— Какая милая история! Про джунгли. И что хорошо — она кое-что объясняет, — сказал он вдруг.

— Что же? — напрягся Грегор.

— А вот что, — ответил Говард.

Он протянул руку и снял с волос Люксы застрявшую в них маленькую веточку. Очень маленькую, всего сантиметра три в длину, с тремя крошечными серо-зелеными листиками.

Грегор ее и не заметил. К сожалению.

— Ах это? — Люкса непринужденно забрала веточку из рук Говарда и растерла ее пальцами. — Я, видно, принесла ее с полей — я там была вчера утром. Совет просил меня ознакомиться с тем, как обстоят дела с урожаем: я ведь будущая королева, а значит, должна уметь отличать хороший год от плохого.

— Правда? Ты уверена? — Говард не скрывал своего недоверия. — Вот только понимаешь какая штука: ни одна из наших зерновых культур не относится к этому виду растений... Что это было?

— Ну, Говард, я же не эксперт! Именно поэтому меня и отправили в поля — чтобы я их изучала, — выкрутилась Люкса.

Говард переводил взгляд с Люксы на Грегора и обратно.

— Вы оба выглядите усталыми. Вам нужно отдохнуть, — и, улыбнувшись, вышел.

Перед тем как идти обедать, Грегор помылся и переоделся в чистую одежду: на темной ткани и в неверном свете фонарика не были видны следы высохшей змеиной крови. Потом он собирался навестить маму и готовился к неприятному разговору, но Викус опередил его, поэтому Грегору досталось лишь несколько упреков — и мама отпустила его обедать.

В обеденной зале уже были Люкса, Викус, Говард, Босоножка и

Газард. Все они сидели вокруг стола, и слуги как раз разносили жаркое.

Они уже приступили к еде, когда в залу вошел Марет, который торопливо, задыхаясь, начал говорить:

— Викус, прошу прощения за вторжение, но случилось кое-что очень странное. И мы никак не можем понять, в чем дело.

— Что там такое, Марет? — спросил Викус.

— Наши бойцы патрулировали реку, которая течет рядом с Источником. И вот что они обнаружили на берегу между двумя скалами.

Марет махнул кому-то, и двое гвардейцев втащили в зал большую круглую корзину.

Корзина была плотно закрыта крышкой, а с ее прутьев капала вода.

Гвардейцы аккуратно и бережно поставили корзину на пол, и Марет открыл крышку.

В корзине копошилась дюжина крошечных мышат.

ГЛАВА 9

Мышата были совсем крошечные, с мягким серым пушком на розовых тельцах. Свет, неожиданно ударивший им в глазки, ослепил их, и они пытались спрятать мордочки. От страха и волнения они громко пищали.

— Ой, мысата! Мэ — мысата! — воскликнула Босоножка. Она встала на стул коленками и тут же сунула ручонку в корзину, чтобы погладить пушистую шерстку.

— Они голодные, — сказал Газард, взял со стола кусок хлеба и встал рядом с Босоножкой.

Дети отламывали маленькие кусочки хлеба и кормили мышат, которые с жадностью глотали угощение. Газард издал несколько тихих пискливых звуков, подражая голосам мышат. Босоножка захихикала, когда маленькая теплая мордочка потерлась о ее палец.

— Ты смесной, — заявила она. — Секотно!

Но никто больше не смеялся. На лицах подземных читалась озабоченность.

— Ты говоришь, корзина приплыла по реке? — спросил Викус.

— Да, к северу от нас, — подтвердил Марет. — Это наши владения. Ее вынесло на берег между двумя скалами.

Викус потрогал пальцем крышку.

— Мы посылаем мышам подарки в таких корзинах, — задумчиво произнес он.

— Но кому придет в голову так поступить? — недоумевал Марет. — Отправить собственных детей по реке на таком ненадежном плавсредстве? Это чудо, что они остались в живых!

Грегор не мог с этим не согласиться. Он имел удовольствие плавать по этой реке на маленькой лодочке — управлять ею было безумно трудно, а течение оказалось невероятно сильным, таким, что в воде то и дело образовывались белые буруны, так что река с легкостью подбрасывала тяжелые камни, словно мячики для пинг-понга.

— Но если кто-то хотел убить их — не слишком ли изощренный путь он выбрал? — рассуждал Викус. — Думаю, тут дело обстоит иначе. Кто стал бы тратить время на то, чтобы посадить их в корзину и отправить по течению?

— Их мама, — просто ответил Газард. Он держал в руках тарелку с жарким, которую взял со стола, и продолжал кормить голодных мышат. —

Она посадила их в корзину и велела вести себя тихо.

— О, Газард! Ты понял, что они сказали?! — воскликнул Викас.

— Не все. Это непросто. Они же дети — не всегда можно разобрать, что они лепечут, — сказал Газард.

— Спроси их, зачем мама это сделала, — попросила Люкса.

Газард обменялся с мышатами серией писков.

— Точно не могу понять. Произошло что-то нехорошее, и мыши были очень, очень напуганы.

— Скажи им, здесь они в полной безопасности. Здесь с ними ничего плохого не случится, — подал голос Викас. — Отнесите их в старый детский сад — пусть Далея за ними присмотрит. И, Газард — наверно тебе стоит время от времени к ним заходить, чтобы им было с кем поговорить. — Он кивнул. — А я должен созвать Совет, чтобы все обсудить.

Грегори, Люкса, Газард и Босоножка отправились вместе с гвардейцами и мышатами в старый детский сад. Далея, замечательная няня, которая обычно занималась с Босоножкой, появилась почти немедленно. Она велела гвардейцам принести побольше факелов, и когда помещение хорошенько осветили — оно стало выглядеть чуть менее пугающим и зловещим. Каменные звери не казались теперь такими страшными, и Грегори заметил, что под каждым внизу имеются слова забавных песенок или считалок. Только у чудовищной черепахи не было песенки — ее Сандвич песенкой не наделил.

Далея прибрала в нише и расстелила в ней несколько одеял, устроив уютное теплое гнездышко. Потом села в самый центр гнезда, скрестив ноги по-турецки, и по несколько минут провела с каждым мышонком, бережно доставая его из корзины, прижимая к груди, разговаривая с ним ласковым голосом, поглаживая и давая что-нибудь вкусненькое, например кусочек морковки. И вскоре они все уже требовали ее внимания, забирались к ней на колени, терлись носиками о ее руки, а она гладила пушистые головки. Глядя на это, можно было подумать, что она всю жизнь только тем и занимается, что работает няней у мышинных детей.

Босоножка и Газард, конечно, тоже влезли в гнездо, и скоро двое человеческих и шестеро мышинных деток уютно устроились вокруг Далея. Она начала напевать им какую-то песенку — одну из тех, слова которых были выбиты на стенах. Прошло совсем немного времени, и уставшие, измученные мышата тихо уснули.

Люкса потянула Грегори в коридор — туда, где их никто не мог услышать.

— Нужно попасть в мышиную колонию на Источнике, — сказала она.

— Ну уж нет. Только не это, — ответил Грегор и пошел вниз по коридору.

Он и думать не хотел о том, чтобы оправляться с ней в очередное тайное путешествие. Он даже говорить с ней не хотел — после ее слов о том, что он получает удовольствие от убийства.

— Мы должны выяснить, что заставило мать этих мышат посадить их в корзину и отправить по реке, зная, какой это риск, — догнала его Люкса.

— Может, она сумасшедшая. Других причин я не вижу, — бросил Грегор из-за плеча.

— То есть ты бы тоже мог просто так, от нечего делать, посадить свою Босоножку в корзину и спустить ее вниз по реке? — Люкса не отступала. — Грегор!

Она схватила его за руку и развернула лицом к себе.

— Нет! — Он вырвал руку. — Что ты хочешь от меня услышать?!

— Ты ведь делал нечто подобное в джунглях, — тихо сказала Люкса.

— Что?

— Ты отправил Босоножку в Регалию на Авроре, а ведь она была ранена. И только с Газардом, которому всего-то было шесть. Когда острогубцы наступали, помнишь? — Люкса смотрела на него в упор.

— Да! Потому что иначе они бы ее убили!

И тут до него начало доходить, что она имеет виду. Что-то очень страшное происходило вокруг, раз мама маленьких беспомощных мышат посадила их в эту корзину. У нее просто не было выбора...

Из помещения детского садика послышался мышиный писк — один из мышат расплакался во сне.

— Ты думаешь... думаешь, на мышиную колонию у Источника тоже напали змеи? — шепотом спросил Грегор.

— Нет, змеи не могут жить нигде, кроме джунглей — во всех других местах для них слишком холодно, — задумчиво ответила Люкса. — И мы ведь даже точно не знаем, нападали ли они на колонию Чевианы. Знаем только, что они напали на нас. Зубастики могли просто покинуть насиженные места, потому что против змей у них шансов нет. То есть змеи появились — и зубастики ушли.

— Скорее всего, так и было, — кивнул Грегор. Он понимал, что ей хочется надеяться на лучшее, — на то, что ее друзья живы. Поэтому он поддержал эту версию, хотя сам не очень-то в нее верил.

— В любом случае с мышами что-то происходит, и на Источнике тоже возникли проблемы. Не исключено, что всем мышам Подземья грозит беда.

Мне нужна твоя помощь, Грегор, — сказала Люкса.

Она была сейчас такая несчастная. Только вчера они танцевали на празднике, и всем было ужасно весело!

А сегодня... Чевиана мертва. Остальные ее сородичи из колонии в джунглях, видимо, уничтожены кошмарными змеями. Корзина с мышинными детьми — свидетельство того, что еще какая-то трагедия разыгралась с зубастиками на Источнике...

Грегор чувствовал, как его решимость слабеет:

— Может, все-таки лучше, чтобы этот вопрос решал Совет?

— Они не будут ничего делать. Ничего — только целыми днями переливать из пустого в порожнее, — горько сказала Люкса. — Мы с Авророй не справимся. Прошу тебя, Грегор.

Стоило ему услышать эти слова, как раздражение куда-то ушло.

— Ладно, — буркнул он. — Летим осматривать колонию.

Но до следующего утра им не представилось возможности осуществить задуманное. Аврора и Арес слишком устали от перелета и нуждались в отдыхе. Кроме того, Грегор и Люкса не могли воспользоваться потайным выходом в старом детском саду — ведь там теперь были мышата. Следовало искать какой-то другой, законный повод исчезнуть.

Люкса решила сказать всем, будто они отправляются на пикник — тогда и еды окажется достаточно, чтобы хватило на долгий путь к Источнику.

Грегор получил у мамы согласие на то, чтобы остаться в Подземье еще на одну ночь. Он не спал уже двое суток, а потому отправился спать сразу после ужина, но предварительно все-таки заглянул по дороге в музей, чтобы подготовиться к предстоящему путешествию. На всякий случай он теперь всегда держал в музее довольно большой запас батареек — их он и прихватил, а еще три фонарика, скотч и большую бутылку воды, сунув все это в рюкзак: это был уже стандартный набор для длительных прогулок. После некоторых колебаний он добавил к содержимому рюкзака бинокль, на который наткнулся, когда искал вещи на продажу. Это был настоящий полевой бинокль — не игрушка, и, похоже, он вполне мог сослужить неплохую службу в путешествии. Правда, большая часть Подземья была погружена в темноту — поэтому Грегор сомневался, будет ли у них шанс воспользоваться биноклем. Им бы гораздо большегодились приборы ночного видения... но Центральный парк, откуда в основном попадали в музей Подземья вещи, все-таки был местом прогулок с детьми и наблюдения за птичками, а военные в полном обмундировании, да еще и с

биноклем, заходили в него не так уж часто.

Как и условились, Грегор встретился с Люксой, Авророй и Аресом в Высоком зале на следующее утро. Глаза у Люксы были красными и слегка припухли. Грегор догадался, что она совсем не спала, оплакивала ночь напролет своего друга Чевиану.

Как раз закончили нагружать большую корзину с провизией, которую должен был нести Арес. После этого они остались в зале одни.

— Я велела приготовить побольше еды. Сказала на кухне, что ты прожорлив, как светляк, — сказала Люкса, стукнув по корзине.

Светляками в Подземье называли насекомых, похожих на светлячков, только гигантских размеров. Грегор был знаком с двумя представителями этого вида — с Фотосом Свет-Светом и Бац, и оба были невероятно занудливы и изумительно прожорливы.

— Вот спасибо! — ответил он. — После такой рекомендации и есть-то особо не захочется. Думаешь, приятно такое слышать?

— Зато таким образом мне удалось добиться, чтобы нам дали побольше еды, — улыбнулась Люкса. — Ты же не хочешь голодать во время путешествия?

— Нет, — буркнул Грегор. — Я хочу обжираться, как светляк.

Он как раз устраивался на спине Ареса, когда вдруг услышал за спиной голос и обернулся.

— Ну что, значит, пикник? — на спине Найк, которая как раз в этот момент изящно опустилась на землю, сидел Говард. Они здорово сдружились во время тренировок, поэтому, хоть и не объявляли себя породнившимися, на деле таковыми уже являлись. Меч Говарда был надежно спрятан в ножны, а позади него виднелась еще одна корзина для пикника.

— Вообще-то это наша идея, — заявила Люкса.

— Надо же, какое совпадение — нам с Найк пришла в голову такая же мысль! — радостно ответил Говард. — Ведь мы можем отправиться на пикник все вместе.

— А разве у тебя нет работы в больнице, братец? — прищурилась Люкса.

— Я свободен — у меня только ночное дежурство, — улыбнулся Говард. — А мы ведь до вечера точно вернемся!

Что тут скажешь? И что можно придумать, чтобы отделаться от него?

— Ну конечно, Говард, — сладким голосом сказала Люкса. — Мы бы и рады были пригласить тебя, но... не можем. Потому что... потому что... — и она взглядом попросила помощи у Грегора.

Ему в голову в этот момент пришло только одно:

— Потому что, понимаешь... это в некотором роде свидание.

— Свидание?! — слово это, казалось, мало что говорило Говарду.

— Ну да. Знаешь, когда мальчик приглашает девочку... Одну. Без друзей, — продолжал Грегор.

Уши у него горели, момент был просто ужасный — пожалуй, так неловко он себя в жизни не чувствовал. Он с трудом верил, что вообще говорит это. Да и у Люксы было совершенно неопишное выражение лица. Это Грегор решил обратить в свою пользу:

— Видишь, Люкса вон злится на меня — что я рассказал обо всем тебе.

Люкса стала ярко-розового цвета. Вся. Но ей ничего не оставалось, как подтвердить его слова:

— Да. Честно говоря, я думала, что это наше личное дело и это никого не касается!

— Так и есть. Но ты же не хочешь, чтобы Говард сопровождал нас на нашем свидании? — ответил Грегор.

О свиданиях он мало чего знал. Он на них никогда и не ходил. А его мама наверняка запретила бы ему и думать о каких-то там свиданиях до того момента, как он закончит школу. Однажды, правда, он был на вечеринке у Анжелины и там так и не отважился пригласить кого-нибудь из девочек на танец.

И вот тебе пожалуйста. Тоже мне, мальчик-успех. На свидание он идет.

На какое-то мгновение казалось, что Говард купился. Но вскоре его глаза обратились к корзине:

— Многовато провизии для одного... эээ... свидания.

Да, корзина и впрямь была огромная. Тем более для двоих. Ну и кто же столько ест на свидании?

— Не твое дело, Говард, — сказала Люкса голосом, в котором была скрыта угроза. — Иди и оставь нас в покое.

— Не могу. Хотя и боюсь показаться навязчивым, — произнес Говард. — Видите ли, мы с Найк... Мы все знаем. Ну, то есть мы знаем про корону.

Повисла пауза.

— Гермес сказал, что принес тебе корону, — объяснила Найк. — И я объяснила Говарду, что это значит. Рассказала, как ты отдала корону зубастикам из джунглей и велела прислать ее тебе, если они будут нуждаться в твоей помощи.

— Ну и что! — Люкса нетерпеливо топнула ногой. — Вы все равно не

можете лететь с нами!

— Пускай летят, Люкса, — возразил Грегор. — Ведь нам может понадобиться их помощь.

— Тогда и ты не полетишь! — Она была вне себя.

— Я этого и хотел, ты что, забыла?

— У тебя есть выбор, Люкса, — мягко сказал Говард. — Или ты берешь нас с Найк с собой, как бы это ни выводило тебя из себя. Или я немедленно отправляюсь к Викусу и все ему рассказываю. Выбирай.

И словно по волшебству, будто он только этого и ждал, перед ними возник Викас с кучей свитков под мышкой.

— Я не ослышался? Кто-то упомянул обо мне? Назвал мое имя? Что тут происходит? Куда это вы все собрались?

— Пикник, — хором ответили Люкса, Грегор и Говард.

— Пикник? — переспросил Викас, улыбаясь. — Как бы я хотел иметь время, чтобы составить вам компанию. — Вот это корзинища! Сколько же вас будет?

Шорох крыльев нежнейшего персикового цвета привлек всеобщее внимание. В Высокий зал влетела Талия. И это могло означать лишь одно: вслед за ней в зал вбежала Босоножка в своем великолепном принцессинном наряде. С ней были Газард и верный Темп.

— Газард, я же велела вам с Босоножкой присматривать за мышатами! — растерялась Люкса.

— Мы присматривали. Но сейчас время тренировки на стадионе, — объяснил Газард. При виде огромной корзины лицо его озарилось сияющей улыбкой. — Ого, мы летим на пикник? Здорово! А ты мне не говорила!

— Это должен был быть сюрприз, — сквозь зубы процедила Люкса. — Я как раз собиралась послать за вами.

— Ладно, не мешкайте, летите, — напутствовал их Викас и посадил Босоножку к Аресу, за спину Грегора.

«Но что же теперь делать?» — лихорадочно соображал Грегор.

То, что они с Люксой собирались тайно отправиться в мышиную колонию, было уже само по себе плохо, и мама никогда не одобрила бы этого. Но если он возьмет Босоножку с собой... Нет, лучше уж еще раз оказаться перед разъяренными змеями.

Темп вскарабкался вслед за своей ненаглядной Босоножкой, а Викас заботливо усадил Газарда на спину Талии:

— Веселитесь хорошенько, но к ужину возвращайтесь, — улыбнулся старик.

— Конечно. К ужину. Вернемся. — Люкса заняла привычное место на

спине Авроры.

— Пиканик! Пиканик! — пела Босоножка, довольно чувствительно тыкая своим скипетром Грегора в спину.

Да. Костюм принцессы определенно был его ошибкой. В следующий раз надо будет ограничиться покупкой книжки-раскраски.

Они полетели над городом, а потом, сделав в воздухе разворот, направились на север. Под ними расстилались поля с зерновыми, которые освещали газовые светильники, расположенные по определенной системе. Подземные фермеры с помощью каких-то металлических орудий собирали колосья, и это было похоже на кино о давно минувших временах.

У них наверху атмосфера была напряженная. Люкса страшно злилась на всех: на Говарда — за его появление так некстати, на Найк — за то, что та растрепала все Говарду, на Грегора — за то, что тот встал на сторону Говарда. И за его версию о свидании — уж наверняка. Хотя она и не говорила об этом, но явно разозлилась не на шутку. И при этом была полна решимости продолжать путь, даже в обществе Босоножки и Газарда.

У Грегора было множество возражений против этой части ее плана, но Люкса отмела их все:

— Если будет опасно — мы отправим их с Источника домой.

— Источник? Мы что, направляемся на Источник? — спросил Говард.

Грегор ввел его и Найк в курс дела, рассказав им, что произошло, и сообщив об их плане.

— Это все звучит тревожно. Но Люкса права — просить помощи у Совета было бы бесполезно. Мы должны все сделать сами, — сказал Говард.

Путь до мышинной колонии занял минимум двенадцать часов.

Большую часть этого времени они летели над широкой рекой, которая протекала и по территории Регалии, и по территории Источника и мышинной колонии, а потом впадала в огромное Подземное море, прозванное Водным путем. Примерно на половине дороги Талия, еще совсем молодая, почти подросток, не справилась с воздушными потоками и угодила в облако пара. Пришлось всех пересаживать: сама она теперь летела на мощной спине Ареса, Люкса взяла к себе на Аврору Газарда, Босоножку и (куда ж без него?) Темпа, а Грегор составил компанию Говарду на его летучей мыши.

Именно этот момент Говард счел подходящим, чтобы обсудить с Грегором тему свиданий.

— Грегор, поскольку у Люксы нет родного старшего брата, — думаю, я должен поговорить с тобой относительно нее. Я знаю, ты соврал насчет

того, что ты называешь «свиданиями». Но на будущее — я не советовал бы тебе даже думать о ней.

— Почему? — в глубине души Грегор прекрасно понимал, к чему он клонит.

— Потому что она королева. Потому что ты Наземный. Потому что вы оба слишком юные. И потому что у вашей пары, которой еще и нет, будущее не слишком светлое, — произнес Говард. — В Подземье процесс выбора супруга очень долгий и деликатный.

Супруга?! Ну это уже просто ни в какие рамки не влезает.

— Говард, прежде всего это никакое не свидание, — начал Грегор.

— Я понимаю. Но этот случай как раз наглядно показывает, как мало ты знаешь о Подземье и наших обычаях, — прервал его Говард. — Я никак не мог поверить в твою ложь, понимаешь? А вот тебе стоит задуматься, почему именно эта ложь первой пришла тебе в голову.

Грегор почувствовал, что краснеет, — весь, с головы до ног, не хуже Люксы.

Значит, Говард предполагает, что они с Люксой и в самом деле симпатизируют друг другу. И ведь он даже сделал вид, что почти купился на ложь о свидании!

— У нас в Наземье свидания — обычное дело, никто не придает им большого значения, — произнес Грегор, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

Для него самого это было далеко не так, но он знал ребят, которые ходили на свидания довольно часто: в кино, в пиццерию, на пикник. Куда угодно.

— Ну, а у нас они значат очень много, — ответил Говард. — Особенно если дело касается моей кухни.

— Ладно, я понял, — буркнул Грегор, готовый под землю провалиться.

Когда цель путешествия была уже близка, Говард и Грегор полетели вперед, чтобы провести разведку. Мышиная колония представляла собой большое открытое пространство за рекой. Это пространство было сплошь усеяно маленькими пещерками с петляющими узкими туннелями. Учитывая близость реки и возможность ловить в ней рыбу и брать свежую воду, а также наличие подходящих для гнездования укромных местечек — это было просто идеальное место для мышей.

Но сейчас ни одной мыши здесь не было видно. Приветствия Люксы остались без ответа. Летучие мыши не услышали ни единого признака жизни, даже используя эхолокацию.

Чтобы лучше все рассмотреть, они приземлились на берегу.

— Эта территория официально приписана к Источнику, но мой отец позволил зубастикам здесь поселиться, — сказал Говард. — Он всегда с симпатией относился к ним из-за всех их злоключений.

— А что именно за злоключения? — поинтересовался Грегор.

— У них всегда были трудности с тем, чтобы найти место для проживания, — ответил Говард. — Их вечно сгоняют с насиженных мест: то острогубцы, то пауки, часто — крысы, которые ненавидят мышей за то, что они так похожи на них. Вот мыши и скитаются по Подземью, пытаясь найти себе убежище.

— И при этом они все-таки ушли отсюда. Странно, — огляделся по сторонам Грегор.

— Я не верю, что они ушли отсюда по доброй воле, — возразил Говард. — Скорее всего их снова кто-то прогнал.

— Надо осмотреть пещеры, — велела Люкса.

Это было похоже на город-призрак. Недоеденная пища. Пустые гнезда. Валявшиеся на полу маленькие камешки-игрушки. Словно за секунду до того, как произошло нечто, колония была полна жизни, и вдруг — бах! — все исчезли без следа.

И никаких следов того, что заставило их исчезнуть. К последней пещере Люкса подходила уже в полном отчаянии.

— Что могло с ними произойти?! Для всего должна быть причина... Совершенно непонятно, что случилось!

И вдруг Газард коротко вскрикнул — он как раз находился в глубине пещеры. Все бросились к нему, уверенные, что он ударился или упал, но оказалось, что он с ужасом смотрит на стену. Люкса подбежала к нему, он обхватил ее и крепко к ней прижался.

— Газард, что такое? Что случилось? — Она пыталась оторвать его руки от себя, чтобы посмотреть, нет ли у него синяков или шишек. — Тебе больно? Ты ударился? Почему ты так дрожишь?

Мальчик молча указал на стену. Говард поднес к стене факел, и в мерцающем свете Грегор увидел выцарапанный на камне знак. Знакомый знак. Прямая линия и небольшой отросточек справа.

— Мы с Аресом нашли точно такой же возле тела Чевианы. Мы думали — может, она пыталась написать что-то, например Пэ или Эм. Сообщить нам чье-то имя, — произнес Грегор.

— Нет! Нет! — дрожащим голосом заговорил Газард. — Это не буква! Это один из тайных знаков!

— Что еще за тайные знаки? — спросил Грегор.

— Это секретный способ передачи информации. Существует целая

система тайных знаков, в которых зашифровано то, что нужно скрыть от чужих, и с их помощью можно рассказать своим все — а враги не поймут, — объяснил Газард.

— Но Газард, давным-давно никто не пользуется этими знаками, уже много столетий, — снисходительно сказала Люкса. — Они потеряли свое значение.

— Но не в джунглях, — возразил мальчик. — Мы их используем! Гребешок научила меня и папу понимать их. Вот это, например, коса.

— И что она обозначает? — спросил Грегор, кивком указывая на знак. — Что-нибудь плохое?

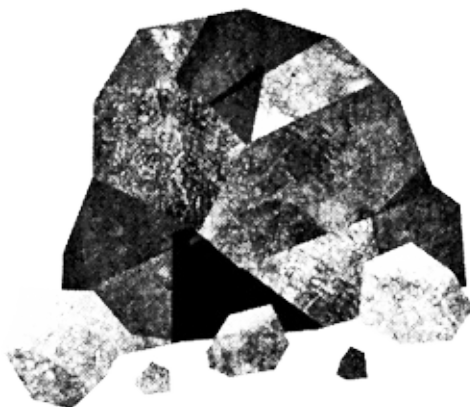
— Она обозначает смерть, — сказал Газард и расплакался.

— То есть она обозначает, что кто-то умрет? — уточнила Люкса, прижимая его к себе покрепче.

— Не кто-то! — всхлипнул Газард. — Не кто-то! Она обозначает, что мы... мы — те, кто видел ее, — умрем!

ЧАСТЬ 2

Знаки

ГЛАВА 10

Люксе понадобилось много времени и усилий, чтобы успокоить Газарда. И даже когда они вышли из пещеры и собрались на берегу реки, мальчик все еще вздрагивал и всхлипывал и никак не мог отойти от того, что увидел.

Грегор попытался представить себе, какой знак дома, в Наземье, мог бы напугать его до такой степени, — и не смог, но потом подумал, что по сравнению с жизнью Газарда его собственная жизнь была гораздо более спокойной и безопасной.

— Что такое коса вообще? — спросил он озадаченно.

— Это инструмент, которым косят траву. Фермеры и сегодня используют косу при сборе урожая — помнишь, мы видели, когда летели над полями?

Грегор вспомнил чудные инструменты, которыми фермеры махали из стороны в сторону.

— Ну, и почему она означает смерть?

— Потому что забирает жизнь. В старых летописях Подземья встречается образ Смерти, и она всегда в длинном черном балахоне и с косой. Она вроде как косит косой людей, понимаешь? — объяснил Говард.

— А, точно. Я где-то такое видел, — кивнул Грегор.

Говард развел небольшой костер, чтобы стало веселее, но в городе-призраке, который когда-то был мышшиной колонией, отблески огня на каменных стенах казались зловещими и только нагоняли тоску.

Босоножка, расстроенная всем случившимся, подползла к Газарду на четвереньках и погладила его по ноге:

— Газард пачет. Газард грустный, — сказала она.

— Все в порядке, Босоножка, с ним все в порядке, — ответил Грегор, поднимая ее на руки и обнимая.

— Нет, не в порядке. Мы не в порядке. Мы видели косу, — произнес Газард.

— Но ведь мы до сих пор живы! — попыталась успокоить Люкса, нежно поглаживая его кудряшки.

— Да, правда! Может, этот знак означает что-то другое? — подхватил Говард.

— Или, может, его оставили давно — когда была чума, — предположила Люкса. — Еще до того, как было создано лекарство, и все

тепловкровные мерли как мухи.

Газард притих, осмысливая услышанное.

— Я не знаю, — сказал он растерянно. — В джунглях все боялись знаков.

— А ты видел знаки когда-нибудь прежде, Газард? — спросил Грегор. — В джунглях, я имею в виду.

— Один раз. А потом был рой насекомых. От их укусов быстро умирают, — ответил малыш.

— Но ты же не умер! Ты жив! — торжествующе произнес Говард. — Ведь иначе ты бы не сидел сейчас с нами и не рассказывал об этом.

— Я не умер. Но моя мама умерла, — еле слышно произнес Газард. — Гребешок пыталась убежать, но было поздно — они успели искусать маму.

На это им нечего было ответить. И как объяснить Газарду, что все это могло оказаться простым совпадением? Что в Подземье смерть ходит по пятам за любым и постоянно. Что это могло случиться каждую минуту, и причина могла быть любая: другой вид летающих убийц... еще один вирус чумы... любой другой способ погибнуть.

Кто-то из мышей нацарапал этот знак на каменной стене пещеры. И Чевиана оставила его там, где они нашли ее холодное тело.

Зачем? Что он скрывает? И какие бедствия предвещает?

— Слушай, Газард, — обратился Грегор к мальчику, — вот когда ты жил в джунглях... Как мыши вели себя со змеями? С такими, знаешь, которые похожи на лианы.

— Со змеями? — переспросил Газард. — Вообще-то они старались друг друга избегать. Змеи поедают детенышей мышей, а мыши — яйца змей.

— Это правда, — вмешалась Люкса. — Когда я жила у мышей, я ни разу не видела там змей поблизости. Думаю, для обеих сторон это рискованное соседство.

— То есть ты полагаешь, что змеи пришли туда уже после того, как исчезли мыши? — спросил Говард.

— Я надеюсь, — ответила Люкса. — Но в то же время боюсь. Потому что это означает, что уже как минимум две колонии мышей покинули свои привычные места обитания по неизвестной нам причине.

— Но ведь у них куча врагов, вы сами говорили, — сказал Грегор. — Пауки, острогубцы...

— У них были территориальные споры. Но поскольку мыши покинули эти земли, пауки и острогубцы потеряли к ним всякий интерес. И я знаю только одного врага, который на данный момент мог вынудить их это

сделать, — заявил Говард.

Никто не произносил слово «крысы» — но все прекрасно понимали, что именно их имел в виду Говард.

То, что было в большой корзине, они умудрились съесть еще во время полета, теперь Говард поделился с ними содержимым своей корзинки. Острый рыбный салат, десяток сортов сыра, нарезанные овощи, жареный цыпленок, тонкие кусочки говядины, вареные яйца, несколько ломтей хлеба и всякие сласти — здесь было чем поживиться, но никто не получил удовольствия от еды. Кроме Босоножки. Она ела до тех пор, пока ее животик не раздулся и не стал похож на баскетбольный мячик.

— Видис? — гордо задрала она перед Грегором свое платице.

Он похлопал ее по животу и погладил по головке:

— Вот кто у нас такой же обжора, как светляки! — улыбнулся он.

Он знал, что сестренке надо много есть, ведь вскоре ей предстоит скачок роста. По крайней мере он так думал.

К тому моменту, как трапеза подошла к концу, всех начало клонить в сон. За исключением Босоножки, которая хорошенько выспалась во время полета и была готова к играм и веселью. Они установили дежурство — каждому по два часа вахты, и Грегор с Темпом вызвались быть первыми.

Грегор стал шарить в рюкзаке в поисках того, чем можно было бы развлечь сестренку. Он не планировал, что она отправится с ним в путешествие, поэтому ничего для нее не взял. Единственное, что могло ее заинтересовать, — это бинокль.

— Смотри, Босоножка, здесь волшебные стеклышки, — сказал он и несколько минут с удовольствием наблюдал за тем, как она глазеет через бинокль на все вокруг.

Вещь произвела на Босоножку большое впечатление. Она подносила бинокль близко к глазкам, смотрела в него, все время переворачивая, и приговаривала:

— Темп басой. Темп маленький. Темп басой. Темп маленький.

— Тс-с-с. Все спят, — постарался уговорить ее Грегор.

Тогда она стала говорить шепотом:

— Темп басой. Темп маленький. Темп басой. Темп маленький.

Грегору было приятно провести время наедине с тараканом. Темп редко вступал в беседу, когда было много народу, хотя и любил поболтать с Босоножкой и Газардом на странной смеси английского и тараканьего языков, которой владели все трое. А большую часть времени он вел себя столь тихо и деликатно, что легко можно было вообще забыть о том, что он рядом.

— Ну, Темп, а ты что думаешь об этой истории с зубастиками? — спросил Грегор, когда все уснули.

— Ненавидеть зубастиков, крысы, ненавидеть зубастиков, — ответил таракан.

— Но мы ведь не знаем, крысы тут виноваты или нет, — возразил Грегор.

— Поздно, когда узнаем, будет поздно, — продолжал таракан.

— Поздно для чего, Темп?

— Поздно для делать.

— Поздно будет делать что-то, чтобы помочь зубастикам? — уточнил Грегор.

И таракан кивнул.

За время дежурства Грегора Босоножка тоже утомилась. Он улегся рядом с ней, и вскоре она уже вовсю сопела. Ему, чтобы заснуть, понадобилось куда больше времени.

Он все думал о том, что сказал Темп, — о том, что будет поздно что-либо делать.

Обводя взглядом мертвую колонию, Грегор с грустью признавал, что таракан, видимо, прав.

Утром никто не испытывал энтузиазма от мысли, что надо возвращаться в Регалию.

— То, что мы видели и о чем можем рассказать, прозвучит для Совета неубедительно и не заставит их действовать, — сказала Люкса.

— Ну, может, если ты расскажешь им предысторию с твоей короной, они сдвинутся с места, — предположил Грегор.

— Нет. Чевиана не успела объяснить нам, по какой причине она ее послала, поэтому Совет наверняка постановит, что змеи напали на мышей, и мыши покинули джунгли в поисках нового места, — ответила Люкса.

— А как насчет тайных знаков? — вмешался Газард. — В джунглях бы этого было более чем достаточно.

— Но мы не можем сказать точно, когда были сделаны эти знаки. Поэтому Совет не найдет оснований посылать солдат на помощь мышам, — произнесла Люкса.

— На самом деле, кухня, мне кажется наиболее правдоподобной версия о том, что это крысы напали на обе мышинные колонии. Но доказательств у нас нет. А даже если бы и были — мы не можем посылать армию на помощь зубастикам, пока не установим, где они находятся, — резонно заметил Говард.

— Но мы должны им помочь, — мрачно заявила Люкса.

— А что с мышатами? — спросил Грегор. Почему-то его это беспокоило даже сильнее, чем все остальное.

— Совет решит, как первоначально подумал ты. Что их мама сошла с ума. Или — если примет версию о том, что зубастиков согнали с места, — что она была уверена, что они не смогут пережить долгое путешествие. Они непременно найдут причины отказать в помощи, — горько сказала Люкса. — Даже если выложить им все-все — про корону, про Чевиану, про мышат, про две пустые колонии, про тайные знаки... все равно в глубине души я понимаю: это не может убедить Совет. Нам нужны более убедительные факты.

— Но это довольно трудно осуществить, Люкса, — ответил Говард. — Ведь если мы вернемся в Регалию — откуда нам эти факты раздобыть?

— А нас с Босоножкой мама вообще отправит домой, — с обидой в голосе произнес Грегор. — И я сильно сомневаюсь, что она разрешит нам вернуться.

— Надолго? — спросил Газард.

— Да может, и навсегда.

Его семья ждала лишь одного — когда мама выздоровеет. Как только она попадет наверх — она тут же соберет вещи и увезет их в Вирджинию. Немедленно.

— То есть... после этого нашего путешествия мы тебя больше никогда не увидим? — упавшим голосом спросила Люкса.

— Очень может быть, — сказал он.

Самому ему казалось невозможным и нереальным, что завтра, возможно, он навсегда попрощается с Подземьем и подземными.

Но маме не нравилось тут, внизу, и она с настороженностью относилась к тому, что он здесь делал. А уж теперь, после того как он взял Босоножку на этот «пикник»...

— Мы бы не позволили тебе лететь, если бы знали об этом!

Само путешествие было не такое уж опасное, да и результата особого не принесло. Но Грегор не был особой королевских кровей, а Подземье не было его домом.

— Но подожди-ка! Ты все-таки ошибаешься, Грегор! Потому что существует проро...

Она тут же замолчала, но Грегор понял, что она хотела сказать. Потому что существует «Пророчество времени»?

Пророчество, о котором никто не хотел с ним говорить. Пророчество, в котором говорится о том, что он якобы должен убить Мортоса. Грегор

думал о том, чтобы выяснить суть пророчества и разгадать его смысл, но Нерисса сказала, что эти знания могут представлять опасность для него и для тех, кого он любит. Может, она боялась, что, узнай Грегор правду, он совершит какую-то страшную глупость? Он вспомнил, как бился над разгадкой «Пророчества крови» — и как это не дало ему ровным счетом ничего. Кроме того, что это знание висело у него над душой и давило на психику.

Он решил не спрашивать Люксу о «Пророчестве времени», а, вернувшись в Регалию, пойти к Викусу и поговорить с ним. О чем там говорится? Точно ли оно о нем, о Грегоре? Потому что если да — получается, он действительно должен остаться в Подземье и исполнить его. Но мама ни за что на свете не захочет на это согласиться.

Сейчас у него не было ни малейшего желания обсуждать это с Люксой.

— Слушай, относительно моего ухода... — начал он. — Это все равно должно было произойти, и довольно скоро — даже если бы я не отправился в это путешествие. А я хотел сюда лететь. Потому что хочу выяснить, что случилось с зубастиками.

— Чего мы по-прежнему не знаем, — заметил Говард. — Ни того, что с ними случилось, ни того, куда они подевались. В любом случае здесь их не убивали. И в реке нет их тел, иначе их бы обязательно принесло в Регалию.

— А что если они ушли в глубь туннелей? — предположила Люкса.

— Возможно, — согласился Говард. — Но каким образом целая колония мышей могла ускользнуть от охранников Источника? Они ведь патрулируют территорию.

— Тогда куда они могли уйти? — спросил Грегор.

— У меня есть только одно предположение. Впадина, — ответил Говард.

— Это что? — не понял Грегор.

— Это такой туннель. Он проходит от этих пещер под рекой, — сказала Люкса. — Ты знаешь, где вход, Говард?

— Знаю. У меня есть друзья среди зубастиков — они мне показывали. Я даже однажды прошел по Впадине. И не могу отделаться от ощущения, что именно там мы найдем ответы на все вопросы, — произнес Говард. — Но мне не хотелось бы, чтобы у Грегора из-за этого были еще большие проблемы.

— О, забудь. Я уже и так перешел все границы, — усмехнулся Грегор. — Одной Впадиной больше, одной меньше — разница незначительная: меня все равно отправят домой.

— Чем это может навредить, Говард? — поддержала его Люкса. — Мы и так уже все порядочно напортачили.

Через несколько минут они обнаружили вход во Впадину и вошли в нее, скатившись, словно с горки, по крутому склону туннеля. На самом деле сделать это было не так-то просто, потому что пол в туннеле был покрыт чем-то вроде гравия. Сам туннель был достаточно широким для того, чтобы летучие мыши при желании могли лететь, но было принято общее решение, что в данном случае все пойдут пешком: найти следы маленьких мышиных лапок гораздо проще при медленной пешей прогулке, чем при стремительном полете на высоте.

Вообще вся эта прогулка по Впадине вызвала у Грегора ассоциации с поездкой на метро, на той линии, что соединяет Манхэттен и Бруклин на 14-й стрит. Поездка недолгая, но уже через несколько минут, где-то на половине пути, Грегор всегда чувствовал некоторое беспокойство при мысли, что над головой сейчас течет полноводная река. И всегда недоумевал: почему нельзя было просто построить мост?!

Что-то подобное он испытывал и здесь, во Впадине. Наконец спуск закончился, и под ногами у них оказалась обычная земля. Теперь можно было оглянуться и сосредоточиться на чем-то еще, кроме собственных ног и попыток удержать равновесие.

Грегор посветил фонариком на пол, надеясь увидеть следы, оставленные мышами, но никаких следов там не было. Он попробовал осматривать стены туннеля. Поначалу казалось, что и здесь его подстерегает неудача, но по мере того как они двигались в сторону подъема (то есть приближались к противоположному берегу реки), он кое-что заметил.

— Подождите-ка минутку, — сказал Грегор, подошел ближе и осветил фонариком место сантиметрах в пятидесяти от пола.

Там был след — отпечаток лапки, не очень отчетливый, но несомненный.

— Посмотрите.

Он опустился на колени, одной рукой держась за стенку.

Остальные столпились вокруг.

— Это след лапки зубастика, — сказала Люкса. — Никакого сомнения нет. Но как он появился?

Говард указательным пальцем поскреб отпечаток, растер то, что соскреблось, между пальцами и понюхал. А потом дал понюхать Найк для подтверждения своей версии.

— Кровь?

— Кровь зубастика, — подтвердила Найк. — Но ей уже несколько дней.

— У нас не было времени как следует исследовать знаки... — начал Грегор, а Люкса подхватила:

— Или мы могли не обратить на это внимание...

— Точно. Скорее всего, они тоже были написаны кровью — это самый быстрый способ оставить сообщение... — сказал Грегор.

— Особенно если кто-то истекает кровью, — заключила Аврора.

Они молча смотрели на отпечаток. Он хранил в себе разгадку всех тайн: и холодное, окоченевшее тело Чевианы, и корзину с мышатами, и пустые колонии — все было в нем. Грегор чувствовал, что Люкса права: во всем этом было что-то... ужасное. Дьявольское.

Это слово было какое-то ненастоящее — оно относилось к комиксам и фантастическим мультфильмам. В реальной жизни он его не употреблял и даже не думал, что когда-либо употребит. Но сейчас, в этом туннеле, оно было наиболее подходящим.

Люкса в задумчивости приложила руку к отпечатку лапки. Голова ее поникла, и на минуту она прикрыла глаза, словно от невыносимой усталости. Грегор почти чувствовал волну печали, которая от нее исходила.

Он пытался сообразить, что делать дальше, как вдруг земля у него под ногами начала трястись.

«А, это следующий поезд идет!» — подумал он: от движения поездов платформы в метро слегка вибрируют, порой это чувствуется даже на поверхности. Но тут же вспомнил, что они не в подземке.

— В воздух! — скомандовал Говард.

— Что это? — спросил Газард. — Что происходит?!

Грегор подхватил на руки Босоножку и одним прыжком взобрался на спину Ареса: ему не обязательно было ждать ответа Говарда, чтобы понимать.

Это было первое в его жизни землетрясение.

ГЛАВА 11

И в этот момент страшная взрывная волна ударила по летучим мышам. Арес смог удержаться в воздухе, Найк, на которой сидел Говард, тоже, а также Аврора с Люксой. А вот Талии повезло меньше: юная летучая мышь, на которой летел Газард, кувыркнулась в воздухе.

— Газард! — закричала Люкса и протянула руки, летя на Авроре к Газарду, чтобы схватить его и перетянуть к себе, но мальчик оттолкнул ее.

— Нет! Нет, Люкса! Я останусь с Талией! — крикнул он. — Мы с ней собираемся породниться!

— Но она не сможет лететь с тобой, — вмешался Говард. — И у нас нет времени на все это! Найк!

Найк нырнула к Талии, а Говард закинул одной рукой на ее спину мальчика.

— Талия! — кричал Газард, пока Говард усаживал его на спине Найк. — Талия!

Та отчаянно махала крыльями, но не могла взлететь. Все вокруг дрогнуло и покачнулось — Грегор почувствовал себя так, будто они находились сейчас внутри стеклянного шарика с домиком, который кто-то трясет. Откуда-то из-под ног послышался глухой низкий рев или гудение.

— Держись крепче! — услышал Грегор голос Ареса.

Грегор сильнее сжал ноги вокруг его шеи, обхватив руками Босоножку, и они рванули вниз. А потом снова набрали высоту, только на этот раз у Ареса в когтях безвольно висела Талия — Грегор чувствовал, как тяжело его нетопырю, но тот только крикнул:

— Куда теперь? Обратно в колонию?

— Нет! — ответил Говард. — Туда мы не попадем! Следуйте за мной!

И он понесся вперед по туннелю, который вел на противоположный берег реки. Сверху начали падать камни, поначалу маленькие, похожие на гравий, но постепенно они становились все больше. Один ударил Грегора в плечо, острым концом продырявив рубашку и поранив кожу. Грегор прижал Босоножку к шее Ареса, защищая ее собственным телом от летящих камней.

Внезапно ужасная мысль пришла ему в голову:

— Темп! Мы забыли Темпа! Он остался там!

Грегор не видел, чтобы таракан забирался на спину Ареса. Но деликатный толчок в спину дал ему знать, что таракан все-таки забрался на

свое место, когда началось землетрясение.

Гора с плеч. Ведь возвращаться сейчас за Темпом в эпицентр землетрясения было бы слишком опасно.

Перегнувшись вниз через шею Ареса, Грегор мог видеть, как пол изгибался и ходил ходуном, словно он и не пол вовсе, а взбаламученная поверхность океана.

В стенах туннеля начали образовываться трещины: сначала тонкие, словно морщинки на камне, потом они превратились в паутину трещин, а потом стены покрылись глубокими зияющими отверстиями. И Грегору на спину упала первая капля воды.

Пока это были лишь отдельные капли — словно легкий дождик накрапывал, но Грегор понимал, что они означают.

— Свод! Свод туннеля! Он рушится! Река! Сейчас ее прорвет! — закричал он, не совсем уверенный, что Арес слышит его сквозь стоявший вокруг рев и грохот.

Но Арес и так летел изо всех сил — так быстро, как только мог.

Сверху падали уже совсем огромные камни и куски породы. И как ни старался Арес от них увернуться — не всегда ему это удавалось.

И тут каменный пол исчез — на его месте появилась пенящаяся вода, и Грегор догадался, что где-то сзади река прорвала каменный заслон. А выход из туннеля уже маячил впереди.

Найк и Аврора уже вылетали на свободу в тот момент, когда волна настигла Ареса.

Босоножка выпала из рук Грегора, и Ареса он больше под собой не чувствовал. Грегор был один под водой, его тащило вниз, и он не мог даже попытаться вдохнуть, не имея ни малейшего понятия, где для этого следует вынырнуть.

«Босоножка! — билась в голове единственная мысль. — Босоножка!»

Он уцепился за какой-то обломок скалы и успел сделать вдох, когда следующая волна обрушилась на него и закружила, утягивая назад, в черную воду. Ударившись головой обо что-то твердое, он охнул и тут же почувствовал, как вода заливает легкие. Сознание медленно покидало его.

Потом была острая боль в ноге — и он снова мог дышать, болтаясь в воздухе, а вода лилась у него изо рта и носа фонтаном. Кто-то из летучих мышей вытащил его из воды и нес — но определить, кто конкретно, Грегор был не в состоянии.

Чьи-то когтистые лапы опустили его на мокрый от брызг камень, и он изверг из себя остатки реки, скопившиеся в легких. Земля под ним все еще ощутимо тряслась. Грегор заставил себя подняться и встать на колени.

Фонарик еще работал!

Говард, Люкса и Аврора — вот она, лежит, пытается восстановить дыхание. Вероятно, их тоже накрыла волна. И все. Больше никого. Ни следа остальных.

— Босоножка! — заорал Грегор.

Луч фонарика метался по сторонам, пытается найти ее в темноте. Они находились довольно высоко над беснующейся водой. Метрах в четырех под ними он увидел остатки того, что совсем недавно было, по всей вероятности, выходом из Впадины. Арес и Найк парили над водой, ища остальных пропавших.

— Газард! Газард! — кричала Люкса, и в голосе ее тоже слышалось отчаяние.

Босоножка. Газард. Талия. Темп. Самые маленькие. Самые юные. Самые слабые. И их нет.

— Аврора, ты можешь лететь? Ты можешь лететь?! — молила Люкса, но золотая летучая мышь продолжала извергать из себя воду и ответить не могла.

В свете фонарика стало заметно какое-то движение на мелководье, Арес стрелой полетел вниз и вернулся, держа в когтях Талию. А у той в когтях повис Газард.

Арес бережно положил обоих на камень.

Талия наглоталась воды, но она по крайней мере дышала и подавала признаки жизни.

С Газардом дело обстояло намного хуже: его бледная кожа приобрела синюшный оттенок, из раны на голове текла кровь, а грудь была совершенно неподвижной — он не дышал.

Говард тут же бросился к мальчику, оказывая ему первую помощь.

Грегору и Авроре вдвоем пришлось удерживать Люксу, которая рвалась к Газарду.

— Пусть Говард это сделает! Он умеет! — увещевал ее Грегор, но она не хотела его слушать.

Будь здесь Марет — он бы, наверно, смог вырубить ее, как вырубил Говарда, когда его летучую мышь, Пандору, у них на глазах сожрали плотоядные клещи.

Но Грегор не мог себе даже представить, чтобы ударить Люксу с такой сокрушительной силой.

Когда Люкса немного успокоилась и Аврора уже могла удерживать ее одна, Грегор взмахнул руками, подзывая Ареса. Они летели низко над водой в поисках хоть каких-то признаков жизни.

— Босоножка! — вопил Грегор. — Босоножка-а-а-а!

С каждой секундой надежды оставалось все меньше. Отчаяние уже завладело его душой, когда ушей коснулось слабое, еле слышное:

— Ма-а-а-а-ма! — А потом громче: — Ма-а-а-а-ма-а-а-а!

— О Господи, она жива! — заорал Грегор, и из глаз его хлынули слезы облегчения, мешая ему смотреть. — Босоножка! Я здесь! Я иду! Держись!

— Ма-а-а-а-ма-а-а-а-а! — Снова он услышал ее плач, но по-прежнему не видел, где она.

— Ну где же она, Арес?!!

— Я не знаю! Не могу определить! — ответил тот.

Снова раздался крик:

— Ма-а-а-а-ма-а-а-а!

На этот раз он звучал как будто слабее. Грегор вдруг испугался, что темнота сейчас заберет ее навсегда.

— Босоножка! Где ты?!

Как будто она могла ему ответить!

А ведь смогла.

Неожиданно темноту прорезал луч розового света и ударил Грегору по глазам.

Ее скипетр! Дурацкий, дешевый, прекрасный, волшебный и ко всем своим достоинствам еще и водонепроницаемый скипетр принцессы!

Они нашли ее в маленьком бассейне. Всю в слезах и мокрую. Диадема и накидка бесследно исчезли, остался только скипетр. Она сидела на спине у Темпа, который бегал по кругу, безуспешно пытаясь вскарабкаться по скалам, которые их окружали, чтобы выбраться из ловушки.

— О, милая! — простонал Грегор, беря ее на руки и изо всех сил прижимая к себе. — О, Босоножка!

Она прижалась к нему в ответ, но все же была на него очень сердита:

— Ты бросил меня! Бросил! Бросил в воду! — рыдала она, молотя по нему своими маленькими кулачками. — Ты бросил меня в воду!

— Прости! Прости! Я не хотел! Прости меня, Босоножка! — приговаривал он, но она не собиралась его прощать.

Вытащить Темпа оказалось задачей не из легких. Арес несколько раз безуспешно пытался зацепить его когтями за панцирь, но бедный таракан выскальзывал и падал на спину. Наверняка это не доставляло ему особого удовольствия, но Темп не жаловался.

А вот Босоножка была недовольна:

— Ты бросил Темпа! Ты и Темпа бросил! — и она снова накинулась на Грегора с кулаками.

— Прости, прости! — повторял Грегор, счастливый, что она рядом, и готовый терпеть все это сколько угодно.

В конце концов Аресу удалось зацепить Темпа, и таракан в не самой удобной позе — кверху брюшком — был доставлен к остальным.

Говард все еще пытался реанимировать Газарда, когда земля снова начала качаться.

«Это вторая волна! — пронеслось в голове у Грегора. — Думаю, именно так это и называется».

Он обвил руками Босоножку и думал только об одном: как найти выход? Куда бежать, если мир вокруг рушится? Внимание Грегора привлекло то, что происходило перед входом во Впадину: там камни сталкивались друг с другом с ревом и грохотом. Каменная стена, уже вся в трещинах, разрушенная первой волной землетрясения, начала разваливаться на глазах. Раздался оглушительный взрыв, которым Грегора отбросило назад, и он оказался лежащим на спине, все так же крепко сжимая руками Босоножку.

Он поднял фонарик и в его свете смог увидеть, как вход во Впадину исчезает, погребенный гигантской горой камней.

ГЛАВА 12

Этот взрыв и обвал подняли такие волны, что они чуть ли не доставали до небес (которых, правда, здесь не было). Но на волны никто не обратил внимания — всем было не до этого: они и так насквозь промокли.

Говард, казалось, вообще ничего не заметил, потому что был сосредоточен на Газарде. Остальные сидели рядом, мокрые и дрожащие, а Говард, перевернув мальчика и перекинув его через колено, все пытался вылить из его легких воду. Секунды казались вечностью. Люкса перестала рваться и теперь просто смотрела на Газарда, не мигая и не отводя взгляда, словно окаменев. Грегор понимал: она наконец признала очевидное — мальчик умер.

Но Говард вдруг закричал: «У него бьется сердце!» — и тут же жизнь вернулась и к Люксе.

Да и все вокруг словно ожили. Люкса кинулась вперед и схватила Газарда за руку с криком:

— Он жив?! Он жив?!

И в этот момент изо рта Газарда стала выходить вода. Говард велел Люксе поддерживать Газарда, пока из того извергались все новые струи воды. Корзины для пикника были приторочены к спинам летучих мышей — Говард торопливо сунул руку в меньшую корзинку и достал оттуда большую кожаную коробку: это была аптечка первой помощи. Хорошо, что он не забыл взять ее с собой — Грегору, например, это бы и в голову не пришло. Возможно, потому, что он не собирался учиться на врача.

Грегор поднес поближе фонарик. Кроме него, нескольких запасных батареек и скипетра Босоножки другого источника света у них не было, факелы утонули.

— Мне нужно зашить ему рану, — сказал Говард. И пока Люкса держала Газарда за руку и пыталась всячески отвлечь, он промыл и зашил рану на голове мальчика быстрыми уверенными стежками. Потом посветил фонариком ему в глаза, проверяя зрачки.

— Он поправится? — спросила Люкса.

— Конечно. Ничего особенного: он просто слегка ударился головой и нахлебался воды, — весело ответил Говард. — В следующий раз, Газард, если захочешь пить — пей из чашки, а не из реки.

Газард сделал слабую попытку улыбнуться:

— Я постараюсь.

Талия сначала истерически засмеялась, а потом начала плакать. Для нее все это было чересчур. Найк ласково взяла ее под свое крыло и держала там до тех пор, пока бедная Талия не успокоилась.

Говард стянул с Газарда мокрую одежду и закутал его в одеяло, которое они прихватили с собой для пикника и которое хранилось на дне корзины в непромокаемом пакете.

— Готов поспорить, голова у тебя болит.

С этими словами он заставил Газарда сделать глоток из большой зеленой бутылочки, которую Грегор узнал: в таких обычно подземные хранили обезболивающее средство.

— А теперь постарайся лежать спокойно. Сможешь?

Газард кивнул.

— Так, хорошо. Теперь чья очередь? — спросил Говард.

Они непонимающе уставились на него: все так волновались за Газарда, что собственные травмы и царапины не чувствовали.

Ну, кроме Босоножки, разумеется.

— Гре-го бросил меня, — все еще всхлипывая, сообщила она. — Смотри.

И драматичным жестом протянула свой маленький пухлый указательный палец. На нем было нечто, что при очень большом желании можно было расценить как порез или царапину. Очень маленькую. Почти незаметную. Возможно, просто заусенец.

— О, дорогая, мы должны заняться этим немедленно! — промолвил Говард. — И вы готовьтесь, остальные. Не надо, чтобы кто-то изображал из себя героя.

Меньше минуты ушло на перевязку пальчика Босоножки, и Говард обратил свое внимание на других членов экспедиции, внимательно разглядывая их царапины и порезы и проверяя, целы ли кости. У всех были синяки и ушибы, но серьезных травм, к счастью, удалось избежать.

Люкса, которая все это время держала Газарда на руках, была последней, кого осмотрел Говард: у нее оказался вывихнут палец на левой руке. Говард сделал ей иммобилизующую повязку, используя тонкие пластины камня и ткани. И она произнесла:

— Я так счастлива, что ты с нами. Так благодарна тебе.

— Надо увековечить эти слова в камне, — отозвался Говард с улыбкой. — На будущее. На тот случай, если ты решишь не приглашать меня на следующий пикник.

— Спасибо, что спас Газарда, — с волнением продолжала она.

— Он мой двоюродный брат, — ответил Говард и поправил ей

повязку. — Как и ты, правда ведь?

В ответ Люкса обвила руками шею Говарда.

— О нет, неужели ты действительно обнимаешь меня?! — шутливо изумился он и тоже обнял ее, подмигнув из-за ее плеча Грегору. — Понадобилось землетрясение, потоп и обвал, чтобы это произошло, причем все сразу.

Все засмеялись, даже летучие мыши и Темп. Даже Люкса.

Теперь, когда все требующие незамедлительного решения вопросы были решены, встал более глобальный вопрос.

— Обвал заблокировал вход во Впадину. Как мы вернемся в Регалию? — спросил Грегор.

Поиски мышей продолжать было невозможно — им необходимо было в первую очередь доставить Газарда домой.

— Вообще-то это проще сказать, чем сделать, — ответил Говард. — Потому что, насколько я понимаю, мы находимся в миленьком местечке, которое называется Царство теней.

— Ну и что же? Что это за место? — нетерпеливо допытывался Грегор.

— Это длинный канал, расположенный очень глубоко под землей. И выходов из него существует два. Один — это Впадина, которая для нас теперь не существует. А второй — в самом конце Царства теней, во многих милях отсюда, там, где начинается Огненная земля, — удовлетворил его любопытство Говард.

— И что, других вариантов выбраться не существует? — упавшим голосом спросил Грегор.

— Боюсь, что нет. Тут есть кое-где пещеры. Но туннелей больше нет.

— Огненная земля... это где-то рядом с Джунглями? — Грегор попытался вспомнить карту Подземья, которую видел лишь однажды.

— Да. Добираться нам до дома дней пять: три на то, чтобы преодолеть Царство теней, и еще два, чтобы долететь до Регалии. Но прежде чем мы отправимся в путь, нам следует поесть. И отдохнуть: всем нужно восстановить силы, да и Газарду нельзя пока двигаться, — объявил Говард.

Есть никому не хотелось — в их желудках было слишком много речной воды. Грегор убавил свет фонарика до минимума и положил его в центр круга, в котором они сидели. Этот фонарик — все, чем они располагали. Больше никаких источников света, а впереди несколько дней пути.

— Твой свет, Грегор... Насколько его хватит? — спросила Люкса.

— На пять дней не хватит, — ответил он.

— Не люблю темноту, — жалобно произнес Газард. — Я скучаю по джунглям — там всегда есть свет.

— Когда мы спим, малыш, не важно — светло вокруг или темно, — сказала Люкса, поглаживая его кудряшки. — Можно ему поспать, Говард?

— Да, пусть отдыхает. Но нам придется будить его всякий раз, когда будет меняться дежурный, — предупредил Говард. — Это обязательно — при его травмах.

Люкса вызвалась дежурить первой. Она слишком беспокоилась за Газарда, чтобы быть в состоянии делать что-либо еще. Грегор подумал, что привязанность к Газарду не только изменила ее жизнь, но и привнесла в нее новые поводы для тревоги. Эта любовь сделала ее более слабой и уязвимой — ведь теперь ей было что терять. Когда любишь кого-то — у тебя всегда есть поводы для беспокойства. Сегодня Грегор думал, что потерял Босоножку, и это было как... как... как будто все кончилось, весь мир рухнул, и больше ничего не осталось.

Дети. Любовь к ним — вещь совсем особенная.

Из-за происшествия с Газардом и страхов, связанных с исчезновением мышей, Люкса была без сил. Грегор вызвался нести вахту вместе с ней, пока никто другой этого не сделал, — чтобы присматривать и за ней тоже.

Несмотря на мокрые насквозь одежду и шерсть — даже панцирь Темпа, из-под которого то тут, то там выкатывались капли воды, — остальные быстро уснули.

Грегор сел рядом с Люксой, которая расположилась возле Газарда, и стал обдумывать ситуацию.

Да, натворил он дел. Список его проступков выглядел впечатляюще: он тайно бежал в мышиную колонию вместе с Люксой; взял с собой Босоножку; полез в эту Впадину, ничего о ней не зная и не имея представления о том, что их ждет; вдобавок его оцарапал во время обвала камень; пять дней они будут добираться до Регалии — а это значит, что все эти пять дней будут просто адом для мамы — ведь все, что она знает, — это то, что он взял с собой Босоножку на пикник и не вернулся.

Эта мысль была хуже всего.

— Слушай, Люкса. Ведь вся вода, которая теперь во Впадине, — она же из реки, да? Значит, в Регалии поймут, что что-то не так? Ну, то есть я имею в виду — ведь река обмелеет...

— Думаю, да. Из-за этого обвала вода в реке перестанет течь — он перекрыл ей путь. Но мы не знаем, как обстоят дела на другом конце Впадины, — возразила Люкса. — А что?

— Я подумал... Может, люди по этим признакам догадаются, что мы здесь, и поймут, что нам нужно время, чтобы добраться до дома, — произнес Грегор. — Река подскажет им это — когда обмелеет. И еще они могут наткнуться на остатки нашего костра в колонии зубастиков. Может, сложат два и два и поймут, что мы здесь.

— Но, Грегор, костер может быть чей угодно. А потом — если с той стороны Впадины тоже прорвало реку, все следы нашего пребывания там уничтожены, так же, как и следы мышинной колонии.

Она была права. Если большая волна пришла на эту сторону Впадины — такая же большая волна вполне могла прийти и на другую сторону. Грегор не особенно разбирался в физике и не представлял себе, что сейчас может происходить с рекой и ее берегами вдали от того места, где они сидели.

— Да и потом... у них даже мысли не возникнет, что мы забрались так далеко. Если бы здесь были только мы с тобой — тогда еще возможно. Нам особого доверия нет. Но с нами Газард и Босоножка, которых мы обожаем. И Говард... никто не ожидает от Говарда, что он способен пуститься в такую авантюру — он ведь такой положительный! — сказала Люкса.

— Это не уберегло его от судебного процесса, если помнишь, — возразил Грегор.

— Да. Но его оправдали и сняли с него все обвинения. А сегодня утром Викус видел нас с двумя большими корзинками для пикника. И я думаю, что они будут искать нас в более подходящих для пикника местечках.

— Ох... Похоже на правду, — вздохнул Грегор. — Ладно. Как ты?

— Лучше — с того момента, как Газард снова начал дышать, — ответила она.

— Ты не волнуйся, Говард сказал, что с ним все в порядке.

— Да, Говард о нем очень заботится, — кивнула Люкса.

— И о тебе, — добавил Грегор, вспомнив тот не самый приятный в его жизни разговор о свиданиях. Лицо его снова запылало: — Слушай, помнишь, когда мы собирались улетать из Регалии, нас застали врасплох и я ляпнул про свидание? Так вот — прости меня. Я просто... я не думал... ну, понимаешь — я ведь не знал, что... у нас в Наземье это обычное дело, и никто не придает этому особого значения... Ну, то есть я-то как раз придаю, но люди разные и относятся к этому по-разному... короче... пожалуйста, хватит на меня смотреть — я уже все сказал.

Но фиолетовые глаза продолжали, не отрываясь, смотреть на него, пока он путался в неловких объяснениях.

— Тебе Говард что-то сказал, да? — спросила Люкса, не отводя взгляда.

— Ну да. Он относится к этому очень серьезно и считает, что я не должен даже думать о свиданиях с тобой, — проямлил Грегор.

Они оба рассмеялись.

— О, не беспокойся, я уверена, что ты и не собирался об этом думать! — сказала Люкса. — Уж кого-кого ты бы пригласил на свидание — только не меня.

— Вообще-то это не так, — буркнул Грегор.

И испугался сам. О нет! Зачем он это сказал?! Он же сам только что объяснял ей, что это была всего лишь отмазка, ведь их застали врасплох, а им надо было удрать из Регалии. И вот, пожалуйста — тут же сам себе противоречит!

Он попробовал было сделать шаг назад:

— Ну, то есть... С тобой-то все в порядке. — М-да — прозвучало это как-то не очень. — Просто... Ты же королева — и в этом вся штука.

— А ты — Наземный, — произнесла она, отведя наконец глаза.

— Ну да.

И что все это могло значить? Что если бы он не был Наземным, она могла бы... могла что?

Надо немедленно все это прекратить! Сменить тему.

Сменить тему... сменить тему...

— Бутерброд хочешь? — выпалил он.

— Бутерброд? — Люкса искренне удивилась, но ответила: — Да, пожалуй.

— Я сделаю, — подхватился Грегор.

Они ели бутерброды с сыром и почти не разговаривали. Когда Арес и Найк проснулись, чтобы заступить на дежурство, Грегор улегся рядом с Босоножкой и укрылся одеялом с головой, чтобы только спрятаться от глаз Люксы.

Утром во время завтрака Говард попытался описать им географическое положение Царства теней.

— Я никогда не бывал здесь сам — люди вообще редко забредают сюда, а для всех остальных есть более легкие и менее опасные пути.

— И куда из этого Царства можно попасть? — поинтересовался Грегор.

— В Огненную землю. Вот, смотри, это выглядит примерно так.

Он сунул палец в острый соус и нарисовал букву А.

— Мы вот здесь. — Он провел длинную прямую с левой стороны буквы. — Вот река, которая впадает в Водный путь. — Большой овал изобразил Водный путь. Слева от Водного пути Говард написал букву В. — А это — Огненная земля. Царство теней лежит примерно тут, — и Говард изобразил букву S между точками А и В.

Грегор уставился на эту импровизированную карту. Что-то его смущало.

— А где Регалия?

— Вот здесь, — ответил Говард, указывая на точку на самом верху изогнутой буквы S.

— Тогда почему мы не можем отправиться в Регалию напрямую? — недоумевал Грегор.

— Потому что Царство теней слишком далеко от Регалии и туда не добраться по прямой. Ведь Подземье — не ровная поверхность, не представляй его в виде широкой ровной долины. Оно скорее похоже на сферу, поэтому прямой путь не всегда возможен, — объяснил Говард.

— В каком-то смысле Регалия сейчас находится прямо у нас над головами, — заметила Люкса. — Не очень-то я люблю гулять так глубоко под землей.

Только Грегор смог оценить иронию, которая содержалась в ее словах: ведь вообще-то все, кроме него, и жили глубоко под землей!

Они собрали вещи и были готовы выступить. Газарду стало гораздо лучше, Говард разместил его на спине Авроры, объяснив Люксе, как следует о нем заботиться во время полета. Грегор взял Босоножку и Темпа с собой, Говард оседлал Найк, и все они надеялись, что Талия одна, без седока, справится с полетом.

Поначалу Грегор был настроен оптимистично. Царство теней представляло собой огромный туннель, такой широкий, что порой невозможно было увидеть его стены. Здесь были источники, полные рыбы, так что им не грозила жажда или голод. Пол туннеля был каменистым и неровным, но они ведь летели, так что это им не мешало. Вначале путешествие обещало быть довольно легким и даже приятным. Но через несколько часов Грегор почувствовал, что не все так здорово, как казалось.

Продвинулись они на самом деле не слишком заметно. Туннель начал идти под уклон, причем так круто, что летучие мыши практически не летели, а падали, парили в свободном падении, лишь иногда расправляя крылья. Но скорость их передвижения была медленной. При этом им все время приходилось останавливаться — почти каждые десять минут: то Босоножке надо пописать, то Талия устала и ей нужно отдохнуть, то надо

поправить повязку Газарду, то Найк обнаружила источник, и ей непременно следует совершить в нем водные процедуры прямо сейчас...

Так они перемещались часов шесть, а потом Говард объявил, что пора разбить лагерь на ночлег. Газарду вредно было долго находиться в пути.

Царство теней все так же резко уходило под уклон, но им удалось найти удобную площадку, чтобы на ней остановиться.

Газард и летучие мыши сразу уснули, остальные собрались кружком вокруг фонарика Грегора и старались делать вид, что совершенно ни о чем не беспокоятся. Ну, Босоножка, предположим, действительно ни о чем не беспокоилась — она просто играла в игру «Я — шпион» с Темпом, хотя играть было не очень удобно в царившей вокруг темноте. Впрочем, это ее никогда не останавливало.

«Я — шпион, глаза мои вон, вижу только черное!» — говорила она в сотый раз. И бедный Темп должен был отгадать, что именно она загадала. После многих безуспешных попыток Босоножка тыкала пальчиком в какое-нибудь (любое) место в темноте вокруг и победно заявляла: «Ну вот же!» Надо признать, эта игра порядком всех утомила — всех, кроме верного Темпа, разумеется.

Но вот малышка наконец уснула. Грегор решил, что пришел момент обсудить кое-что с Говардом — то, что ему не хотелось обсуждать в присутствии маленькой девочки, которой многое придется объяснять.

— Говард, — обратился он, — ты сказал, что этот путь — более опасный, чем остальные. Что ты имел в виду? Какие опасности?

— Во-первых, в этом туннеле чертовски трудно ориентироваться. Во-вторых — воздух станет очень тяжелым, когда мы приблизимся к Огненной земле. И в-третьих — здесь проживают некоторые создания, которые не любят, когда их беспокоят, — ответил Говард.

— Они опасны, это создания?

— Некоторые — очень. Нам лучше по возможности избегать встречи с ними. Тех, которые живут у поверхности, можно не опасаться: им нас не достать, а летать они не умеют. Но есть и другие. Они не слишком гостеприимны и предпочитают скрываться, — продолжал Говард.

Все это звучало так, будто темнота кишмя кишела ужасными монстрами, которые только и выжидают момент, чтобы их сожрать. Но слушая Говарда, Грегор заметил слабый мерцающий свет, который тут же погас и снова зажегся.

Ну конечно... как же такое можно забыть?!

— Приветствуем вас! Я самец, меня зовут Фотос Свет-Свет, а это Бац, и она самка.

ГЛАВА 13

— Только не это! — помимо воли вырвалось у Грегора.

Меньше всего он хотел снова встретиться со светляками: эти жуки дезертировали с корабля, на котором они плыли за Мортосом, и сообщили о приближавшейся экспедиции крысам. Грегор, Босоножка, Арес, Говард, Люкса, Аврора и Темп оказались тогда на волосок от гибели. Грегор не знал, что светляки делают здесь, в Царстве теней, но у него не умещалось в голове, как после всего, что произошло, эти бесстыжие создания как ни в чем не бывало приходят и самым дружеским образом приветствуют их.

Говард, который был больше всех возмущен тогда трусостью и предательством светляков, вскочил и схватился за меч.

— А ну покажитесь, светляки! — заорал он в темноту, разбудив летучих мышей. — Покажитесь, вы, мешки, набитые трусостью и вероломством!

Последовала долгая пауза, затем Грегор услышал голос Бац:

— Фу, это так грубо!

— Очень грубо, — подтвердил Фотос Свет-Свет.

— И это после всего, что мы для них сделали! Вместо того, чтобы сказать хоть слово благодарности, — продолжала жалобным голосом Бац.

— Благодарности?! Благодарности?! — Говард был вне себя. — Вы продали нас крысам — и теперь ждете от нас благодарности?! А ну покажитесь!

— Кое-кто страдает провалами в памяти, — отвечивал Фотос Свет-Свет. — Почему-то ты не вспоминаешь, как мы голодали по вашей вине, ведя вас по Водному пути, как героически защищали вас от ужасного спрута!

— Да, я помню, вы с аппетитом отведали этого спрута, — вмешался Грегор. — Это точно.

Он не стал даже подниматься: светляки были такими ленивыми и неумелыми, что он был уверен — они никогда их не атакуют. Сначала Грегор думал было погоняться за ними в темноте, но потом поразмыслил и решил, что это ни к чему. Да, он презирал их — но он не собирался их убивать.

Говард был другого мнения.

— Найк! — позвал он. — Найк! Полетели-ка, разберемся с этими предателями раз и навсегда!

Найк подлетела к нему. Но Люкса схватила его за руку:

— Подожди, — сказала она.

Говард посмотрел на нее в изумлении:

— Ты не хочешь присоединиться ко мне, кузина? После того, что они натворили?!

Грегор сразу угадал, что она прошептала Говарду на ухо:

— У них есть свет.

Говард выставил руки вперед, словно защищаясь от того, что она говорила, но, подумав, нехотя убрал меч в ножны.

— Светляки, не могли бы вы показаться? — произнесла Люкса сладким голосом. — Мы не причиним вам вреда.

— Безопаснее будет держаться на расстоянии, — возразил Фотос Свет-Свет, а Бац тут же поправила:

— Он имел в виду — держать дистанцию. Он всегда неправильно употребляет слова.

— Я имел в виду на расстоянии! На расстоянии — и выключенными! — заспорил Фотос Свет-Свет.

И они начали пререкаться, споря о том, какое слово лучше подходит.

Когда светляки утомились, Люкса предприняла еще одну попытку:

— Как жаль! Ведь мы встретили вас именно в тот момент, когда у нас накопилось очень много еды, которая вот-вот пропадет. Особенно кекс, — сказала она.

— Кекс? — переспросила Бац.

Последовала еще одна долгая пауза.

— А этот кекс... он с посыпкой? — спросил Фотос Свет-Свет.

— О, разумеется, иначе я не называла бы его кексом, — ответила Люкса. — Будет очень, очень жаль выкидывать его.

Она достала круглый, посыпанный сахарной пудрой кекс из корзины и с грустью на него посмотрела. Он, конечно, слегка помялся за время их кувырканий в воде, но все еще выглядел довольно аппетитно, а запах от него исходил просто чудесный.

— Что ж, ваше высочество не разговаривает с нами грубо, как некоторые. Если мы сможем доставить вам удовольствие, съев этот кекс... Не вижу причин для отказа, — решил Фотос Свет-Свет.

— И я тоже! — подхватила Бац.

И тут же справа и чуть впереди от Люксы зажглись два огонька — с удивительным для них единомыслием оба сейчас горели желтым светом.

Впервые за весь этот долгий день Грегор мог видеть отчетливо. И тут же об этом пожалел.

Увиденное ему совсем не понравилось: с потолка свисали какие-то чудовищных размеров грибы... Из трещин в стенах периодически вырывались клубы пара... У Босоножки, спавшей у него на руках, на щеке была здоровенная царапина...

Всего этого он раньше не видел. И теперь думал о том, что *еще* можно встретить в этой темноте. Какие ужасы и опасности скрываются там, куда не может проникнуть его взгляд.

Грегор знал, что Люкса испытывает к светлякам непреодолимое отвращение. В то же время светляки были им сейчас нужны. И Грегор был просто поражен тем, как быстро Люкса проанализировала ситуацию и приняла решение вступить в мирные переговоры. Живоглот, вероятно, аплодировал бы стоя, оценив ее дальновидность. Если бы большой крыс был сейчас здесь — он сделал то же самое или что-то в этом духе.

Если бы он был здесь. Вместо того чтобы бегать по следам Мортоса — или где он там бегают...

Грегор искренне надеялся, что когда они вернутся в Регалию, там их будут ждать хоть какие-то известия о Живоглоте.

Люкса разделила кекс на две равные части, и светляки заглотили каждый свою, не жуя.

— Каким ветром занесло самую грациозную из королев в Царство теней? — светским тоном осведомился Свет-Свет.

— Мы решили ради развлечения пройти по Впадине — а там случился оползень. И теперь вынуждены добираться домой этим путем, — сказала Люкса. — А вы как сюда попали?

— А мы здесь живем, — несчастным голосом ответила Бац.

— Вы здесь живете?! — не удержался Грегор.

Он никогда не задумывался о том, где живут светляки.

— Нас выжили с лучших земель чужаки, которых было гораздо больше, и они были сильнее, — поведал Свет-Свет с печалью в голосе. — Лизуны.

Говард счел нужным пояснить:

— Это слизняки, Грегор. Их вытеснили и выгнали из их земли слизняки.

— А что, слизняки у вас здесь быстро ползают? — удивился Грегор.

— Достаточно быстро! — огрызнулся Свет-Свет.

— На полной скорости они могут проползти за час целый метр, — язвительно сказала Найк.

— Но они такие упорные! — негодуя произнесла Бац.

— Насколько я понял, слизняки даже не в курсе, что они помешали

светлякам, не говоря уж о какой-то борьбе, — отрезал Говард.

Грегор видел, что Говард еле сдерживает себя.

Бац замигала короткими, тревожными вспышками света, а брюшко Свет-Света приобрело красный оттенок.

— Говард, Найк, зачем же вы обижаете наших гостей? — проворковала Люкса.

— Мы надеемся, что они обидятся достаточно для того, чтобы покинуть нас, — сказала Найк.

— А я надеюсь, что они останутся с нами, — заявила Люкса. — Помимо всего прочего — это вообще-то их территория. Они это понимают. А вы?

— Нет, — угрюмо промолвил Говард.

— Тогда, прошу, ведите себя прилично и не разочаровывайте меня, — попросила Люкса.

— Надеюсь, ваше высочество знает, что делает, — буркнул Говард.

— Ты, видно, здорово устал. Почему бы тебе не отдохнуть? — любезно предложила в ответ Люкса.

Бормоча что-то под нос, Говард завернулся в одеяло и улегся. Найк придвинулась к нему поближе. Они очень подходили друг к другу, Найк и Говард: оба были гордыми, храбрыми и оба имели доброе сердце. Они делились друг с другом самым сокровенным. И у них обоих светляки вызывали неприязнь, которую они не могли и не хотели скрывать.

— Кажется, здесь кто-то считает, что мы поступили непорядочно во время нашего прошлого совместного путешествия, — заговорил Фотос Свет-Свет. — А ведь это не так. Ведь на самом деле это именно люди нарушили свои обещания по контракту: нам обещали, что еды будет вдоволь... а это не соответствовало действительности.

— Мы терпели голод в течение нескольких дней, просто из любезности, — добавила Бац.

— Да, просто чтобы не причинить никому неудобства или не расстроить, — закончил ее мысль Свет-Свет.

Было даже забавно слушать сейчас это умничанье. У светляков явно был особый, совсем свой взгляд на вещи. Вообще-то во время похода за Мортосом они были всего лишь светильниками — большими живыми лампочками. И Грегор тоже не мог простить им то, что они сделали.

— Положим, то, что вы ушли — вполне простительно. Гораздо хуже то, что вы предупредили крыс, что мы приближаемся, — сказал из своего одеяла Говард.

Светляки сконфуженно засопели.

— Это была идея Бац, — промямлил Свет-Свет.

— Лжец! — завизжала Бац и фурией налетела на Фотоса.

Их головы ударились друг о друга с неприятным треском, и оба повалились на землю, стеная и плюясь. Потом они уставились друг на друга со злобой и угрозой.

— Что ж, что было — то прошло, — вмешалась Люкса. — Может, вы присоединитесь к нам на время нашей прогулки по Царству теней? Я не могу обещать вам много еды, но мы можем гарантировать, что будем делиться с вами всем, что у нас есть, а наши летучие мыши прекрасно ловят рыбу.

Фотос Свет-Свет и Бац с готовностью согласились — возможно, они надеялись получить еще что-то на сладкое. И потом — что им оставалось делать? Грегор был уверен, что у них недостаточно сил и жизненной энергии, чтобы самостоятельно выжить здесь и обеспечить себе сносное существование. Они были растеряны и не знали, как им быть, а вернуться на свои земли, по которым теперь ползали слизняки, не могли.

Но все же светляки попытались изобразить, что делают Люксе одолжение.

— Что ж, я думаю, мы сможем принять ваше предложение, — заявила Бац. — Даже если таким образом нарушим кое-какие ранние договоренности — кое с кем.

— Да, кое-кто будет очень разочарован, но мы принимаем предложение, — подхватил Фотос Свет-Свет. — Не можем же мы вот так просто бросить вас на произвол судьбы, когда тут повсюду снуют крысы.

— Крысы?!

Говард резко сел — он, оказывается, и не думал спать.

— Вы видели крыс где-то поблизости?

— О, смотрите-ка, кто снизошел до разговора с нами, недостойными! — протянул Свет-Свет.

— Да, какая честь! — подхватила Бац.

— Многоуважаемые светляки, если у вас есть информация о крысах, я была бы премного благодарна, если бы вы ею поделились, — предложила Люкса.

— Они были здесь незадолго до вас, — заявила Бац, кивком указывая на туннель впереди.

— После мышей, — добавил Фотос.

Все, что произошло с ними: землетрясение, камнепад, ранение Газарда и утомительное путешествие по Царству теней — вытеснило из головы Грегора мысли о мышах и их проблемах. Зато Люкса ни на минуту не

переставала думать о своих друзьях.

— Где?! — Она вскочила, словно готовясь немедленно куда-то бежать. — И сколько было зубастиков? А крысы были с ними? Или они их преследовали? Говорите же!

— О, их были сотни, — сказала Бац. — А может, тысячи.

— Крысы куда-то их гнали. Они все время гонят куда-то мышей. Из пещер, из джунглей, из туннелей. На это всегда так неприятно и скучно смотреть, — произнес Фотос Свет-Свет.

— Мы даже уснули, — добавила Бац.

— Это были зубастики из джунглей? — спросил Грегор.

— Нет, тех, из джунглей, погнали напрямик к Огненной земле. Но знаете что... Думаю, кто-то должен это сказать. Это было несколько дней назад. Но крысы гоняют мышей из года в год, — сказала Бац.

— Может, они решили наконец загнать их к Огненной земле, решить таким образом вопрос окончательно и уже не раздражать этим никого из нас, — предположил Свет-Свет.

— Но зубастики не смогут жить в Огненной земле, — возразила Найк.

— У всех свои проблемы, и все как-то сами справляются, — заявила Бац. — Посмотрите хотя бы на нас. Эти отвратительные слизни выжили нас, лишили собственного дома — и что же, кто-то разве пришел нам на помощь?

— Но ведь никто не знал, что на вас... напали, — заметила Люкса.

— Потому что мы слишком горды, чтобы просить о помощи! — пафосно воскликнул Свет-Свет.

— А еще потому, что лететь до Регалии далеко, — добавила Бац, — и никто не хотел напрягаться.

— Но в основном — в основном все-таки потому, что мы слишком горды, чтобы просить о помощи! — повторил Фотос с воодушевлением.

Светляки заявили, что слишком утомлены, чтобы нести вахту. И вскоре они уже дружно похрапывали. Люкса попросила Говарда дежурить первым вместе с ней, и, проваливаясь в сон, Грегор слышал, как она пыталась уговорить своего брата быть повежливее со светляками, объясняя, что их следует потерпеть ради Газарда — и ради того, чтобы получить как можно больше информации о зубастиках.

Утро началось для Грегора с удивленного голоса Босоножки, которая вопрошала:

— Фу-фу? Это ты, Фу-Фу?

— Меня зовут Фотос Свет-Свет! И я не отзываюсь на другие имена! — злобно ответил светляк.

— Ой, светляки! — произнес Газард, улыбаясь и протирая глаза. — Какие они яркие!

— Темп! Темп! Смотри, тут Фу-Фу! — радостно вопила Босоножка.

— Я же сказал, меня зовут... впрочем, ладно, не имеет значения, — проскрипел Фотос.

В этот момент его гораздо больше занимал завтрак. Летучие мыши наловили много рыбы, учитывая аппетиты светляков, а Люкса вдобавок отдала им остатки салата из креветок. Он уже начал слегка попахивать, но светляки этого не заметили и проглотили салат в один присест.

Буквально через пять минут полета их маленькая компания достигла места, где теперь жили светляки. Это была одна из немногих пещер в Царстве теней, битком набитая безостановочно ноющими жуками. Пещера светилась разноцветными огоньками, и отовсюду доносились жалобные голоса, причитавшие, куда же делись Фотос Свет-Свет и Бац. При этом никто из обитателей пещеры не делал попытки преодолеть свою лень и полететь на поиски товарищей.

Да, Фотос Свет-Свет и Бац были, пожалуй, лучшими представителями своего народа.

Продолжая стремительный спуск с опасной скоростью, путешественники все глубже уходили под землю, причем спуск был настолько крут, что у Грегора порой закладывало уши.

Им приходилось не раз останавливаться и кормить светляков рыбой, чтобы жуки не ныли и не жаловались. Но они все равно ныли и жаловались, и Грегор даже подумал было, что ничего хуже этого в его жизни не бывало, а потом вспомнил, как улепетывал от Умняшки — и признал, что все-таки светляки — это не самое худшее.

— Мы достигли дна, — объявил наконец Фотос Свет-Свет.

— Отлично, здесь мы можем разбить лагерь, — обрадовался Говард.

Но Бац заявила:

— О нет. Без нас.

— Почему? — удивился Грегор.

— У вас что, начисто отбито обоняние? Вас совсем не беспокоит этот запах? — осведомился Фотос.

Тут и другие его почувствовали. О да, запах был. Еще какой! Он шел откуда-то спереди.

Грегор будто вернулся на несколько лет назад, в то лето, когда он гостил у бабушки на ферме, и тот наткнулся у себя в сарае на гниющий труп опоссума.

«Кто-то умер», — подумал Грегор.

И буквально через секунду он все увидел. Сотни мертвых мышей, лежавших в самых разных позах, ковром устилали пол туннеля.

ГЛАВА 14

— Мыски спят? — спросила Босоножка.

— Уберите свет! — крикнул Грегор светлякам, ведь через пару секунд даже Босоножка догадается, что мышки не спят, что они мертвы.

Некоторые мыши лежали в лужах собственной крови. Глаза у многих были открыты и неподвижно смотрели в пустоту перед собой.

— Да выключите же их!

Брюшки Фотоса Свет-Света и Бац наконец погасли. Грегор включил фонарик, но на пол старался не светить.

— Что говорит Босоножка? Это мышки? Где мышки? Мы нашли зубастиков? — спрашивал Газард, пытаясь принять сидячее положение.

— Лежи, Газард. Здесь не на что смотреть, — сказал Говард.

— А что это так воняет? — не унимался Газард.

— Это какой-то источник, видимо, с сероводородом, — успокоила Люкса. — Мы сейчас улетим отсюда.

Никому не хотелось, чтобы Газард и Босоножка видели трупы. Но они даже не вспомнили про юную Талию. Когда же наконец было найдено место для лагеря в стороне от жуткого кладбища, Грегор заметил, что летучую мышь бьет мелкая дрожь, и испытал к ней острое сочувствие.

Говард подготовил постель для Газарда и подошел к Люксе с Грегором:

— Один из нас останется с малышами, остальным придется вернуться, — сказал он.

— Я могу пойти, — вызвалась Люкса.

— Давай ты останешься, Говард. На тот случай, если Газарду вдруг станет хуже или еще что, — предложил Грегор.

Они оставили Говарда, Темпа и Найк приглядывать за Газардом, Босоножкой и Талией в обществе Фотоса Свет-Света, а Бац сопровождала Грегора, Люксу, Ареса и Аврору обратно к мышам.

Но прежде они получили от Говарда по кусочку ткани, пропитанному антисептиком, чтобы закрывать носы — хоть какая-то защита от чудовищного запаха.

— Не трогайте их, ни в коем случае! — предостерег Говард. — Мы ведь не знаем, от чего они погибли.

Антисептик был, конечно, кстати, но все же, подойдя вплотную к мертвым мышам, Грегор с трудом сдерживал рвотные позывы.

Света было достаточно для того, чтобы все рассмотреть. С одной

стороны туннеля был очень высокий утес. Похоже, мышей сбросили с утеса, и они разбились, несколько детенышей были буквально расплющены в лепешку.

Крыс среди трупов не было.

Даже не слишком чувствительная Бац испытала нечто вроде жалости.

— Какой ужас. Какой ужас. Не то чтобы я любила зубастиков — но это просто ужас.

— Если бы у них была возможность — они бы смогли уцепиться за скалу и не упасть, — с горечью произнесла Люкса. — Я не сомневаюсь: это работа крыс.

— Может, мы должны что-то сделать с этими телами? — спросил Грегор.

— Что же тут сделаешь? Если бросим их в воду — мы лишим себя питьевой воды. А чтобы их похоронить, у нас недостаточно рук, да и камень придется долбить слишком долго... Сжечь их тоже не получится, нам нечем станет дышать, — возразила Люкса.

Она была права. Им оставалось только улететь, оставив все как есть.

— Надо хотя бы написать что-то на камне, — предложил Грегор.

Но сделать это оказалось непросто: он хотел оставить запись о том, что случилось, — но с трудом смог выбить мечом на камне какую-то линию. А пока он в растерянности стоял у стены, подошла Люкса и добавила к его линии небольшую загогулину — превратив эту линию в косу.

В тайный знак.

— Это предупреждение для тех, кто придет после нас, — произнесла она. — А для зубастиков — что-то вроде эпитафии.

Сказав это, Люкса убрала от носа платок, встала на колени и сняла с головы корону. Скрестив запястья, она положила руки на свой золотой ободок и громко произнесла:

Здесь, на этой короне, я жизнью клянусь.

До последнего вздоха клятве буду верна.

Пусть трепещут убийцы и знают пусть:

За всех, кто погиб, я отомщу сполна.

Слова эхом разносились по туннелю. Это не был экспромт, который она придумала на ходу. Это был мрачный ритуал. Грегор был уверен, что данная ему клятва была из тех, какие берешься исполнить — или умереть.

Видно было, как происшедшее давит на Люксу, и Грегору очень хотелось подбежать и обнять ее.

Но клятва отдалила ее от него, словно бы отодвинула куда-то в немыслимую даль. Ведь она напомнила ему, что он всего-навсего гость, чужак в этой загадочной стране, где люди живут по законам, для него непонятным и непостижимым.

Глядя на поднимавшуюся с колен Люксу, Грегор вдруг осознал, что перед ним уже не двенадцатилетняя девочка, ищущая следы своих друзей и оплакивающая их кончину. Перед ним была будущая правительница Регалии. И крысам придется дорого заплатить за кровь зубастиков.

А в туннеле тем временем что-то происходило: слышались какие-то шелестящие звуки, жужжание, хлопанье крыльев. Грегор вспомнил слова Говарда о том, что здесь обитают самые разные существа. Видеть он никого не видел, но кто-то точно здесь был — смотрел, слушал, а теперь вот реагировал на клятву, произнесенную Люксой. Она тоже заметила эту реакцию — и почему-то улыбнулась.

В этот момент раздался еле слышный стон. Бац направила свой свет в сторону, откуда он послышался, и они заметили слабое движение в куче мертвых тел. Кончик хвоста одного из зубастиков чуть подергивался. Забыв предостережение Говарда, Люкса бросилась к зубастiku и села перед ним на корточки, поглаживая его шерстку.

Говорить зубастик не мог. Вместе с Люксой Грегор бережно положил зубастика на спину Ареса, привычным движением уселся тому на шею, но Люкса почему-то не двигалась с места.

— Ты что, не летишь? — спросил удивленный Грегор.

— Нет, — ответила она. — Я должна остаться и посмотреть очень внимательно — вдруг среди них еще у кого-то остался свет.

Грегор знал, что в Подземье слово «свет» означает то же, что «жизнь». Он посмотрел с сомнением на неподвижные тела.

— Хорошо, мы к тебе вернемся и поможем, — сказал он наконец.

— Не стоит, — возразила Люкса. — Мы с Авророй справимся и сами.

— Мы вернемся! — заявил Арес.

С величайшей осторожностью Грегор и Арес доставили еле живого зубастика Говарду и тут же вернулись к утесу. Одного за другим они осматривали мертвых мышей. Понимая, что ответить им никто не сможет, пытались найти хоть какие-то признаки жизни хоть у кого-то: ниточку пульса, слабый вздох, неуловимое движение, просто теплое тело...

Но живых больше не было.

По пути назад Грегор с остервенением думал о въевшемся, казалось, в

кожу запахе смерти — он чувствовал, что каждая пора дышит теперь этим запахом. Изуродованные мертвые тела... Теперь он хорошо знал, какие кошмары будут сниться ему в ближайшие годы.

Говард делал все возможное и невозможное, чтобы помочь зубастике. Одна из передних лапок мыши была сломана, и Говард сделал ему фиксирующую повязку. Он втер целебную мазь в израненное, изувеченное тельце. Дав зубастике пить — чайную ложечку, не больше, воды, — примерно через час положил в мясной бульон хлебные крошки и нарезанную на малюсенькие кусочки рыбу и дал зубастике поесть.

Вода и еда придали раненому сил, и он даже смог промолвить несколько слов, начав со своего имени: Картик. Говард смог получше рассмотреть повреждения на его теле: ребра сломаны не были, хотя удар на них пришелся сильнейший, зато на голове была рана, да и обезвоживание и голод тоже сказались на его состоянии. По повреждениям на тельце невозможно было сделать вывод о том, что произошло, но мучить его дальше расспросами Говард не позволил. Он сделал зубастике компресс на голову, дал ему немного обезболивающего и еще одно лекарство от отеков и продолжал понемножку его кормить.

Босоножка рвалась помогать, и Говард поручил ей петь зубастике колыбельные песенки. Она тут же опустилась на корточки возле несчастного зубастика и своим нежным голоском начала петь все, что знала. Это были в основном песенки из детских телепередач, которые она смотрела. Когда они закончились — она перешла к репертуару подземных песенок, включая песенки про пауков, рыбку и летучих мышей.

Летучая ты мышка,
Надень мои штанишки,
Я дам тебе покушать творожок.
А плюшки печь я буду —
Тебя уж не забуду
И дам тебе румяный пирожок.

Потом она запела песенку про мышей и королеву, видимо, решив, что Картику это понравится.

А зубастик, погляди-ка, раз-два-пять,
Покрутился, повертелся — и лег спать.
Угодили все в ловушку, раз и два и три,

Попрыгали, побегали и спать легли, смотри.
Мама и папа,
Сестра и братишка,
Спать улеглись все зубастики-мышки.
Может быть, даже уснут навсегда.
Больше не встретишь ты их никогда.

Картик медленно погрузился в сон, и Говард поблагодарил Босоножку за ее заботу.

Воодушевленная обнаруженным в себе новым талантом, Босоножка решила использовать его по полной и начала искать, кому бы еще попеть колыбельные. Все были и так вымотаны, а теперь вынуждены были вновь и вновь слушать репертуар Босоножки — пока она сама не утомилась. Тогда Грегор, Люкса, Говард, Аврора, Найк и Арес собрались на совет, а светил им Фотос Свет-Свет.

— Что ж, то, что мы увидели сегодня, — невероятно трагично. Но теперь мы по крайней мере знаем, что идем в правильном направлении, по следам зубастиков, — сказал Говард.

— Нашей заслуги в том нет, — возразила Люкса. — Мы ведь выбрали этот путь вынужденно, другого нам не оставалось. И мы пойдем по их следам до самого конца Царства теней.

— А потом? — спросил Грегор.

— Что потом? — не поняла Люкса.

— Ты предполагаешь продолжить их поиски и дальше, вместо того чтобы вернуться в Регалию?

Она не ответила, но он и так знал, что правильно ее понял. Люкса не собиралась возвращаться домой. Не для этого она стояла на коленях и произносила клятву, возложив руки на корону.

— Но мы не можем так поступить. Мы и так наломали дров и просто обязаны вернуться домой как можно скорее, — вмешался Говард. — И там предстать перед Советом, потому что у нас уже достаточно фактов, чтобы убедить Совет. К тому же теперь у нас есть живой свидетель, Картик.

— Вы можете возвращаться. А мы с Авророй пойдем дальше, искать зубастиков, — упрямо сжала зубы Люкса. — Кто-то должен прекратить этот геноцид.

— Кто-то, но не ты, дорогая кузина. Я скорее свяжу тебя и силой доставлю в Регалию, чем позволю тебе остаться здесь одной, — резко произнес Говард.

— Она дала какую-то клятву, — тихо сказал Грегор. — Там, возле утеса.

— Клятву?! — Говард взглянул на Люксу, и его лицо потемнело. — Надеюсь, не Смертельный обет?

Люкса молча кивнула.

— О, Люкса, что ты наделала! Ведь ты еще маленькая! У тебя нет власти! И армией ты не командуешь! Как ты собираешься держать свое слово?!

— Единственным способом, который есть в моем распоряжении, — ответила Люкса. — Я пойду вслед за зубастиками. И Совет будет вынужден послать армию, чтобы вызволить меня.

— Что-то они не выслали никакую армию, когда ты пропала в крысином Лабиринте, — возразил Грегор.

— Тогда все думали, что она умерла, — пояснил Говард. — А сейчас все не так. Сейчас они действительно будут вынуждены это сделать. Тем более если она дала эту клятву.

— А как они об этом узнают? — поинтересовался Грегор. — Что-то я не наблюдаю в Царстве теней чьих-либо разведчиков.

— Ты думаешь, только у людей есть уши? — ехидно спросил Свет. — У светляков они, кстати, тоже имеются, и у зубастиков. Бац, кстати, слышала клятву и уже успела рассказать о ней мне. Мы в Царстве теней, не в Мертвых землях. Кто знает, сколько еще разных существ могли, скрываясь в темноте, ее слышать?

«Много», — подумал Грегор, вспомнив о странных звуках, которые сопровождали клятву Люксы. Вот почему она улыбнулась тогда — она хотела, чтобы ее услышали.

— Половина Подземья уже в курсе, что она это сделала, — вздохнул Говард. — И обратного пути теперь нет.

— Я бы не свернула, даже если бы могла, — резко заявила Люкса.

— Но ведь тебе всего двенадцать! — воскликнул Грегор. — Разве это может считаться?

— Может, — сказал Говард. — В тот момент, когда весть о клятве дойдет до ушей Совета, — она уже дойдет и до наших врагов. И не будет никакой возможности отменить ее или от нее отказаться. Учитывая все обстоятельства, все это означает только одно.

— Что же? — спросил Грегор, понимая, что ничего хорошего не услышит.

Люкса посмотрела на него в упор:

— Это означает, что я объявила крысам войну.

ГЛАВА 15

«Так вот, значит, как начинаются войны...» — подумал Грегор.

Не с противостояния двух армий на поле боя, когда вооруженные до зубов бойцы только и ждут сигнала к атаке...

Не с вторжения крыс, волной хлынувших на улицы Регалии...

Не с пикирующих на ничего не подозревающих крыс летучих мышей...

Нет, все начинается тихо и незаметно.

В какой-нибудь уютной комнате, или на природе, или вот как сейчас — в туннеле, когда кто-то наделенный властью решает, что время пришло.

— Нет, — сказал Грегор. — Ну нет. Нужно сначала попытаться найти другие способы это остановить.

— Слишком поздно, — ответила Люкса. — Находясь в Регалии, я никогда бы не смогла объявить эту войну! Я и на безобидный пикник с трудом смогла отпроситься! А здесь, вдали от города, я свободна в своих решениях!

— Так, может, тебя потому и держали в городе — чтобы ты ненароком не объявила кому-нибудь войну! — не удержался Грегор.

— Ты что, не видел эти мертвые тела, Грегор?! — взвилась Люкса. — Что, по-твоему, мне оставалось делать? Просто сидеть и смотреть, как моих друзей убивают?

— Ну, мы не можем знать планов крыс относительно зубастиков, — вмешался Говард. — Но мы знаем, что вся их история — это кочевания с места на место, кузина. И возможно, большинство зубастиков сейчас уже достигли своего нового места обитания и находятся в полной безопасности, обустроивая свои гнезда.

— Но они покинули старые гнезда не по доброй воле! — не сдавалась Люкса. — И те сотни, которые лежат там мертвые, не выглядят особенно счастливыми!

— Ладно! Но все равно — почему ты не хочешь сначала поискать какие-то другие возможности, кроме объявления войны? — спросил Грегор.

— Например? — Люкса смотрела на него в упор.

— Сейчас мне ничего не приходит в голову, — растерялся под ее взглядом Грегор. — Но я подумаю — и обязательно предложу что-нибудь менее экстремальное!

— Отлично. Если тебе *придет* что-то в голову — я с великим удовольствием тебя выслушаю, — ответила Люкса. — Уверена, это будет нечто потрясающее!

Она насмеялась над ним. У Грегора вдруг возникло ощущение, что он говорит с Живоглотом. Он тоже посмотрел на нее в упор и сказал:

— Конечно, гораздо проще взять и объявить войну.

— Да, это нетрудно, — парировала она.

— Интересно, как ты собираешься теперь из всего этого вылезать.

— Сомневаюсь, что тебе удастся удовлетворить свой интерес. Потому что ты отправишься домой, — произнесла Люкса. — А нам, знаешь ли, придется остаться и жить здесь.

Больше они не сказали другу ни слова и даже избегали друг на друга смотреть.

Грегору не хотелось спорить с Люксой. Единственное, чего ему теперь хотелось, — это придумать такое решение проблемы, которое бы убедило и устроило всех.

Но дело было в том, что он не знал, как еще заставить крыс прекратить мучить мышей. Как люди могут повлиять на крыс без применения силы? Даже Грегор понимал, что крысы не станут слушать никакие доводы людей. Да, во время эпидемии чумы люди помогали крысам, давая им еду и лекарства, но все же у крыс от всей этой истории горький осадок — и их можно понять.

А еще больше все осложнялось тем, что у крыс не было общепризнанного лидера, который мог повести их за собой. После гибели короля Грызера крысы разделились на враждующие группы, а чума и вовсе ввергла крысиный народ в хаос и неразбериху.

И вот теперь появился Мортос. Он должен был стать следующим королем.

Но что в этом случае будет с крысами, которые откажутся следовать за ним? С такими, как Живоглот и его стая. Что будет с такими крысами, как Коготок, которая участвовала вместе с Грегором в поисках лекарства от чумы, пытаясь спасти своих детенышей?

Мысль о ней не давала Грегору покоя. Стала бы она поддерживать Мортоса?

Да и жив ли еще Мортос? Может, Живоглоту все-таки удалось настигнуть и убить его?

Кому Люкса объявила войну? Тем крысам, которые сбросили несчастных зубастиков с утеса? Тем, кто поддерживает Мортоса? Или всем крысам вообще — независимо от того, какую позицию они занимают и что

думают? И как бы Люкса ни представляла себе все это — Грегор был уверен, что если война начнется — ни у кого не будет ни времени, ни желания, ни возможности спрашивать каждую крысу о ее взглядах, прежде чем убить ее.

Грегор вдруг понял, что ему очень хотелось бы обсудить все это с Хэмнетом, отцом Газарда.

Но Хэмнет погиб — его убили острогубцы-муравьи во время битвы в джунглях.

Десять лет назад Хэмнет был лучшим воином во всей Регалии, потенциальным главнокомандующим армии регалианцев. Однажды во время атаки на крыс он последовал приказу и велел разрушить дамбу, которая окружала сад, подаренный крысам людьми. Вода, которая хлынула в сад, уничтожила огромное количество не только крыс, но и людей, и летучих мышей. Она унесла жизни многих крысиных детенышей, спрятанных в ближайших пещерах.

Хэмнет был вне себя от ужаса и горя, после чего просто исчез. Долго о нем ничего не было известно, но спустя десять лет он вдруг обнаружился в джунглях с маленьким сыном на руках и стал проводником для Грегора.

Грегор вспомнил, как Викус, уговаривая Хэмнета вернуться в Регалию, спросил: «Что такого ты делаешь в джунглях, чего не можешь делать в Регалии?» И Хэмнет тогда ответил: «Я не причиняю боли... Я больше никому не причиняю боли».

Он слишком хорошо понимал, что, если вернется в Регалию — ему снова придется участвовать в сражениях и убийствах.

Хэмнет пытался объяснить свою позицию Люксе. Он говорил, что война — это плохо, в ней гибнут ни в чем не повинные создания. Война ничего не решает, а только усиливает противостояние между людьми и крысами и заставляет их сильнее ненавидеть друг друга... Он считал, что война — самое крайнее средство, которое нужно использовать, когда все мирные возможности исчерпаны.

Все это находило живой отклик в сердце Грегора.

Потом, правда, случилось так, что на них напала целая армия муравьев-острогубцев, с которыми пришлось сражаться, и в этом бою Хэмнет погиб. Но все, что он говорил о войне... вообще все, что он говорил, — было правильно. В глубине души Грегор и сам это знал. Он только не знал, как донести свое понимание до Люксы, как переубедить ее.

Видимо, здесь это невозможно. Здесь, по соседству с разлагающимися телами несчастных мышей и рыскающим где-то неподалеку Мортосом.

Да и с чего бы ей его слушать? С чего прислушиваться к нему,

вещающему о том, что война — это плохой выбор, если он сам не так давно уничтожил сотни змей с довольной улыбкой на лице?

Он наконец уснул, сконфуженный и с болью в сердце. И без единой «потрясающей» идеи.

Когда Грегор проснулся, летучие мыши уже наловили рыбы. Светляки набросились на еду, издавая довольно противные чавкающие звуки, словно не ели несколько дней.

Кроме рыбы, Говард выдал всем остатки еды для пикника: там были грибы в сметанном соусе и слегка увядшие овощи.

Темп и летучие мыши теперь питались только рыбой, но еда в корзинах стремительно убывала. Теперь там оставались лишь несколько ломтей черствого хлеба, немного сыра, немного сухих овощей и пара кексов. Грегор оценил количество припасов и вспомнил, как Босоножка ныла, требуя еды и воды в джунглях. Это было невыносимо.

Поэтому он со вздохом взял в руки меч и порубил мелкими кусочками сырую рыбину — себе на завтрак.

Еду из корзин лучше оставить детям.

Говард явно придерживался такой же точки зрения, потому что как раз в этот момент занимался тем, что разбивал о камень какую-то ракушку.

Разбив, он протянул Грегору створку с малоаппетитным скользким содержимым:

— На, попробуй, — сказал он. — У нас на Источнике это деликатес.

Грегор сунул в рот скользкую массу. Зубы увязли в чем-то сопливом и довольно мерзком на вкус, он с трудом преодолел желание немедленно выплюнуть это и, почти не жуя, поспешно проглотил угощение.

Фу, гадость.

— И я понимаю, почему, — произнес Грегор, стараясь соблюсти правила этикета.

— Их тут множество! — обрадованно сообщил Говард и протянул Грегору следующую порцию.

— Да он не хочет их есть, Говард! Это же мерзость! — сказал Люкса, поморщившись. Она в этот момент виртуозно разделявала рыбу, снимая с нее кожу.

Люкса была права, но Грегору нравился Говард, а на Люксу он злился, поэтому он через силу съел еще несколько ракушек, чтобы досадить девочке. А потом попил водички, чтобы уменьшить противное послевкусие. Но все равно его слегка подташнивало.

Очнулся Картик, его состояние слегка улучшилось. Он был одурманен

лекарствами и все время спрашивал:

— Где остальные? Где все остальные?

— Мы как раз идем к ним, — ласково успокаивала его Люкса, но он все твердил:

— Где остальные? Где же остальные?

Говард дал ему немножко рыбы и воды и порцию лекарства. Вскоре зубастик затих и снова уснул.

— Боюсь, мне придется усыплять его всю дорогу, — покачал головой Говард.

Все начали располагаться на летучих мышах.

Газарду все еще нельзя было вставать, поэтому они с Люксой разместились с удобством на спине Авроры. Грегор, Босоножка и Темп оседлали Ареса, а на спину Найк Говард бережно уложил Картика.

— Мы похожи на летучий госпиталь, — пошутил он, — с ранеными Газардом и Картиком на борту. Хорошо еще, больше никто не пострадал!

Босоножка незамедлительно выставила вперед свой указательный пальчик — царапину на нем уже едва можно было разглядеть:

— А я?! — завопила она, возмущенная пренебрежением к собственной персоне.

— О, прости, пожалуйста! Как я мог забыть о тебе, Босоножка?! Разумеется, и ты тоже! Мы сейчас обязательно помажем твою ужасную рану мазью! — спохватился Говард.

В течение примерно часа они летели над ровной поверхностью дна Царства теней, затем туннель начал резко подниматься вверх, почти так же отвесно, как опускался.

Если во время падения летучим мышам приходилось несладко из-за проблем с ориентацией, то сейчас вертикальный подъем требовал от них невероятных физических усилий. И все же вверх они двигались быстрее.

Бедная Талия начала уставать почти сразу, а к обеду совершенно выбилась из сил.

— Так, — сказал Говард во время привала, — я понимаю, что всем придется нелегко, но нам нужно произвести некоторые перестановки.

И он вручил Грегору очередную замечательную свежерасколотую ракушку.

На этот раз Грегор проглотил ее, не жуя. Что ж, вполне терпимо.

— И что ты предлагаешь?

— Талию нужно поместить на Ареса, — сказал Говард. — Темп, как ты думаешь, ты сможешь лететь на Талии, которая будет лететь на Аресе?

Грегор вспомнил, как бедный Темп впервые забрался на летучую

мышь, вспомнил, как таракан ненавидит летать...

И услышал шелестящий голос:

— Делать это, могу я, делать это.

Но Грегор понимал, что для Темпа это будет настоящим подвигом: лететь на самом верху пирамиды из летучих мышей.

— Картик довольно тяжелый, и я тоже, — продолжал Говард. — Поэтому к себе на Найк я смогу взять только Босоножку.

Теперь стало понятно, что остается Грегору: лететь на Авроре вместе с Люксой.

— Если, конечно, никто не возражает, — внимательно посмотрел на них Говард.

— Да все отлично, — буркнул Грегор.

Люкса, по всей вероятности, тоже не испытывала особого восторга от соседства Грегора, но возражений с ее стороны не последовало.

Когда пришло время взлетать, Грегор уселся на шею Авроре лицом вперед, а Люкса села сзади, к нему спиной, повернувшись лицом к Газарду: так она могла во время полета следить за малышом.

Первые несколько часов Люкса игнорировала Грегора, делая вид, что его нет рядом. Она играла с Газардом в слова, а когда игра ему наскучила — начала рассказывать сказки, среди которых была и хорошо знакомая Грегору «Красная Шапочка».

В интерпретации Люксы Красная Шапочка летела из Регалии на своей летучей мыши навестить бабушку на Источник. По пути она нарушила запрет и свернула в один из туннелей, где росли замечательные грибы. Там она встретила Огромного Злого Крыса. Огромный Злой Крыс не стал убивать ее — просто не мог, потому что она была на летучей мыши, слишком высоко. Поэтому Огромный Злой Крыс притворился хорошим и выведал у Красной Шапочки ее планы. И когда Красная Шапочка прилетела к бабушке, там ее уже ждал Огромный Злой Крыс в обличье бабушки. Дальше следовали все положенные: «Бабушка, а почему у тебя такие большие глазки?» — а заканчивалось все тем, что появлялась бабушка и убивала Огромного Злого Крыса, и вместе с Красной Шапочкой они сбрасывали его тело в реку.

Мораль сказки была такова: никогда не доверяй крысам.

— А как же хорошие крысы, Люкса? — спросил Газард. — Коготок например — ведь она спасла жизнь Босоножке там, в джунглях. Или Живоглот. Мой папа говорил, что Живоглот хороший, и Викус считает его своим другом.

— Да, ваше высочество, как насчет них? — не выдержал Грегор. Ведь

как раз эта мысль не давала ему уснуть накануне.

— С крысами надо быть очень, очень осторожным, Газард, — ответила Люкса. — Для того чтобы я могла назвать крысу другом, должно пройти много лет, и она должна много раз доказать мне свою преданность. Пойми, они учат своих детенышей ненавидеть нас, людей.

— Но вы делаете то же самое! — возмутился Грегор. — Или, может, эта твоя сказка про Красную Шапочку должна пробудить в детях сочувствие в Огромному Злому Крысу?!

— Ты что, не понимаешь, насколько сильно они ненавидят тебя, Наземный? — негромко спросила Люкса.

Это слегка озадачило его, но после паузы он продолжил:

— Да, большинство из них — да. Но нескольких из них я считаю своими друзьями.

— Точно. Только вот интересно — считают ли *они себя* своими друзьями, — негромко произнесла девочка.

Это был ощутимый удар. Ведь если задуматься — действительно, трудно представить себе, чтобы Живоглот или Коготок назвали себя его друзьями. Единственная крыса, которая и правда могла бы это сделать, была Вертихвостка, но она провела многие годы в полном одиночестве в Мертвых землях, а потом сразу отправилась с ними в поход за Мортосом, так что ее пример нельзя считать показательным.

Газард начал зевать, и они затихли, чтобы не мешать ему уснуть. Но стоило малышу засопеть, как Люкса снова заговорила:

— Ты здорово сердись на меня за то, что я объявила войну, — сказала она.

— Да, я думаю, что это неправильное решение, — ответил Грегор.

— Но это должно было произойти, Грегор, рано или поздно. И все знают это. Люди и крысы не могут жить в мире — кто-то из нас должен уйти, — грустно произнесла Люкса.

— Живоглот говорил, что в прошлом бывали времена, когда люди и крысы неплохо уживались, — возразил Грегор.

— Очень недолгие, Грегор. Это никогда не продолжалось долго. Нам все равно нужно расставить все точки над «и» и ответить наконец на вопрос: кто останется, а кому придется уйти.

— Куда уйти, Люкса? Если люди проиграют — куда вы пойдете? Или, может, вы подниметесь на поверхность?

— Я не знаю. Скорее всего мы отправимся в Неизведанные земли — те, что лежат за пределами нашей карты. И возможно, — не без потерь, конечно, — мы сможем найти себе новый дом, — грустно сказал Люкса.

— А если проиграют крысы — тогда, значит, те, что останутся в живых, отправятся в эти Неизведанные земли? — спросил Грегор.

— Я постараюсь оставить при себе Живоглота. Как домашнее животное, — сказала вдруг Люкса.

Грегор не сдержал улыбки.

— Как своего питомца, да?

— Я буду завязывать ему бантики на хвосте и кормить его креветками в сливочном соусе, а спать он будет у меня на подушке.

— О да, ему это понравится! — уже открыто засмеялся Грегор.

Живоглот в бантиках — это нечто!

— У меня как-то был барашек, и он был очень послушный, — продолжала Люкса.

— Может, ты даже сможешь научить его каким-нибудь трюкам, — подхватил Грегор.

— Да, может быть, — хихикнула Люкса. — Например, кувыркаться и бежать на мой свист. А мой барашек даже умел прыгать через кольцо.

— Тебе придется порядочно потрудиться, но, думаю, что в конце концов Живоглот тоже этому научится.

— Да уж, он ведь такой сообразительный! — Люкса уже хохотала, привалившись к спине Грегора. Он чувствовал, как она трясется от смеха. А потом она перестала смеяться, но не поменяла позу и продолжала сидеть, привалившись к нему спиной и положив голову ему на плечо. И он чувствовал, как ее волосы щекочут ему ухо.

Он сидел неподвижно, чтобы ее не потревожить. Ему не хотелось думать ни о войне, ни о возвращении домой. Ему хотелось просто сидеть вот так, близко-близко к ней, в тишине и покое.

Так они летели довольно долго. Воздух становился теплее, и уже явственно ощущался в атмосфере неприятный запах — пахло тухлыми яйцами. Наверно, сероводород... и еще дым.

«Мы, похоже, приближаемся к Огненной земле, — подумал Грегор. — Говард говорил, воздух сильно испортится, когда мы ее достигнем».

Аврора нырнула в очередной изгиб туннеля — и в этот момент светляки погасли.

Но Грегор почему-то продолжал видеть все вокруг — на какое-то мгновение ему даже почудилось, что они снова оказались в джунглях, где всегда был слабый свет.

Когда глаза его совсем привыкли к сумрачному свету, он понял, что они покинули Царство теней и оказались в совершенно другом, новом мире. Пейзаж вокруг был очень похож на картинки из фантастических

фильмов про другие планеты. Определить, насколько глубокой была эта пещера, не было возможности, но в высоту она достигала примерно шести метров. Земля здесь была высохшая и покрытая трещинами и ямами, по ней гуляли пыль и пепел, которые то сворачивались в небольшие клубочки-облачка, то снова рассыпались на мельчайшие частицы.

Да, маловероятно, чтобы кто-то мог жить в таких условиях.

Но кое-кто живой здесь все-таки был. Довольно далеко, в нескольких сотнях метров, впереди маячили спины каких-то существ, которые окружили что-то или кого-то. Они были такими маленькими, а то, вокруг чего они столпились, возвышалось над ними так сильно, что Грегору поначалу показалось, будто это мыши-зубастики окружают довольно крупную крысу.

Но потом громадная серая фигура в центре отряхнулась, во все стороны полетели серый пепел и пыль, и показалась жемчужно-белая шерсть.

ГЛАВА 16

Аврора резко повернула, и они приземлились в нише у стены справа. Эта ниша была довольно глубокой — ее можно было бы даже назвать пещерой, и в то же время из нее хорошо просматривалось то, что происходило у крыс.

Арес и Найк последовали примеру Авроры.

— Эта гарь не дает им учуять нас, — сказал Говард.

Грегор хорошо слышал вопли крысиной толпы, но пока не раздавалось призывов к атаке.

— И увидеть нас здесь они не смогут, — шепнул он.

— Не смогут, — согласилась Аврора. — Потому что они смотрят, словно загипнотизированные, на... на... это ведь он, да?

— Да, это Мортос, — кивнул Грегор, сползая с ее спины на землю и слегка высываясь из-за края ниши, чтобы лучше видеть и слышать. Говард и Люкса тут же присоединились к нему.

— И мне дайте посмотреть! — заверещала Босоножка, размахивая своим скипетром и собираясь включить его.

— Нет, Босоножка! — Грегор поспешно выхватил у нее из ручки символ принцессиной власти и спрятал в задний карман. — Нужно, чтобы было темно. Я тебе скоро отдам его, ладно? — пообещал он.

— Он просто чудовищный! — произнес Говард.

— Он стал больше с тех пор, как я видел его в последний раз, — ответил Грегор.

— Когда же ты его видел? Когда он был щенком? — тут же прищурилась Люкса.

Ну конечно, он ведь не рассказывал им о своей встрече с Мортосом в подвалах Регалии...

Он никому об этом не рассказывал.

— Я потом расскажу, — пробормотал он.

Но Люкса не отставала:

— А может, ты все-таки расскажешь сейчас? Выходит, ты встречался с ним...

Но Говард прервал ее:

— Тихо, он собирается говорить.

Мортос взобрался на камень перед крысами.

— Грызуны! Грызуны! — позвал он. — Прошу вашего внимания!

Голос его изменился с того дня, как Грегор видел и слышал его — теперь он был низким и глубоким, и в нем отчетливо слышались командные нотки. При звуках этого голоса с разных сторон выбежали еще крысы и присоединились к остальным, выстроившись ровными рядами.

Их было несколько сотен.

— Прежде всего хочу выразить вам благодарность, — начал Мортос. — За то, что вы здесь. За то, что поддерживаете меня. Потому что кем бы я был, кем был бы каждый из нас, если бы мы не поддерживали друг друга?

Крысы уселись на задние лапы и сосредоточенно внимали Мортосу. Белый крыс прыгнул с камня и, опустившись на все четыре лапы, стал прохаживаться перед толпой взад-вперед. Вид у него был расслабленный, а в голосе появились философские нотки:

— Я знаю, кем мы были когда-то. Мы были силой. Неоспоримой силой, которой подчинялось все Подземье. И я знаю, кто мы сейчас. Слабые. Голодные. Униженные. Живущие милостыней от своих врагов. Попираемые людьми. Над нами сейчас насмехается все Подземье — даже те жалкие ничтожные создания, которые когда-то боялись поднять на нас глаза.

По толпе прокатился гул.

— Нас никогда не любили, — продолжал Мортос. — Но нас хотя бы боялись. Пока не умер Грызер. А когда нас перестали бояться — нас перестали и уважать. Разве не закипает в ваших сердцах ярость, когда жалкие ползучие смеются и ловят рыбу в *наших* водах?

— Да! — отозвались несколько крыс.

— Когда острогубцы живут на исконно *наших* землях, принадлежавших нам веками?

— Да! — Голосов стало больше.

— Когда люди заражают нас вирусом, который уничтожает наш народ, а потом пытаются решить все проблемы несколькими жалкими корзинами зерна? — Голос Мортоса дрожал от гнева.

— Да! — Голосов стало еще больше.

Грегор видел, как крысы начинают возбуждаться, многих стала сотрясать дрожь, а хвосты у них начали нервно подергиваться.

— Многие из вас потеряли щенков, — продолжал Мортос. — А иные пока не могут назвать себя родителями. Но что хуже? Смотреть, как твой ребенок умирает от болезни мучительно, но быстро — или наблюдать, как он медленно гибнет, униженный, раздавленный, ставший пылью под ногами чудовищных существ? Разве такой жизни мы хотели для наших

детей?!

Несколько крыс закричали «Нет!» — а остальные завопили: «Смерть Регалии! Смерть человеческим детенышам!»

— Люди... Люди... — Мортос произнес это слово с омерзением. — Мы знаем, что с самого момента их появления Подземье было слишком мало для двух наших народов. И мы разберемся с людьми — в ближайшее время. Но сейчас... есть еще другие, те, на ком нужно сосредоточиться в первую очередь... — Он перестал расхаживать и остановился прямо перед толпой: — Чтобы понять, кто является виновником наших бед, — нужно в первую очередь понять, кому было бы выгодно, чтобы нас не стало. Кто вечно ищет плодородные земли, чтобы их объедать? Чье поголовье все время растет, в то время как наше неуклонно уменьшается? Чьи щенки жиреют, в то время как наши голодают и умирают от истощения? Вы знаете, о ком я говорю!

— Зубастики! — взревела толпа.

— Да, зубастики! Мой отец шутил, что хороший зубастик — это мертвый зубастик! — криво усмехнулся Мортос.

В толпе раздался утробный смех.

— Но, может, если бы мы не тратили время на шутки, а действовали — мы бы не оказались сегодня здесь! — оборвал смех Мортос. — Скажите-ка, если, конечно, сможете — почему ни один щенок зубастиков не умер от чумы? Почему, когда грызуны, и летучие мыши, и даже люди мучились в агонии — их это не коснулось? Не знаете? Я вам отвечу. Потому что это была их чума. Все считают виновными в эпидемии людей — даже они сами. Но откуда вообще взялся этот вирус? Он ведь появился откуда-то! Люди не могли создать его в своей лаборатории. Мы все знаем, где он родился и откуда пришел. Из джунглей. А кто жил до недавнего времени в джунглях? Зубастики. Они принесли вирус. Они принесли его людям, а те уже решили использовать вирус в качестве оружия против нас. У самих же зубастиков было — у них у всех оно было! — противоядие от чумы, вот почему они не болели, а спокойно наблюдали, как умираем мы!

Толпа явно не понимала, как реагировать на эти слова. Грегор сообразил, что, видимо, Мортос впервые озвучивает перед крысами свою теорию.

— Но разве удивляет нас этот факт? — полным горечи голосом продолжал Мортос. — Разве не всегда они были против нас? Разве не шпионят они по всему Подземью в интересах людей с того самого момента, как Сандвич их нанял? Разве не они по сей день являются ушами и глазами Регалии? Из всех существ, заинтересованных в нашей гибели,

зубастики — первые в списке!

Это заявление было встречено возмущенным гулом.

Мортос слегка возвысил голос:

— Мы пытались просто выгонять их из наших владений — снова и снова. Но они никогда не уходили далеко. Я думаю, я надеюсь, на этот раз мы наконец сможем отправить их туда, откуда не возвращаются!

Толпа впала в неистовство.

— Есть ли среди вас те, кто сомневается? Кто считает, что нужно искать другие решения? Только вспомните — мы все время искали другие решения в прошлом. И посмотрите, куда эти решения нас привели! — проревел Мортос.

Он выпрямился во весь рост, встав на задние лапы.

— Это закон природы. Сильный решает судьбу слабого. Разве мы слабые? Мы — слабые?!

Крысы начали подпрыгивать в воздухе и истерично визжать:

— Не-е-е-ет! Не-е-е-ет!

— Тогда собирайте все свои силы и сражайтесь вместе со мной! Нас ждет долгая и кровавая борьба! У нас много врагов. Будет трудно. Но когда будете сомневаться — пробудите мужество и ненависть внутри себя. Вспомните, как смеются тараканы, как усмеваются люди, как жиреют мыши, когда мы умираем с голоду, — и вы увидите, что ваши силы сразу утратятся, и вы сможете преодолеть все, что нас ожидает!

Толпа стала скандировать имя Мортоса.

— Вы хотите, чтобы я повел вас? Я поведу вас! Но лидер силен настолько, насколько сильны те, кто за ним стоит. Вы сильны? — взревел Мортос.

— Да!!!

— Тогда наши враги получают то, что заслужили. Никто в Подземье не сможет остановить нас! — Мортос задрал голову и издал леденящий кровь боевой клич, который тут же подхватили остальные крысы.

Грегор прислонился к стене, чувствуя, как подгибаются у него ноги и перехватывает дыхание.

Не может быть! Этот Мортос не был жалким, как тот, которого помнил Грегор. Этот был весьма... убедителен.

«Хорошо поработала с ним Умняшка, — вдруг подумал Грегор. — Это она вложила в его голову эти мысли, это она научила его, как говорить с крысами. А теперь он и сам во все это верит».

Лица Люксы и Говарда были бледными и испуганными.

— Он монстр, — проговорил Говард. — Ты слышал, что он говорил?

Он что, сумасшедший? С какой стати он обвиняет в эпидемии зубастиков?!!

— Но остальные ему поверили, — возразила Люкса.

— Да я сам почти поверил, — вмешался Арес. — Он изложил это так логично...

— Что он собирается сделать с зубастиками? — спросила Аврора. — Что он имел в виду под «отправить их туда, откуда не возвращаются»?

— Не знаю. Может, за пределы Подземья, — предположил Говард.

— В Неизведанные земли, — добавила Люкса.

Шум толпы начал стихать.

Босоножка потянула Грегора за рукав:

— Я кусать хочу.

Он быстро прижал палец к ее губам:

— Тс-с-с. Нам нельзя шуметь, Босоножка. Нельзя, чтобы нас заметили.

Как будто мы в прятки играем, поняла?

Босоножка кивнула и радостно подхватила:

— Тс-с-с!

— Тс-с-с! — повторил Говард.

Но был еще кое-кто, кого было гораздо сложнее заставить соблюдать тишину.

В своем беспокойном сне заворочался Картик — должно быть, ужасные слова Мортоса нарушили его покой даже во сне.

— Нет! — закричал он. — Нет!

— Угомони его, Говард! Они услышат! — зашептала Люкса.

Говард дотронулся до Картика, но тот в ужасе начал кричать:

— Где остальные? Где же остальные?

— Нет, Картик, тихо, пожалуйста, тихо. Они спасены. И ты тоже, — шептал ему в ухо Говард, но бедный зубастик не успокаивался:

— Где остальные? Где все остальные?

Грегор глянул в сторону крыс и увидел, что вся эта жуткая крысиная армия уже несется к ним.

— Они нас услышали! Скорее в воздух! Взлетаем! Убираемся отсюда!

Через пару секунд они уже были в воздухе. Грегор подхватил Босоножку, пока Говард удерживал бывшего в истерике Картика на спине Найк.

— Где остальные? Где же все остальные?

Летучие мыши заметались по пещере, не понимая, куда лететь. Их, конечно, увидели. Послышались выкрики: «Это Воин! Это королева Люкса!» некоторые крысы хохотали от радости, что такая отличная добыча попала им в лапы так легко и просто.

— Куда? — кричал Арес, кружась в воздухе с Талией и Темпом на спине.

Грегор видел что-то похожее на входы в туннель в стенах, но во многие было уже не попасть: крысы клубились вокруг, словно пыль, мимо пролететь было нереально.

— Нам нужен свет! Больше света! — крикнул Грегор, ожидая, что сейчас лучи света прорежут сумрак. Но ничего не произошло. — Светляки! — Он покрутил головой в поисках светляков. — Где же они?

— Ушли! — в ярости произнес Говард. — Сбежали обратно в Царство теней, как только мы вышли сюда.

— Вот уроды! — ругнулся Грегор.

Но чего он, собственно, ожидал? Он знал, что нельзя рассчитывать на Фотоса и Бац.

Грегор выхватил фонарик и поводил им вокруг. Под ними, внизу, подпрыгивали в нетерпении, пытаясь их достать и изрыгая проклятия, сотни крыс. Остальные группками неслись ко входам в туннели, чтобы окончательно заблокировать их. Многие туннели уже были недоступны.

— Может, вернуться в Царство теней? — крикнул Грегор.

— Тогда мы останемся там навсегда! — ответила Люкса.

— Быстро выбирай туннель, Люкса! — скомандовал Говард. — И поторопись!

— Слева, Аврора! — приказал Люкса.

Крысы еще не успели перекрыть вход в этот туннель, и летучие мыши нырнули в него буквально в последний момент, когда крысы уже были совсем рядом. Но они почему-то не стали преследовать путников, а только, сунув носы, сразу выскочили наружу. И до ушей Грегора донесся их довольный смех и повизгивание.

Это не предвещало ничего хорошего.

— Что-то они не слишком переживают из-за того, что нам удалось убежать, — сказал он.

— Это может означать лишь одно, — кивнула Люкса. — Похоже, в туннеле находится нечто, что убьет нас еще быстрее, чем крысы.

Она не успела договорить, как Арес предупредил:

— Оружие к бою! Здесь ядоносцы! Оружие к бою!

Летучие мыши влетели в огромный зал.

На полу, подняв смертоносные жалахвосты для атаки, их ожидали два гигантских скорпиона.

ГЛАВА 17

Скорпионы были метра три в длину. В придачу к восьми ногам каждый имел пару клешней. Но Грегор знал, что главная опасность таилась не в клешнях: смертельное оружие представляли собой хвосты, изогнувшиеся в боевой позиции. Он покосился на жало на конце хвоста скорпиона — почти полметра длиной, оно буквально сочилось ядом.

Большинство скорпионов в Наземье тоже могут пустить в дело ядовитое жало, но только у некоторых, особо опасных, хватит яда, чтобы убить человека. И наземные скорпионы маленькие — гораздо меньше своих потенциальных жертв.

А эти...

Какой бы яд ни скрывался в их жалах, — Грегор не сомневался, что его хватит на любого из их компании. Летучие мыши тоже, видимо, понимали это, поскольку из всех сил старались держать дистанцию и не приближаться к ядовитым хвостам скорпионов, даже если приходилось отклоняться в сторону выглядевших устрашающе клешней.

Правой рукой Грегор держал Босоножку, в левой у него был фонарик. Не отпуская сестру, он попытался было вытянуть левой рукой меч из ножен, но девочка начала вертеться и выглядывать из-за плеча Найк:

— Что там? — спрашивала она. — Кто там? Паучки?

— Сиди спокойно, Босоножка! — одернул ее Грегор.

— Нужен еще свет! — крикнула Люкса.

— Там, в рюкзаке! — бросил ей Грегор, которому наконец удалось вытянуть меч из ножен. Теперь он перехватил свою вертлявую сестрицу рукой с фонариком: — Да ты можешь сидеть спокойно?!

— Это паучки, Гре-го, да? — приставала она с вопросами. — Как паучок Ананси, да?

— Нет! — заорал Грегор. — Босоножка, прекрати! Давай-ка, держись крепко! Забирайся на меня как обезьянка!

Она выполнила его требование, но все еще вытягивала шею, пытаясь через плечо увидеть «паучков».

Грегор чувствовал, как позади него Люкса роется в рюкзаке, и через несколько секунд еще один луч света прорезал пространство зала.

— Ну и дела, — произнес он, когда получше рассмотрел скорпиона.

При ближайшем рассмотрении он выглядел еще более грозным, чем показалось Грегору сначала. Тело скорпиона было заковано в мощную

хитиновую броню, к тому же у него было пять пар глаз.

А мультиглаза всегда пугали Грегора.

— Держись, Босоножка! Или я сейчас уйду! — прикрикнул он на сестренку.

Это наконец возымело действие. Может, она вспомнила потоп и как он выронил ее, и теперь она крепко обхватила его ручками и ножками, так что он едва мог дышать.

— Вот и молодец, — прохрипел он.

— Надо рубить им хвосты! — услышал он голос Говарда.

— Точно! — ответил Грегор, но он не мог кинуться в атаку. Аврора металась вправо и влево, пытаясь увернуться от хвостов скорпионов, Босоножка верещала, вцепившись в него мертвой хваткой... Он мог совершать мечом движения весьма скромной амплитуды, потому что должен был держать сестру.

«Надеюсь, Люкса или Говард смогут это сделать!» — подумал он, но вскоре понял, что ничего не происходит. Говард не мог даже достать свой меч, ведь он придерживал стонущего Картика, а Люкса сидела в неудобной для боя позиции позади Грегора, с трудом удерживая равновесие и следя, чтобы Газард не свалился вниз.

— Грегор, ты можешь их атаковать? — спросил Говард.

— Пытаюсь, — ответил Грегор, разрубая воздух, но сильно промахнувшись.

О яростнической трансформации в таких условиях даже думать было смешно: в такой тесноте это было даже опасно, ведь он не мог сосредоточиться, и мало ли что могло попасть под удар... Грегор чувствовал себя героем фильма ужасов, которого заманили в ловушку.

— Паучатки! — завопила Босоножка восторженно, будто они были на увлекательной прогулке в парке. — Смотрите, там малысы-паучатки!

— Они совсем не малыши, — возразил было Грегор, но его пронзила ужасная мысль: а вдруг это действительно только детеныши, и Босоножка обнаружила их родителей, каких-нибудь скорпионов метров девять высотой, которые движутся на подмогу своим чадам.

— Привет, малысы! — крикнула Босоножка.

— Да где? Где эти малыши?! — не выдержал Грегор.

— Вон они, на маме, — показала Босоножка. — Видис? Малысы.

Грегор направил фонарик на меньшего скорпиона и впервые увидел то, о чем говорила Босоножка. Около десятка маленьких скорпионов копошились на материнском панцире.

«Класс!» — подумал он. Хуже настроенного воинственно гигантского

скорпиона может быть только настроенный воинственно гигантский скорпион, защищающий свое потомство.

— Я спою, чтобы малысы уснули, — заявила Босоножка.

— Ладно, пой, — разрешил Грегор, решив, что пусть она хоть чем-нибудь займется. Ему необходимо было добраться до ядовитого хвоста — а любое насилие пугало и расстраивало ее. Она непременно расстроится, если увидит, что он делает больно «паучкам».

Но стоило Босоножке запеть песенку «Паучок, паучок...», как Грегор понял, что это была плохая идея. Песенка предполагала движения руками, — там, где пелось, как паучок карабкается по водосточной трубе, как капает дождик... И Босоножка, чтобы выполнить эти движения, отцепилась от его шеи.

— Держись за меня, Босоножка! Держись! — закричал Грегор.

Но было уже поздно.

Когда в песенке снова появлялось из-за туч солнышко, Аврора совершила крутой вираж, чтобы избежать столкновения с ядовитым хвостом, и Босоножка упала.

Оказавшись на полу, она стала тянуть ручки вверх и проситься:

— Меня! Меня!

— Босоножка! — кричал Грегор.

Арес нырнул, пытаясь ее схватить, и у него это получилось, но он двигался слишком резко, и Талия не удержалась на его спине и скатилась вниз, а вместе с ней, естественно, упал и Темп. Ни Аврора, ни Найк не имели ни малейшего шанса поймать их. Юная летучая мышь и таракан оказались на каменном полу и застыли в ужасе.

— Талия! — завопил Газард. — Взлетай!

— Не двигайся, Темп! — закричал Грегор.

Талия переступала с лапы на лапу, а Темп отбежал на пару метров в сторону и замер, не зная, что делать дальше. Арес заложил крутой вираж и попытался схватить их когтями — но не успел. В мгновение ока скорпиониха-мать бросилась в атаку и прижала своими клешнями крылья Талии к земле. Ее жуткий хвост загнулся ей за голову, готовясь к убийству. Талия только слегка пискнула, жалко и отчаянно, понимая, что обречена.

— Нет! — завизжал Газард. — Не-е-е-ет!

Он вывернулся из рук Люксы и полетел вниз. К счастью, Аврора находилась довольно близко к земле, и ему удалось мягко приземлиться на четвереньки. Он вскочил и понесся прямо к Талии, упал на колени перед ней и протянул руки, защищая ее от скорпиона.

Люкса спрыгнула следом за Газардом, тяжело приземлилась на ноги и

с мечом наперевес встала, закрывая мальчика собой от скорпионихи. Скорпиониха издала угрожающее шипение, а Газард неожиданно повернулся и схватил Люксу за руку, в которой она держала меч.

— Не делай этого! Не нападай на нее! — закричал он отчаянно. — Вообще — никто не нападайте!

Все еще не выпуская Люксиной руки, он повернулся к скорпионихе и издал серию коротких шипящих звуков. Хвост скорпионихи подергался в воздухе еще несколько мгновений — будто она колебалась.

— Уберите мечи! Все уберите мечи! — велел Газард.

Люкса послушалась не сразу, и он повторил:

— Прошу тебя, Люкса, убери меч!

Нехотя она сунула меч в ножны, но руку продолжала держать на рукояти.

Газард издал новую серию шипящих звуков, и скорпиониха медленно опустила хвост, все еще не отпуская Талию.

В этот момент на землю опустились Аврора и Грегор. Грегор, спешившись, первым делом убрал меч в ножны.

— Ты можешь говорить с ней, Газард? — спросил он мальчика.

— Не знаю. Я говорю на языке шипучек, на котором говорила Гребешок. Но я не уверен, что эти слова означают то же самое на языке скорпионов, — с сомнением произнес тот.

Грегора осенило. Босоножка была права относительно кое-чего: у скорпионов ведь восемь лапок, как у пауков... Они, конечно, другие, но все-таки...

— Попробуй поговорить с ними по-паучьи!

Газард начал стучать себя по груди, извлекая серию вибрирующих звуков. Скорпионы начали сконфуженно переступать своими многочисленными лапами с места на место.

— Темп! Темп! — позвал Говард. — Попробуй поговорить с ними на тараканьем языке!

Темп засеменил к Газарду, торопливо щелкая. Газард тут же начал ему вторить — тараканьим он теперь владел практически свободно. И конечно, кое-кто еще не мог оставаться в стороне.

— И я! И я тозе! — завопила Босоножка. Она нетерпеливо прыгала на спине Ареса, Грегору с трудом удавалось удерживать ее.

— Эй! — сказал он. — Ну нельзя же просто вот так спрыгнуть и...

Но она уже вывернулась из его рук и неслась к скорпионихе с воплями:

— Дайте мне сказать! Дайте мне сказать!

Она нетерпеливо переступала с ноги на ногу, изо рта ее полилась причудливая смесь английских слов и тараканьего щелканья. И делала она это столь увлеченно, что Газард и Темп посторонились, пропуская ее вперед.

Босоножка болтала без умолку около минуты, показывая на детенышей, напевая какие-то отрывки из «Паучок, паучок...» и щелкая, щелкая, щелкая без остановки, а потом вдруг остановилась, сложила ручки вместе и вся подалась вперед, словно взволнованно ожидая ответа.

Последовала долгая пауза, а потом скорпион, что стоял позади Грегора, издал несколько щелчков.

И все снова начали щелкать, шипеть и балаболить, пока Говард не призвал всех к тишине.

Найк спустилась с высоты. Картик, обессилив от переживаний, лежал на спине и безучастно смотрел прямо перед собой.

Говард слез с летучей мыши и взял Газарда за руку.

— Ну что, Газард? Что они понимают?

— Я думаю, оба немного понимают язык шипучек. Про паучий язык ничего сказать не могу, а большой скорпион владеет тараканьим, — резюмировал Газард.

— Хорошо, тогда попроси их освободить Талию, — сказал Говард.

Газард обратился к тому скорпиону, который говорил по-тараканьи. Ответа никто не услышал, но он, видимо, все же что-то сказал скорпионихе, потому что она ослабила хватку и выпустила Талию на волю. Юная летучая мышь тут же забилась под крыло Авроре и даже носа оттуда не высовывала.

Скорпион снова защелкал.

— Он спрашивает, как мы сюда попали и зачем, — перевел Газард.

— Скажи ему, — начала Люкса, — скажи ему, что нас сюда загнали крысы, потому что были уверены, что скорпионы нас убьют.

Газард перевел это скорпиону, и тот ответил через минуту.

— Крысы и их враги тоже, они когда-то изгнали ядоносцев с их исконных земель.

— А зубастиков они тут не видели? — спросила Люкса.

Газард побеседовал со скорпионом и ответил:

— Видели. Крысы гнали их здесь буквально вчера. И зубастики выглядели плохо — многие из них больны или ранены.

Босоножка, которой было всего-то три года, больше не могла сдерживаться. Она снова начала щелкать и петь и что-то выделять руками вокруг матери-скорпионихи.

— Да чего ты хочешь-то? — спросил Грегор, пытаясь остановить ее.

— Она хочет потрогать малышей, — объяснил Газард.

— Что?! Босоножка, это же скорпионы! Нельзя их трогать!

Но он снова ошибся. После нескольких минут уговоров, переговоров и выяснений, не опасно ли трогать малышей, Босоножка сидела на спине у матери-скорпионихи и гладила-баюкала маленьких скорпиончиков.

И Грегор подумал, что, пожалуй, удивляться этому не стоит, если вспомнить, с какой готовностью она приняла тараканов и подружилась с ними. А ведь они были взрослыми.

Газард тут же присоединился к ней и о чем-то переговаривался с матерью-скорпионихой на языке шипучек. Говард и Темп продолжали беседу с двуязычным скорпионом, а Люкса достала из корзины последний, изрядно подсохший кекс и разделила его на кусочки на всех, не забыв и скорпионов.

Ни о каком сражении теперь и речи не было. Люкса слизнула сахарную пудру с пальца и покачала головой.

— Знаешь, — сказала она Грегору, — я, кажется, начинаю понимать, что имел в виду Хэмнет тогда, в джунглях.

— Ты о чем? — не понял Грегор.

— Помнишь, он говорил, что очень многие существа не любят сражаться, — напредила она, и он подхватил:

— И еще он тогда сказал, что ты никогда этого не узнаешь, если будешь сразу хвататься за меч. Я думаю, мы сегодня все в этом убедились.

— Да, — кивнула Люкса. — А если бы мы вступили в бой — без сомнения, никого из нас в живых бы уже не осталось.

— Скорпионы разрешают нам остаться здесь и отдохнуть, прежде чем мы двинемся дальше, — объявил Говард.

Арес и Найк полетели к источнику, что протекал в соседнем туннеле, и вскоре вернулись с рыбой. Они устроили некое подобие пикника, пригласив и скорпионов к трапезе: сырая рыба, кекс и холодная свежая вода.

Босоножка рыбу не ела, но с удовольствием кормила ею маленьких скорпиончиков. Они брали кусочки, но проглотить их не могли — они, похоже, питались как пауки, высасывая жидкость из пищи. Поэтому скорпиончики выплевывали обсосанные кусочки рыбьей плоти обратно на хитиновый панцирь матери. Грегор предпочитал на это пикантное зрелище лишний раз не смотреть.

Газард и Темп продолжали выполнять роль переводчиков.

— Мы так мало знаем о скорпионах, — сказал Говард. — Спроси их,

они тут всегда жили или они кочевники?

— Они говорят, что теперь постоянно здесь живут, обычно здесь тихо и спокойно. Никто не осмеливается их беспокоить. Но в последнее время здесь все время кто-нибудь толчется: светляки, грызуны, тараканы, бабочки. И даже убийцы, — перевел Газард. И впился зубами в рыбу, будто и не сказал чего-то из ряда вон выходящего.

Но Грегор заметил, как изменились в лице Говард и Люкса.

— Убийцы, — повторил Грегор. — А кто это? Неужели здесь еще какие-то монстры бегают поблизости?!

— О нет, Грегор, — просто сказал Газард. — Это мы. Мы, люди, и есть убийцы...

ГЛАВА 18

— Что ты имеешь в виду? — спросил Грегор.

— Ты же знаешь, у нас каждый имеет два имени. Крысы еще называются грызунами. Летучие мыши — летящие. Тараканы — ползучие, вот Темпа большинство людей назовет ползучим, хотя моя мама употребляла слов «таракан», — объяснил Газард. — И она говорила не «прядущий», а «паук» — как Босоножка.

— Когда Сандвич пришел сюда, он тоже говорил «паук», — сказал Говард. — Но потом более употребительной стала форма «прядущий».

— В Подземье все существа получают свои названия в зависимости от того, что они делают. Вот почему скорпионы называются ядоносцами, — продолжал Газард, кивая в сторону скорпионов. — Вот почему Арес — летящий. А мы... мы убийцы.

— Я никогда не слышал об этом раньше, — растерянно сказал Грегор.

— Нам не нравится это название, поэтому наши друзья не употребляют его, — объяснил Говард. — А наши враги редко осмеливаются произнести его нам в лицо, потому что люди слишком бурно на это реагируют.

— Убийцы значит. Уф. — Грегор повернулся к Люксе.

Он уже слишком много знал о Подземье, чтобы обольщаться насчет людей и считать их добрыми и хорошими. Люди оказались способными слишком на многое. Но что же такого надо было сделать, чтобы все Подземье дало им такое прозвище? Убийцы... Они что, действительно убивали и убивают больше, чем остальные?

— Это очень старое название, — ответила Люкса на его невысказанный вопрос. — И я удивлена, что ты употребил именно его, Газард.

— Мой папа иногда употреблял его, — ответил Газард.

— Да, но твой папа... он не был одним из нас, — сказала Люкса. — То есть, я имею в виду, что он не хотел жить среди нас.

— Не хотел. Он не хотел быть убийцей.

— Перестань! Не говори так! — оборвала она мальчика.

Газард посмотрел на нее с удивлением — она почти никогда не повышала на него голос.

— Почему? Это же правда! Люди именно этим и славятся — своими убийствами.

— Это очень старое название, Газард, — вмешался Говард. — И оно сегодня уже не употребляется, перестало быть актуальным.

— Не знаю, откуда у вас такие сведения, — стоял на своем Газард. — Большинство существ в Подземье на своем языке называет людей именно так. Шипучки, прядущие, ползучие, да почти все.

— Вот как! Какая приятная новость, — бросила Люкса взгляд в сторону Темпа.

— Старый мир, это быть, старый мир, — забормотал тот, чувствуя себя неловко.

— Неужели вы этого не знаете? — поразился Газард.

— Да ведь ты и твой отец — единственные люди, которые снизошли до того, чтобы разговаривать с другими на их языке, — сказал Грегор. — И давай лучше оставим эту тему, Газард.

— Прости. — Газард сжал ладонь Люксы.

— Да ничего страшного, — обняла она его в ответ, но Грегор мог поклясться, что разговор был ей глубоко неприятен.

Его настроения это тоже не улучшило.

Если люди известны в Подземье как убийцы, то кто же тогда он, Воин, яростник? Убийца среди убийц? Он впервые задумался, что означает война, развязанная Люксой, лично для него. Должен ли он, Воин, принять в ней участие? Он ведь никогда не участвовал в настоящей войне. Он только дрался несколько раз, но никогда не противостоял армии крыс. Он был, если по совести, совсем неопытным, но сомневался, что это имеет значение. Чего подземные ожидают от него? Отводится ли ему какая-то особая роль? Как, например... убить Мортоса.

Грегор попытался отогнать эту мысль. Нет смысла даже думать об этом до возвращения в Регалию и разговора с Викусом относительно «Пророчества времени».

А что потом? А потом он сам определится...

Утром скорпионы помогли им разработать дальнейший план передвижений.

Вход в туннель был заблокирован крысами на случай, если вдруг путникам удастся выжить в схватке с ядоносцами. Но скорпионы знали здешние места куда лучше, чем крысы. И предложили людям маршрут по туннелям, уходящим в глубину Огненной земли. Хотя это увеличивало время пути до Регалии, зато им предстояло перемещаться по открытому пространству, а значит, они могли лететь, а вероятность столкнуться с крысами была очень мала.

Люкса не обсуждала ни с кем свои планы относительно дальнейших

поисков зубастиков, но Грегор был уверен, что она от них не откажется.

— И еще они сказали, чтобы мы были осторожны с воздушными потоками, — сказал Газард.

По поводу этих потоков никто не беспокоился. Грегор много раз попадал в них во время спусков и подъемов, и они ему даже нравились.

Когда все прощались, Люкса попросила Газарда перевести следующую речь:

— Скажи им, что отныне люди всегда будут проявлять огромное уважение к ядоносцам. Скажи им, что мы хотим жить с ними в мире и строить хорошие отношения между нашими народами. Скажи им, что, оставив Талию в живых, они навеки покорили наши сердца.

Газард передал им эти слова. Скорпионы тут же произнесли ответную благодарственную речь, простую и гораздо менее эмоциональную. А может, из-за отсутствия опыта общения со скорпионами и из-за смешения нескольких языков Газарду не удалось уловить чувства, которые они вложили в свои слова.

И немудрено: ведь скорпионы говорили на тараканьем языке, а переводчиком был семилетний мальчик, который совсем недавно выучил тараканий язык, а сам говорил на смеси подземного и наземного английского. А при переводе, как известно, многое теряется.

Грегор тихо радовался, что им удалось остаться в живых. И что, похоже, им даже доверяют. Восторги Босоножки по поводу скорпионных детей возымели неожиданный эффект: скорпионы теперь хотели помочь им в борьбе против крыс.

— Знаешь, кому бы все это понравилось? — обратился он к Люксе, когда они взлетели и направились вдоль по туннелю. — Твоему деду.

— О да, — согласилась девочка. — Викус предпочитает мирные соглашения. Как и я. Но я также считаю, что в некоторых опасных ситуациях он слишком доверяет другим. Вспомни-ка наш визит к прядущим. Чем он кончился? Мы оказались пленниками.

— Но они ведь нас не убили, — возразил Грегор.

— Вообще-то меня почти убили! — воскликнула она.

— Ну, это потому, что мы попытались бежать, — напомнил он.

— А потом пришел Грызер со своей армией и устроил побоище паукам за то, что те упустили нас, и тогда они решили к нам все-таки присоединиться.

— Да. А может, этого бы не произошло, если бы они не доверяли Викусу.

— Может быть. А может, и нет, — сказала Люкса.

— Я просто хочу сказать, что это здорово — когда никто никого не убивает, — резюмировал Грегор.

— Это слова настоящего Воина, — усмехнулась Люкса. — Не думаю, что именно их каждый захочет услышать перед боем, — она изобразила его акцент: — По-о-омни, как здо-о-о-орово, когда никто-о-о никого-о-о не убива-а-а-ет!

Грегор рассмеялся:

— Кто знает, может, именно эти слова я и скажу перед боем.

Учитывая обстоятельства, у него было удивительно хорошее настроение.

Он был далеко от дома, окруженный врагами, кое-кто из их компании был ранен, члены его семьи серьезно больны, зубастиков увели неведомо куда, Мортос превратился в ужасного, гениального, дьявольского полководца, да еще впридачу где-то имелось тайное пророчество, в котором опять говорилось о нем, Грегоре.

А он знай себе шутил и смеялся с Люксой. Может, от облегчения, что все они остались живы. А может, по какой-то совсем другой причине...

Люкса снова привалилась к нему спиной, положив голову ему на плечо. Говард послал Грегору недовольный взгляд. Да что такое?

Пусть Говард сердится сколько хочет. Так удобнее лететь, опираясь друг на друга.

Похоже, Грегора ожидал еще один малоприятный разговор о свиданиях с королевами и прочих таких штуках. О том, что он и думать не должен о Люксе.

«Ладно, какая разница! Все равно мама отошлет меня в Наземье в ту же секунду, когда мы явимся в Регалию», — подумал он. И эта мысль не вызвала у него особой радости.

Стены и пол туннеля из темно-серых превратились в антрацитно-черные. Свет от фонарика Грегора и скипетра Босоножки отражался в них, словно в зеркалах. Когда они сделали привал возле родника, Грегор провел пальцем по поверхности под ногами: она была гладкой и даже немножко скользкой.

Люкса тоже потрогала землю:

— Как черное стекло, да?

— Я думаю, это обсидиан, — сказал Грегор.

Босоножка сразу оценила необычный пол.

— Смотри, Гре-го, я катаюсь на коньках! — закричала она и заскользила по черному гладкому полу, помахивая своим скипетром.

— Я тоже хочу попробовать! — воскликнул Газард.

Говард схватил Газарда в охапку, пока тот не успел набрать скорость:
— О нет, нет, Газард! Последнее, что нам сейчас нужно, это еще одна травма!

Люкса все смотрела в пол, не отрываясь.

— Что такое этот об... обсидиан? — спросила она Грегора.

— Этот камень встречается только вблизи вулканов. Он образуется из застывшей лавы, — пояснил он.

— Наверно, ты прав. Огненная земля славится вулканами, — промолвила Люкса.

— Действующими вулканами? — поинтересовался Грегор. — И они до сих пор извергаются?

— Почему бы нет? — удивилась Люкса. — Им отдых не нужен.

— Но они могут и бездействовать. Дремать, — сказал Грегор.

— Ох, не знаю! Никто из людей не проводил здесь достаточно времени, чтобы как следует изучить этот вопрос. Воздух здесь уж слишком неподходящий для длительных визитов, — заявила Люкса.

Неожиданно все четыре летучие мыши характерным жестом подняли головы — обычно это означало сигнал тревоги.

— Что такое, Аврора? — спросила Люкса.

— Не пойму. Какое-то существо... Оно не двигается... — Летучая мышь кивнула в ту сторону, куда направилась Босоножка.

— Не могу определить, кто это, — добавил Арес растерянно.

— Босоножка, вернись! — позвал Грегор.

Но она либо не слышала его, либо проигнорировала его призыв.

— Эй, я не шучу! — крикнул он снова, идя за ней следом.

Через десять шагов ноги у него разъехались, и он приземлился на пятую точку.

— Босоножка!

— И-и-и-и-и! — взвизгнула Босоножка, закладывая на скользком полу вираж, а потом раздался вопль «Ой!» — а вслед за этим глухой звук, будто она врезалась во что-то. Или в кого-то.

— Где она?! — разволновался Газард.

— Ой! — послышался из темноты нежный голосок. — Мы столкнулись.

Топоток сандаликов...

— А я тебя знаю! — вдруг заявила она. И потом: — Ой... ой-ой-ой... — Это последнее «ой» не было наполнено страхом или болью... скорее симпатией и сочувствием...

Грегор ринулся на ее голос и непременно упал бы снова, если бы

Говард не подхватил его сзади. Они стояли на краю довольно глубокого колодца. Обсидиановые стены колодца были абсолютно гладкими и отвесными.

— Грег-го! Грег-го!

Босоножка была внутри, она пыталась взобраться по скользким стенам, но тут же скатывалась вниз.

— Грег-го, посмотри, кто здесь! Ой!

Она прижала ладошку к губам, а потом направила скипетр в сторону существа, лежавшего на дне колодца. Оно располагалось справа от нее. Крыса, до того худая, что скорее напоминала скелет, обтянутый кожей, чем живое существо. Передние зубы были чудовищных размеров, они буквально заворачивались внутрь, придавая морде жуткое выражение и искажая ее гримасой боли.

Но Грегор увидел еще кое-что. Он увидел шрам.

— Живоглот! — выдохнул он.

Крыс с трудом перевел на него взгляд, но сказать ничего не смог.

— Не двигайся! — промолвил Грегор. — Не двигайся! Мы пришли.

ЧАСТЬ 3

Королева

ГЛАВА 19

Грегор с надеждой обернулся к Говарду — ведь если кто и мог оказать первую медицинскую помощь грамотно, так это Говард.

— Что делать, Говард?!

Но на этот раз и Говард был растерян:

— Я не знаю. Наверно, надо попытаться удалить ему эти зубы. Я никогда такого не делал и не представляю, как это делается, но если нужно...

— А ну-ка разойдитесь, дайте дорогу! — резко сказала Люкса, расталкивая их. Она шагнула без колебаний на край колодца и спустилась вниз, скользя по гладкой стене, одна нога вытянута, вторая согнута в колене, — как заправский альпинист. Приземлившись на ноги, она выхватила меч и выставила его вперед, словно собираясь атаковать.

— Стой там, Босоножка! — велела она, и малышка застыла на месте.

На какую-то долю секунды Грегор испугался, что Люкса сейчас убьет Живоглота: она ведь даже шага не сделала тогда в джунглях, чтобы помочь крысу выбраться из зыбучих песков... Но лезвие меча Люксы, вместо того чтобы вонзиться в горло крысы, с силой ударило по его чудовищным зубам, и в левой половине челюсти Живоглота с неприятным треском появилась наконец предусмотренная природой дырка. Живоглот издал полный боли стон, но в то же время слегка вытянул голову вперед, словно прося ударить еще. После второго удара Люксы, нанесенного справа, Живоглот широко раскрыл рот, хватая им воздух. Острые осколки зубов ранили его губы, он сплевывал крошки вперемешку с кровью. Но главное — его челюсти снова были свободны.

С минуту Живоглот смотрел на Люксу, потом глухо заговорил:

— Ты помнишь... там, в джунглях... ты сказала, за тобой должок...

— Да, если ты расскажешь мне историю Хэмнета, о Садах Гесперид, — кивнула Люкса.

— Считаю, что долг... ты отплатила, — прохрипел Живоглот.

— Историю за жизнь? Нет, это слишком дешево. Теперь ты у меня в долгу, — возразила Люкса.

— Ох, какой кошмар!.. Ненавижу влезать в долги... — вздохнул Живоглот.

— Уверена, что так, — усмехнулась Люкса. — Арес, ты сможешь поднять его?

Арес спустился, подцепил когтями Живоглота за плечо и вытащил из колодца, а Аврора подхватила Люксу и Босоножку.

— Воды! — первым делом попросил Живоглот.

Пока крыс утолял жажду, Говард осмотрел его и обработал раны.

— У меня есть кусок необработанного алмаза с собой, — чувствуя неловкость, предложил он. — Я им точу лезвие меча. Может, я попробую подточить им твои зубы, Живоглот?

Грегор понимал, что для Живоглота, всегда такого сильного и самостоятельного, невыносимо унижительно, если кто-то станет наблюдать, как человек подтачивает ему зубы. Поэтому он попытался создать для этой процедуры соответствующие условия: летучих мышей и Темпа он попросил наловить в ближайшем источнике рыбы, Газард и Босоножка помогали Люксе наполнять мешки водой, а Картик, одурманенный лекарствами, тихо посапывал в углу и никому не мешал.

Когда принесли рыбу, Грегор стал резать ее совсем маленькими кусочками. Потом добавил немного воды и покрошил хлеба. К тому времени как Говард закончил неприятные манипуляции с зубами Живоглота, у Грегора была готова огромная миска рыбного фарша для крыса, из которого он сделал что-то вроде фрикаделек. Босоножка вызвалась покормить его, но Грегор подумал, что это будет чересчур, и предоставил крысу класть еду в рот самостоятельно. Грегор приготовил довольно много такого фарша, и ему пришлось снова и снова подкладывать добавку, пока Живоглот не наелся.

— Хорошо. Теперь я в порядке, — заявил он, отставляя в сторону миску с несколькими оставшимися фрикадельками. Он осторожно подвигал челюстями, несколько раз открыл и закрыл рот и обратился к Говарду: — Могу я взять этот волшебный камешек?

Говард тут же протянул ему алмаз, и Живоглот покатал его во рту, а потом погрыз, как всегда это делал.

Наконец он обвел взглядом всех присутствовавших и впервые за все время поинтересовался:

— Итак, что привело этих детей-крестоносцев в Огненную землю? Я не настолько глуп и наивен, чтобы льстить себя мыслью, будто вы явились сюда в поисках моей скромной особы.

— Мы хотели устроить пикник и заблудились, — сказала Люкса.

— Знаю, я низок и недостоин, но, ваше высочество, не унижайте меня столь очевидной и неприкрытой ложью, — с укоризной произнес Живоглот. — Разве я не говорю тебе правду?

— Вообще-то ты соврал мне про «Пророчество крови». Ты сказал

тогда, что я просто появлюсь на встрече, а сам прекрасно знал, что мне придется тащиться в джунгли, — возразил Грегор.

— Не совсем так. Если отмотаешь назад, ты увидишь, что мои слова можно было интерпретировать по-разному. А ты просто взял тот смысл, который был на поверхности, — ответил крыс. — Но что касается королевы... как бы трудно мне ни приходилось — я всегда был предельно честен с ней и ожидаю того же взамен.

Люкса, поколебавшись, призналась:

— Мы ищем зубастиков. Они прислали мне мою корону, это была просьба о помощи. Колония мышей в джунглях исчезла. То же самое произошло с колонией на Источнике. И мышей с Источника, по всей видимости, погнали сюда, в Огненную землю.

— О, мой милый малыш Мортос не очень-то их любит, верно? — заметил Живоглот. — И что вы собираетесь делать, когда найдете их?

— Вызвать регалианскую армию, чтобы она меня вызволила, — просто ответила Люкса. — Я дала Смертельный обет в Царстве теней.

— Да ты что, серьезно?! — обомлел Живоглот. — Но ведь еще вчера ты была совсем малышкой, и твой дед качал тебя на коленке... И вот ты уже начинаешь войну. Да, как летит время! Как быстро растут дети!

— А ты что собираешься делать дальше? — осведомилась Люкса.

— Я в сомнениях, ваше высочество, — ответил крыс. — С одной стороны, я вроде бы должен ответить, что собираюсь найти этого поганца Мортоса и убить его самолично, а попутно разогнать серпентарий, что собрался вокруг него. Тем более что, не зная о моем чудесном спасении из этого милого колодца, Мортос и его команда уверены, что я если еще не умер, то уже точно при смерти, и мне ни за что не выбраться из этого каменного мешка... Так что мое появление будет весьма и весьма эффектным.

— Ты не мог оттуда вылезти самостоятельно? — спросил Говард.

— Нет, стены слишком скользкие — по ним не выберешься. Но самым мучительным для меня было отсутствие возможности что-либо грызть — вы видели, как выросли мои зубы. Еще немного — и они пронзили бы мне мозг. В отличие от Мортоса, у меня он есть, — сказал Живоглот.

— Это он бросил тебя в колодец? — с сочувствием произнес Грегор.

— Кто, Мортос? О, прошу тебя... Нет конечно. Его солдаты.

— Но... но как же они тебя одолели? — удивился Грегор.

— Даже у яростника есть предел возможностей, Воин. Их было слишком много. Я начал уставать где-то к четвертой сотне. — Живоглот хитро глянул на Грегора: — А вот ты, я слышал, не устоял перед тремя!

Хотя, разумеется, обстоятельства были против тебя.

— О чем это он? — поинтересовалась Люкса.

Грегор не ответил. Ему было невыносимо стыдно, что Живоглот знает о его столкновении с Умняшкой и ее приспешниками. Теперь все крысы над ним смеются!

— Лучше тебе самому рассказать ей, пока кто-то другой не сделал этого, — посоветовал Живоглот.

— Три крысы сбили меня с ног в туннеле под Регалией, — выпалил Грегор.

— А что ты и эти крысы делали в туннеле под Регалией?! — возмущенно воскликнула Люкса.

— Это я виноват, я. Слушай, я привел как-то Мортоса на урок эхолокации, чтобы Грегор посмотрел на него и помог мне его убить. К сожалению, мой перламутровый дружок ночью сбежал. Я, разумеется, отправился на его поиски, и когда Грегор пришел на следующий день на урок эхолокации — он нашел на нашем месте не меня, а трех приспешников Мортоса, — заговорил Живоглот. — И воин храбро и славно сражался с ними до тех пор... Пока не произошло что, Грегор?

— Пока они не выбили у меня из рук фонарик, — угрюмо буркнул Грегор.

— И в этот момент он вдруг понял, что все это время был категорически не прав, лентяй и халтура на уроках эхолокации, и что его учитель, Живоглот, был... был что, Грегор?

— Ты был прав, Живоглот, — пришлось признать Грегору.

— Ты был прав, Живоглот, — эхом повторил Живоглот, смакуя каждое слово. — Знаешь, это самое приятное из того, что я мог услышать из твоих уст. Остались еще рыбные фрикадельки? Я снова хочу есть.

И Живоглот сунул свой нос в миску с фрикадельками.

Грегор чувствовал, как глаза Люксы прожигают в нем две дыры.

— И когда ты собирался рассказать мне об этих ваших занятиях, встречах с Мортосом и тремя его друзьями прямо под моим дворцом?! — спросила она.

— Вообще-то никогда, — пробормотал Грегор. — Я не думал, что это важно.

— Думаю, ты относился бы к этому иначе, будь это твой дом, — заявила она.

— Викус сказал, дверь надежная, — возразил Грегор.

— А дверь была заперта, когда ты дрался с этими крысами? — осведомилась Люкса.

— Нет, — признал Грегор.

А ведь и правда — если бы ему не удалось тогда проделать этот трюк с лампой, ничто не помешало бы крысам ворваться во дворец.

— Но я же не знал, что они там! Я думал, там только Живоглот и Мортос!

— Они везде, Грегор, — раздался тихий голос Говарда.

Только теперь Грегор начал понимать, насколько беззаботным и безответственным он был. Говард не вспыхив, как Люкса, и если он говорит об опасности — значит, опасность была реальной.

— Я всегда оставлял дверь открытой во время наших занятий, — растерянно сказал Грегор. — Викус и не велел мне ее закрывать.

— Потому что знал, что с тобой я, а я не допущу, чтобы кто-нибудь проник во дворец. Оставьте его в покое! Обвиняйте меня, обвиняйте Викуса наконец — если очень нужно найти виноватого, — сказал Живоглот.

— Я обвиняю вас всех! — воскликнула Люкса.

— Твое право. Но это не было подстроено, это случайность, — пожал плечами Живоглот.

— Это не твой город!

— Он вскоре перестанет быть и вашим, ваше высочество, если такие негодяи, как мы с Воином, вдруг откажемся его защищать! — прорычал Живоглот. — Вы, может, забыли о пророчествах?

— Ваша защита ничего не гарантирует, или, может, ты забыл о пророчествах? — ответила она. — И то, что я вытащила тебя из этого дурацкого колодца, совсем не значит, что я считаю тебя такой уж великой драгоценностью!

— Прекратите! — Говард вскочил на ноги. — Вы пугаете детей. И так вы не добьетесь ничего, даже если перегрызете друг другу глотки.

Грегор оглянулся. Говард был прав. Газард и Босоножка стояли, взявшись за руки, возле Темпа, и лица у них были встревоженные и испуганные. Крылья летучих мышей трепетали от волнения. Даже Картик постанывал и беспокоился во сне.

— А ты кто такой? — уставился Живоглот на Говарда.

Грегор решил, что Живоглот придуривается.

— Живоглот, хватит! Ты же знаешь, кто он такой.

— Да не знаю я! — стоял на своем Живоглот.

— Ну вот! Его зовут Говард, он кузен Люксы, его отец правит Источником, — устало промолвил Грегор.

— Ладно. Все, что я могу пока сказать, это то, что ваш Говард неплохо

соображает, — ответил Живоглот. — И говорит правильные вещи. Драка нам ничего не даст, ваше высочество. У нас слишком много дел, если мы хотим помочь твоим друзьям.

— Твоя помощь мне не нужна, Живоглот, — огрызнулась Люкса.

— То есть, я так понимаю, ты собираешься справиться с армией Мортоса в одиночку? — уточнил Живоглот.

— Армия Регалии будет здесь через несколько дней. И мы освободим зубастиков, — отрезала она.

— Через несколько дней, девочка, уже некого будет спасать, — тихо произнес Живоглот.

ГЛАВА 20

Эти слова моментально сбили с Люксы спесь.

— Что ты имеешь в виду? — испуганно спросила она.

— А как ты думаешь, что собирается делать Мортос? — ответил он ей вопросом на вопрос.

— Мы слышали его речь. Он сказал, что загонит зубастиков туда, откуда еще никто не возвращался, — вмешался Говард.

— А он не уточнил, где это конкретно? — настаивал Живоглот.

— Где-нибудь за пределами Подземья? — неуверенно предположил Грегор.

— В Незведанных землях, — добавила Люкса.

— Но ведь зубастики вполне могут вернуться из Незведанных земель обратно — по своим собственным следам, — возразил Живоглот. — Дорогие мои, есть только одно место, откуда еще никто не возвращался.

И крыс замолчал, ожидая, что они и сами догадаются.

— Он говорил о смерти! — прошептала Люкса.

— Это же очевидно, — кивнул Живоглот.

— Ты говоришь, он собирается убить их? Всех? — спросил Говард.

— Такова главная идея, да, — подтвердил Живоглот.

— Но ведь зубастиков тысячи. Их можно гнать с места на место — но они никогда не сдаются без боя, если им угрожает опасность, — сказал Говард. — Как же крысы собираются их всех уничтожить?

— Теперь послушайте меня, — заговорил Живоглот. — Зубастики действительно хорошие бойцы, когда идет открытый бой, лицом к лицу. Их гораздо больше, чем крыс, думаю — десять к одному. И хотя битва была бы кровавой, а их потери в этой битве были бы неисчислимы — все же они вполне могли одолеть Мортоса, если бы до этого дошло. Поэтому крысам нужно, чтобы зубастики верили, что это просто очередное переселение. Что если они не будут ему сопротивляться — останутся в живых. Но можете не сомневаться, Мортос не оставит ни единого зубастика, им всем придет конец.

— Я это говорил! — раздался хриплый голос. — Я говорил им!

Все повернулись к Картику. Он перевернулся на живот и попытался приподняться на передних лапках.

Говард бросился к нему:

— Тихо, тихо. Я сейчас дам тебе успокоительное.

Он потянулся к зеленой бутылке с лекарством и открыл крышку.

— Мы должны сражаться! Это другое! Не то, что было раньше! Грызунам не нужна земля на Источнике — люди все равно не позволят им жить там, — говорил Картик.

— Говард, подожди, — остановила Люкса Говарда, который уже готов был влить в рот Картику лекарство. — Дай ему сказать.

— Он думает, что он все еще на Источнике! — шепнула Найк.

— Да, — кивнула Люкса и позвала: — Картик, Картик! Это королева Люкса из Регалии!

— О, славная королева. Хорошая королева. — Картик чуть успокоился при звуках ее голоса. — Скажите им: «Сражайтесь! Сражайтесь за Источник!»

— Я скажу, обязательно, — поглаживала Люкса его спину.

— Я им говорил, но мало кто хотел меня слушать. Они поверили грызунам, поверили, что их просто снова уведут в другое место, — причитал Картик. — Не верьте! Не верьте им!

— Нет, я не верю им, — успокаивала его Люкса. — Я верю тебе.

— Зачем крысам земля у Источника? Ведь вы, люди, не отдадите им ее, — продолжал он.

— А зачем им земля в джунглях? — вмешался Живоглот. — Ни одна крыса ни за что не станет там жить.

— Я это говорил! — снова закричал Картик. Глаза его приоткрылись, и блуждающий взгляд вдруг зацепился за Живоглота. Бедный зубастик ощерился и снова начал кричать: — Где остальные? Где все остальные?

Он даже попытался броситься в атаку, приволакивая сломанную лапку.

— Где остальные? Где все остальные?

— Вот сейчас самое подходящее время, чтобы дать ему лекарство, — негромко посоветовал Живоглот.

— Где все остальные-ы-ы-ые?! — визжал зубастик.

Говард быстро влил лекарство в рот раненому, пока тот не потерял над собой контроль, и через несколько минут зубастик затих.

Слова Картика будто открыли Грегору глаза — теперь он четко понимал, что происходило внутри мышинных колоний: он видел вторгшихся крыс... видел, как зубастики спорят, что делать — сражаться или подчиниться... и как Картик проигрывает этот спор.

Грегор даже подумал, что именно Картик начертил тот тайный знак на стене пещеры.

— Итак, вы можете поверить мне и этому несчастному зубастик — или можете и дальше продолжать утешаться мыслью, что зубастиков

просто ведут на новое, чудесное и комфортабельное место проживания, — заключил Живоглот.

Грегор вспомнил корзину с мышатами... раздавленные тела, сброшенные с утеса... речь Мортоса.

— Я не могу вам не верить, — сказал он. — Мы должны найти зубастиков и освободить их. Ты можешь передвигаться? — обратился он к Живоглоту.

— Да. Я слегка засиделся, но стоит мне пройти пару километров — и я снова буду в форме, — заявил крыс.

— Я не согласна, чтобы ты шел с нами! — резко сказала Люкса.

— Ну так летите вперед, ваше высочество, — ответил Живоглот. — Ты будешь очень скучать по мне, когда достигнешь цели.

Глаза Люксы превратились в щелки — она соображала, как ей поступить.

— Иногда лучше чуть согнуться, чем сломаться, кузина, — негромко произнес Говард. — Он действительно нам нужен. Дай ему выплатить тебе долг.

— Да, дай мне стать одним из вас, — попросил Живоглот.

— Я не потерплю от него приказов, — отрезала наконец Люкса. — Ты будешь слушать меня.

Живоглот пожал плечами:

— Чудненько. Я уже наотдавался приказов. У тебя есть план. Но если вдруг ты захочешь услышать мой совет — не стесняйся.

— Что ж, тогда вперед, — сказала Люкса. — К крысам.

Они забрались на летучих мышей и взлетели, а Живоглот бежал вниз. Надо сказать, у него была неплохая скорость — учитывая, что он просидел в колодце без еды, воды и движения несколько недель.

Грегор с беспокойством думал о зубастиках.

Как крысы намереваются убивать их? Может, сбросить всех с высокого утеса, как тех несчастных, в Царстве теней? Утопить? Он не очень-то представлял себе, умеют ли зубастики плавать. Заморить голодом? В Подземье, похоже, это популярный метод расправы с врагами... А может, заразить их всех смертельной болезнью?

Через полчаса Грегор взглянул вниз и понял, что Живоглоту нужна передышка: крыс бежал уже с трудом, тяжело дыша.

Мальчик знал, что гордость не позволит Живоглоту просить об остановке.

— Живоглот не выдержит так долго, — сказал он Люксе.

— Ничего, справится, — отрезала она.

— У него будет инфаркт или что-нибудь вроде того, — настаивал Грегор.

— Не стоит волноваться о Живоглоте, — только и услышал он в ответ.

— Ты что, хочешь загнать его до смерти? — спросил он.

Люкса перегнулась через крыло Авроры и посмотрела, как Живоглот отчаянно старается не отстать. Потом приняла прежнюю позу:

— Он слишком худой, чтобы умереть.

— Да что с тобой такое, Люкса!

Грегор вдруг понял, что с него хватит.

— Так, стоп! — заорал он. — Всем спуститься на землю!

— Ты не можешь приказывать мне! — взвилась Люкса.

— Так же, как и ты — мне! — ответил он резко.

Спрыгнув еще в полете с Авроры, он подбежал к опускающемуся на землю Аресу, на котором громоздились Талия и Темп.

— Талия, ты сможешь лететь сама?

— Да, если мы не полетим слишком быстро, — ответила юная летучая мышь.

— Арес, ты сможешь нести Живоглота?

Арес был единственным, кому это было под силу.

— Я постараюсь, — кивнул Арес.

— Нет, Арес, ты не понесешь этого крыса! — вмешалась Люкса.

— Понесет, — отрубил Грегор. — Талия, ты подхватишь Темпа.

— О, — прищурилась Люкса, — так у нас теперь тут ты командуешь?

Ты главный, да?

— Почему обязательно кто-то должен быть главным?! Все было хорошо, пока ты не объявила войну и не начала командовать всеми налево и направо! — крикнул он.

— О, я думаю, все началось гораздо раньше, — заметил Живоглот, тяжело забираясь на спину Ареса. — Она и маленькой девочкой была очень упрямой.

— Я просто пытаюсь помочь зубастикам! — нахмурилась Люкса.

— Да ты что, правда? Что ж, лучшее средство им помочь — это уморить Живоглота! — съязвил Грегор. Люкса открыла было рот, чтобы ответить, но Грегор не дал ей такой возможности: — И знаешь, мне плевать, что ты злишься, Люкса! Злись сколько хочешь! Не разговаривай. Какая разница — ты и так девяносто процентов времени за что-то злишься на меня. Я даже не понимаю, за что. А с какой, собственно, стати? Я даже не живу здесь! Я просто прихожу в гости. И все, что здесь делаю, — пытаюсь помочь тебе, причем по доброй воле. Я тебе ничего не должен,

Люкса. И когда мы вернемся в Регалию и меня отошлют домой, давай просто забудем о существовании друг друга. Согласна?

Последнее слово эхом разнеслось по туннелю. Эта вспышка удивила и самого Грегора.

Пожалуй, это было немного слишком. Откуда столько экспрессии? Может, его яростничество выплеснулось сейчас в этой тираде? Зачем он это сказал? И что он, собственно, сказал? Он толком и не помнил, но по выражению глаз Люксы видел, что ему удалось задеть ее за живое.

— Гре-го слишком громкий. — Босоножка прижалась к Люксе и взяла ее за руку, защищая. — Тс-с-с, Гре-го.

Все смотрели на него в ожидании.

— Я просто уверен, что так будет быстрее, — сказал он сердито.

— Прекрасно, — ответила Люкса и снова заняла свое место на спине Авроры. Босоножка торопливо вскарабкалась и села за ней.

Говард тронул Грегора за плечо:

— Может, лучше я полечу с...

— О'кей, я полечу на Найк, — бросил Грегор. — Не волнуйся, я присмотрю за Картиком.

Карабкаясь на Найк, он поймал внимательный взгляд Живоглота.

— Что?

— Да ничего, — невинно ответил крыс, но Грегор заметил, как он глубоко потянул воздух своим чувствительным носом, словно принюхиваясь к чему-то.

Теперь они летели значительно быстрее. Грегор старался оправдать свой срыв этой мыслью, но получалось довольно плохо.

В лицо ему дул легкий ветер. Не тот, к которому он уже привык и который всегда возникал во время быстрого полета на летучих мышках. Сейчас воздух был теплым, пожалуй даже горячим, и довольно ощутимо пахивал серой. Какие-то соринки или пылинки все время попадали в глаза, и глаза слезились.

Но что из сказанного им так расстроило Люксу? Явно не сам факт спора — они ведь постоянно спорили и ссорились.

Он стал вспоминать свои слова. Что-то о зубастиках. О Живоглоте. «Злись сколько хочешь». Что еще-то? «И забудем о существовании друг друга». Вот это последнее.

Он представил себе, что это Люкса говорит ему такие слова, — и понял, что это действительно звучит ужасно.

Разве может он забыть весь последний год? Забыть, что они сделали друг для друга.

Без Люксы его убили бы в первую же ночь его пребывания в Подземье. Без нее он никогда бы не смог вернуть домой отца, а Босоножка погибла бы в крысином Лабиринте.

И он много делал для Люксы, это правда. Много хорошего. Много такого, чем мог гордиться. Спас ее от пауков, помог найти средство от чумы. И сейчас он тут кувыркается в поисках зубастиков, помогая ей, разве не так?

К счастью или на беду, жизни их тесно переплелись между собой с того самого момента, как они увидели друг друга. И он вовсе не хотел забывать о ее существовании.

— Найк, ты можешь догнать Люксу? — спросил он летучую мышь. — Мне нужно ей кое-что сказать.

Мысленно Грегор репетировал, что он скажет — слова извинения. «Прости меня» — вот неплохое начало. Прости меня, я не хотел.

Найк поравнялась с Авророй. Газард спал, положив голову на колени Люксы. Говард сидел к ней спиной, держа на руках Босоножку.

Люкса в ожидании уставилась на Грегора. Он сглотнул и подался вперед, чтобы не кричать:

— Слушай... я хотел сказать... я...

И в этот момент их завертело воздушным потоком.

ГЛАВА 21

Первый порыв отбросил Найк назад и вверх, так что Грегор и Картик впечатались в самый потолок пещеры. Хорошо, что Грегор в этот момент наклонился над шеей Найк: рюкзак на его спине смягчил удар о камень, хотя при этом фонарик и бинокль ощутимо впечатались ему в спину. Лицом его вдавило в затылок Найк, и он с трудом смог повернуть голову, чтобы глотнуть воздуха.

Найк изо всех сил пыталась противостоять воздушному потоку, но тот вдруг ослаб.

Они резко опустились на несколько футов вниз — и попали в следующий поток, который с силой отбросил их назад. Крылья Найк сложились и вытянулись вдоль туловища, и они, словно пуля, выпущенная из ружья, пролетели несколько сотен метров в туннеле и оказались на открытом пространстве.

Здесь ветры бушевали везде. Их были десятки. Отдельные потоки можно было видеть: они были такими же, как тот, что принес когда-то Грегора из прачечной, напоминали туманные облака и светились странным, призрачным светом.

Грегор ощутил себя маленькой лодочкой, затерянной в шторм в океане. Причем без руля и ветрил — без всякой надежды на то, чтобы взять управление в свои руки.

Хорошо хоть фонарик надежно прикреплен к рукаву. Посветив вокруг, Грегор увидел остальных: они выглядели так же беспомощно, как и он сам.

На какое-то мгновение его охватила паника — он обнаружил, что пол пещеры где-то далеко внизу. Но потом он понял, что не упадет — не может упасть. И остальные тоже. Воздушные потоки удерживали их наверху, и они кружились в них, словно осенние листья.

Грегор вытянул руку с фонариком вперед, желая проверить силу ветра.

Сильная встречная волна воздуха отбросила его, и он поспешил убраться руку.

Мимо него проплыл Живоглот, с растопыренными лапами, похожий на здоровенную белку. Крыс что-то кричал, но Грегор не мог разобрать слов в свисте и реве воздушных потоков. Через несколько минут, врезавшись в Говарда и убедившись, что Босоножка, хоть и удивлена происходящим, но не напугана, Грегор снова увидел Живоглота, парившего в воздухе все в той же позе. На этот раз он смог разобрать, что кричал крыс: «Перестань

сопротивляться!»

Перестать сопротивляться? Грегор прислушался к себе и обнаружил, что каждый мускул его тела до предела напряжен, и каждая мышца дрожит от напряжения — да, так и есть, он действительно сопротивляется. Пытается контролировать руки и ноги.

«Перестать сопротивляться, — подумал он. — Расслабиться. Просто расслабиться!»

Почему бы не попытаться? Но это оказалось не так-то легко! Каждая новая волна воздуха заставляла его вновь сжиматься и напрягаться.

«Расслабься! — приказал он себе. — Ты не должен сопротивляться. Слушай Живоглота!»

Грегор закинул руки за голову и вытянулся. И вдруг почувствовал, что ветер больше на него не нападает. Теперь он его... баюкал.

Конечно, Грегор тут же вновь напрягся, но быстро подавил в себе это движение. «Расслабься!» — вновь приказал он себе, и вскоре уже просто лежал в воздухе, без всяких усилий и напряжения.

Теперь он все понял. Если не сопротивляться потокам, на них можно кататься!

Его затопило радостное осознание чуда:

— Я лечу!

С минуту он пытался приспособиться к своей новой способности. Это совсем не то, что летать на летучих мышах, где он был просто пассажиром. Грегор парил в небе — ну ладно, не в небе! — парил в воздухе словно супергерой. Это ощущение безграничной свободы было потрясающим. Теперь он знал: будь у него крылья — он бы не боялся в Подземье никого и ничего!

Он сделал кувырок и попытался оседлать Живоглота. У него не совсем получилось, он соскользнул со спины крыса, но зато удалось схватить Живоглота за хвост и дернуть.

— Развлекаешься? — прокричал Живоглот сквозь рев воздушных потоков. — Не забудь пересчитать своих дружков!

Пристыженный, что так увлекся самим собой, Грегор посветил вокруг фонариком.

Позади он увидел Люксу, которая замечательно справлялась с потоками: она даже могла прыгать по облакам! Когда она перепрыгивала с одного облака на другое, Грегор заметил, что на спине у нее сидит Босоножка, обняв Люксу руками и ногами. Темп важно плыл по воздуху, а на спине у него был Газард, который держался за панцирь. Говарда слегка кидало из стороны в сторону, потому что он все время оглядывался на

летучих мышей.

А вот летучим мышам приходилось несладко. Длинные, сильные, прекрасные крылья совсем им не помогали, а напротив, мешали. Из-за крыльев получалось, что мыши одновременно находились в разных воздушных потоках. Привыкшие к обычным потокам, они все не отказывались от попыток управлять полетом. Крылья слегка распахивались, и тогда они начинали кружиться, словно флюгеры. Хуже всех приходилось Аресу — он был самым крупным и тяжелым.

— Арес! — закричал Грегор.

Он отпустил хвост Живоглота, но крыс тут же повернулся и схватил его своей когтистой лапой за рюкзак.

— Каков твой план? — спросил Живоглот.

Плана у Грегора не было. Он просто повиновался импульсу — и собирался помочь своему побратиму.

— Не знаю! Я не знаю!

— Нам нужно приземлиться! — прокричал Живоглот. — Готовься!

— Хорошо! — ответил Грегор, хотя и не представлял себе, что имел в виду Живоглот.

Тот поплыл, маневрируя между потоками, вперед, подальше от эпицентра воздушного шторма, и Грегор, которого он тащил за собой, завертел головой, стараясь понять, куда они двигаются. Оказалось, что они довольно стремительно приближались к одной из каменных стен пещеры.

— Нет! — крикнул он, когда ему показалось, что сейчас они неминуемо впечатаются в камень, и попытался вырваться.

Но в последний момент Живоглот успел перепрыгнуть на другой воздушный поток, и Грегор вдруг обнаружил себя на полу, целого и невредимого.

— Чуть больше доверия, прошу тебя! — попросил Живоглот сердито.

— Прости, — виновато улыбнулся Грегор.

Он сел, потирая ушибленный о каменный пол локоть. И смотрел, как летают его друзья.

— И что теперь?

— Нужно найти какой-то способ приволочь их сюда. У тебя случайно нет с собой ничего вроде каната или веревки? — спросил Живоглот, тыча в сторону рюкзака.

— Нет, — ответил Грегор.

— Ну и ладно, — кивнул Живоглот. — Думаю, хватит моего хвоста.

Живоглот расположился задом к краю пещеры, вцепился когтями в пол и отправил свой длиннющий хвост болтаться в воздушных потоках.

— Что это мы такое делаем? — осведомился Грегор.

— Ждем, — просто ответил Живоглот. — Не волнуйся, они разберутся.

Грегор сделал фонариком восьмерку, чтобы привлечь внимание. Живоглот был прав: через несколько минут Люкса, перепрыгивая с потока на поток, приблизилась к хвосту и ухватила за него. Крыс немедленно доставил ее в пещеру, и Грегор снял с ее спины Босоножку.

— Эй, что это тут происходит? — спросил он сестренку.

— Люкса летучая мышка. Я катаюсь, — сообщила малышка. — И исё я летала.

— Ты отлично поработала, — сказал Грегор. — А теперь нам надо вытащить остальных.

— Я могу помочь! — воскликнула Босоножка и побежала к выходу из пещеры.

Она уже поднималась в воздух, когда он схватил ее и прижал к себе:

— Опа! Нет, Босоножка, для тебя у меня есть особое задание.

— Для меня? Задание? — заинтересовалась Босоножка.

Никакого задания у него, разумеется, не было. Он думал было попросить ее снова петь, но это вряд ли могло надолго занять ее внимание. Тогда Грегор порылся в рюкзаке в поисках какой-нибудь идеи и наткнулся на бинокль.

— Вот, — сказал он. — Ты будешь нашим разведчиком. Ты будешь смотреть в бинокль и предупреждать нас, если кто-нибудь будет улетать или прилетать.

Конечно, это была невыполнимая задача: света, шедшего от воздушных потоков от его фонарика, было бы явно недостаточно для того, чтобы увидеть в нем кого-то. Но это должно было отвлечь Босоножку и занять ее.

— Темп басой. Темп маленький. Темп басой. Темп маленький, — сразу же запела она, переворачивая бинокль и приставляя его к глазам то широкой, то узкой стороной.

— Внимание, таракан на подходе! — предупредил Живоглот.

Темп подплыл к хвосту Живоглота и уцепился за него, крыс довольно мягко опустил его на землю, и Газард сполз с панциря.

— Газард, ты в порядке? — спросил Грегор, обнимая его.

— Я-то в полном порядке. А вот летящие... — взволнованно сказал малыш.

Да, летучим мышам приходилось несладко: они все еще не могли справиться с воздушными потоками, и их носило туда-сюда, кувыркая в

воздухе, словно зонтики на ветру.

Следующим прибыл Говард, державший Картика за хвост.

— Не знаю, что делать с летучими мышами, — озабоченно сказал он. — Я пытался оседлать Найк, чтобы помочь ей, но только добавил ей проблем. Они скоро выбьются из сил.

— Нужно же что-то делать! — горячо сказала Люкса.

— Может, устроить цепочку? — предложил Грегор.

— Ага, и вы все навалитесь скопом на мой бедный хвост? — саркастически спросил Живоглот. — Я не смогу поднять и удержать вас всех, даже с помощью всех потоков.

— Но не можем же мы оставить их здесь! — воскликнула Люкса. — Я возвращаюсь!

И она уже почти вынырнула из пещеры, когда Живоглот остановил ее своим хвостом:

— Каков твой план? — спросил он.

— Я... у меня... у меня нет плана, — призналась Люкса.

— О, тогда дело плохо! — Он убрал хвост, но она не стала двигаться дальше.

— А у тебя есть план? — запальчиво спросила Люкса Живоглота.

— Возможно. Если, конечно, кое-кто спросит в более вежливой форме, — ответил Живоглот.

— Ты не мог бы поделиться со мной своим планом? — сердито спросила Люкса.

— Пожа-а-а-алуйста, — подсказал Живоглот.

— Пожалуйста, — процедила она сквозь зубы.

— Хорошо. Итак. Ты идешь к летящим — начнем с самой маленькой. Ногами зажимаешь крылья — но это потребует усилий. Тебе придется даже преодолеть их сопротивление. Я думаю, они так же не могут не лететь, как мы не можем не дышать. И верхом пригоняешь ее сюда, — объяснил Живоглот. — Главное — не дать крыльям раскрыться. Понятно?

— Понятно, — кивнула Люкса и ворвалась в потоки.

— Да, и спасибо! — крикнул ей вслед Живоглот.

Талию Люкса пригнала довольно быстро. Чтобы усмирить крылья летучей мыши, девочке пришлось применить не только ноги, но и руки — только тогда оказалось возможным направлять движение Талии в нужном направлении. А когда Талия приблизилась к хвосту Живоглота, она ухватилась за него единственным доступным ей на тот момент способом — зубами.

— Ого! — охнул Живоглот, втаскивая их в пещеру. — Ладно-ладно,

отцепись уже, маленькая вампирша.

Талия разжала зубы и рухнула без сил на пол пещеры.

— Думаю, Аврору я тоже смогу пригнать, — сказала Люкса, приходя в себя после утомительных физических упражнений. — А вот насчет остальных — сомневаюсь...

— Хочешь, я займусь Аресом? — предложил Говард.

Он был выше и сильнее, чем Грегор, и возможно, его предложение имело смысл: у него было больше шансов справиться с такой крупной летучей мышью.

— Нет. Он мой побратим. Я сам это сделаю, — ответил Грегор.

Правда, он плохо представлял себе, во что ввязался.

Добраться до Ареса оказалось не так уж трудно: Грегор просто перепрыгивал с одного потока на другой, пока не приблизился к Аресу почти вплотную. Только тогда он понял, как Арес мучился. Все его тело сопротивлялось и напрягалось, когда нетопырь пытался расслабиться и предоставить себя потокам. Он словно угодил в чудовищную ловушку, и какие-то неведомые силы заставляли его двигаться, причем двигаться он мог всего на несколько футов в любую сторону, а потом эти силы вновь возвращали его на то же место, в самый центр ловушки.

Но больше всего Грегор испугался звуков, которые издавал Арес.

Это не были слова или щелчки, которые иногда Грегор слышал от Ареса. Больше всего эти звуки были похожи на стон. Непрекращающийся, полный боли стон.

Видимо, бессмысленная и безрезультатная борьба с воздушными потоками совершенно вывела его из равновесия. Грегор еще сильнее почувствовал себя виноватым за то, что дурачился и играл, наслаждаясь полетом, в то время как Арес здесь нешуточно страдал.

Сперва он попробовал обхватить шею Ареса руками, но каждый раз, когда он почти достигал цели, одно из крыльев Ареса дергалось, ударяло и закручивало Грегора вокруг собственной оси. Это было больно и довольно опасно, потому что потом Грегору приходилось возвращаться обратно и начинать все сначала.

Живоглот был прав — летучие мыши не могли контролировать свой летательный инстинкт. Где-то на десятой попытке Грегору наконец удалось обойти дергавшиеся крылья и схватиться руками за шею Ареса. Туловище его нелепо болталось в воздухе. Из такого положения он не мог ногами прижать трепещущие крылья. Он знал, что Арес не хочет сбросить его с себя, но выглядело все так, будто именно это он и пытался сделать.

— Перестань сопротивляться! — крикнул он летучей мышью, как

совсем недавно крикнул ему Живоглот.

Но Грегор даже не был уверен, что Арес его услышал: стоны продолжались, и никакой перемены в поведении летуна заметно не было.

— Перестань сопротивляться! Просто расслабься! — кричал Грегор. Снова никакого результата.

Грегор не знал, на сколько ему хватит сил. Сколько он сможет вот так болтаться в воздухе. Но тут очень кстати подвернулся воздушный поток, который забросил Грегора на спину Ареса и прижал крылья Ареса к туловищу. Грегор воспользовался моментом и принял необходимую позу.

— Это я, Грегор! — крикнул он прямо в ухо летуну.

Стоны прекратились. Арес, видимо, впервые наконец почувствовал присутствие Грегора.

— Я помогу! Не расправляй крылья! Только не расправляй крылья, Арес!

Теперь Грегор чувствовал, как Арес преодолевал себя и свои инстинкты, пытаясь удержать крылья сложенными в новом воздушном потоке.

— Я не могу, Наземный... не могу...

— Нет, можешь! Просто держи их сложенными! А я буду управлять полетом! Хорошо? — снова крикнул Грегор.

— Хорошо... — послышался слабый отклик. — Не бросай меня!

Продвигались они медленно — Грегор был не таким уж уверенным пилотом, направлять летучую мышь в нужное место в лабиринте воздушных потоков он не учился. И при этом ему еще приходилось говорить не останавливаясь, убеждая летуна не расправлять крылья. Как только он замолкал хоть на мгновение — Арес тут же начинал стонать.

Грегор уже думал, что они практически у цели, им оставалось лишь повернуть еще раз — и выход окажется прямо перед ними, но в этот момент сильный воздушный вихрь отнес их в сторону. Ноги Грегора начинали дрожать от напряжения — удерживать крылья Ареса в сложенном положении было трудно.

Грегору нужна была помощь, но он даже не мог вернуться за ней: Ареса нельзя было оставлять одного — ведь он обещал, что его не бросит.

Он обнаружил, что уже никуда Ареса не направляет и они не движутся к выходу, а просто болтаются в воздухе. Все его силы теперь уходили на то, чтобы удержаться. Может, потоки сами вынесут их куда надо, а там остальные увидят и помогут...

Кто-то уселся позади него. Грегор от облегчения чуть не расплакался, но тут же вспомнил, что отвечает не только за себя, и сосредоточил все

свои силы на том, чтобы удерживать крылья Ареса. Он приник головой к летучей мыши, закрыл глаза и говорил, говорил, говорил с летуном до тех пор, пока они не оказались на полу пещеры.

Грегор разжал ноги и обернулся. За ним на Аресе сидели Говард и Люкса.

— Мы только вдвоем смогли справиться с Найк, — сказал Говард. — И подумали, что тебе не помешает наша помощь.

— Не помешает, это точно. Спасибо, — слабо улыбнулся Грегор.

Он глянул на Люксу, вспомнив, как собирался ей что-то сказать перед тем, как они попали в эти чертовы воздушные потоки.

Живоглот носом стал отталкивать их от Ареса:

— Прочь. Прочь. Дайте ему дышать.

Грегор скатился со спины летуна и встал на ноги. Все четыре летучие мыши лежали на полу без движения, слишком измученные, чтобы подняться.

— Что ж, конец полетам, — с сожалением произнес Живоглот. — Им понадобится много часов, чтобы хоть немножко прийти в себя.

— Мне кажется, им поможет, если их подвесить вверх ногами, — подал голос Говард, поглаживая Найк.

— Тут есть подходящий выступ, — указал Газард.

— Молодец, Газард. Умница! — похвалил Говард. — Давайте-ка посмотрим, сможем ли мы подтащить туда Талию.

Грегор не понимал, зачем они это делают, но все же он помог Говарду перевернуть Талию вниз головой и подвесить ее на каменном уступе. Когти моментально вцепились в камень, и она повисла, заметно расслабившись. В путешествиях летучие мыши обычно спали, сбившись в кучку и вверх головой, но, конечно, по-настоящему они могут отдыхать, только повиснув вверх ногами.

Одну за другой Говард и Грегор подтаскивали летучих мышей к уступу и подвешивали их вниз головой. Летуны едва могли шевельнуть когтями, чтобы зацепиться за камень.

Никто из них не сказал ни слова, но выглядели они теперь явно более спокойными.

— Отдыхайте, — сказал им Говард. — Все хорошо. Отдыхайте.

Все собрались рядом с летучими мышами, подальше от проклятых воздушных потоков.

Темп обнаружил какие-то съедобные грибы, и они собирали эти грибы со стен пещеры и ели их прямо так, сырыми, не заморачиваясь готовкой. Потом все по очереди подошли к кожаному мешку с водой.

— Спать, все вы, спать идут, — заявил Темп. — Смотреть, буду я, буду смотреть.

Поскольку никакой явной опасности поблизости не наблюдалось, все с радостью приняли его предложение.

Через некоторое время Грегор вдруг проснулся от какого-то невнятного шума. Все спали, и было тихо. Он осмотрелся и увидел Темпа, который мирно нес свою вахту у входа в пещеру. Грегор перевернулся на другой бок, положил голову на небольшой камень — и снова услышал странный звук. Треск вперемешку с чем-то вроде бульканья.

Он поднялся и нашел в темноте Живоглота:

— Я слышал странные звуки. Как будто треск, — сказал Грегор.

— Я знаю. Ничего страшного. Иди спать, — ответил крыс.

Чувствуя себя в полной безопасности под охраной Живоглота, Грегор с удовольствием сделал, что ему велели.

А через несколько часов Говард потряс его за плечо:

— Грегор, воздушные потоки усиливаются. Нам нужно двигаться вперед, пока они снова не захватили нас врасплох.

Грегор чувствовал себя совершенно разбитым, у него болели все мышцы, он едва смог встать на ноги. А каково было бедным летучим мышам, он даже боялся себе представить. Они уже приняли обычное положение и потихоньку объедали со стен грибы.

Грегор подошел к Аресу:

— Как ты? Пришел в себя?

— Да, — ответил нетопырь, но голос его звучал довольно слабо.

— Уж лучше никогда не попадать в эти воздушные потоки, — сказала Найк.

— Это было ужасно! — поддержала ее Аврора.

А Талия вдруг принялась безудержно рыдать — так на нее подействовали воспоминания о происшедшем. Глотая слезы, она забилась под крыло Найк.

— Эй, Талия, у меня есть кое-что для тебя! — позвал Грегор. — Как ты думаешь, что говорит одна стена другой?

— Я не зна-а-а-аю, — всхлипнула Талия из-под крыла Найк.

— Она говорит: встретимся на углу, — объявил Грегор.

Несколько секунд понадобилось, чтобы до Талии дошла шутка, и тогда рыдания стали перемежаться хихиканьем, и в конце концов она расхохоталась. Не так громко и заливисто, как обычно, — но все-таки она смеялась, и смех ее был все таким же заразительным. Остальные летучие мыши разублались — не столько от шутки, сколько от облегчения.

Надо было выдвигаться. Ведь где-то зубастики находились на краю гибели, и время работало не на них. Конечно, летучие мыши не восстановились еще в полной мере, но тут уж ничего поделать было нельзя.

— А у нас есть хоть какое-то представление о том, куда именно крысы гонят мышей? — спросил Грегор.

— Я уверен, если мы пройдем в том направлении, в результате мы выйдем на дорогу, по которой крысы их гнали, — ответил Живоглот.

— Нужно по возможности избегать открытого пространства. Держитесь поближе к стенам, — велела Люкса. — Но особенно будьте осторожны, почувствовав хоть малейшее дуновение — воздушные потоки в основном в центре пещеры, но мало ли что.

— Вот это отличный план, ваше высочество, — одобрил Живоглот. — Удивительно, как он пришел вам в голову.

Люкса была слишком уставшей для того, чтобы ответить, — у нее хватило сил лишь на то, чтобы послать ему негодующий взгляд.

Они полетели, держась вплотную к стене. Грегор все ждал, что пещера закончится или хотя бы начнет раздваиваться, но она все тянулась и тянулась. Это была, пожалуй, самая длинная пещера из всех, какие он видел в Подземье. И вообще — самое обширное пространство, если не считать Водного пути.

Первый вулкан он увидел примерно через час. Извержения не было, только легкий дымок курился над его жерлом. Потом показались другие вулканы. Из некоторых даже вытекала лава, но не бурным потоком. Ни один из них не извергался по-настоящему, они просто портили воздух, делая его горячим, тяжелым и наполняя его пеплом.

Неожиданно воздушные потоки усилились, и путники поскорее нырнули в укрытие, чтобы спрятаться и переждать, пока ветер не утихнет и не появится возможность лететь безопасно.

Этот новый воздушный шторм слегка разогнал плотный горячий воздух и сделал его более пригодным для дыхания. Но и в укрытии тоже был ветер. После очередной неудачной попытки приземлиться Грегор подумал, что, пожалуй, летучие мыши уже на пределе. Это был далеко не легкий бриз, и бороться с ним было невозможно.

Живоглот велел было всем лечь на пол, но потом вдруг вспомнил, что ему не позволено отдавать приказы.

— О, прошу прощения, — сказал он Люксе. — Просто старая привычка.

— Делайте, что он говорит, — буркнула она.

И сама легла на пол, поползла и укрылась за небольшим каменным

выступом. Грегор тоже опустился на живот и ползком добрался туда же, где собралась их дружная компания.

Его глазам открылось величественное зрелище. Это был вулкан. От его кратера исходило золотистое сияние. И вдруг все услышали голос Картика, который прошептал:

— Остальные... вот остальные...

ГЛАВА 22

Грегор напряг глаза, вглядываясь в серую дымку из пепла и пыли, и наконец увидел зубастиков. Они шли там, внизу, друг за другом, по длинной дороге, которая начиналась у выхода из какого-то туннеля и вела в огромную впадину у основания вулкана. С одной стороны от этой дороги высился утес, с другой обзор закрывали каменные стены, поэтому мыши не видели колодца, к которому шли. Они не видели конечного пункта назначения. Только оказавшись на самом дне колодца, они наконец понимали, куда их загнали крысы.

Зубастики, уже упавшие в колодец, метались и пронзительно кричали, пытаясь предупредить об опасности тех, кто шел следом. Грегор видел, как тревога распространилась по толпе зубастиков, как многие пытались повернуть назад, а кто-то даже прыгал через спины своих сородичей, чтобы вернуться обратно, к выходу из туннеля... Но все было напрасно: они снова попадали в лапы крысам. А потом зубастики отчаянно завизжали, потому что из туннеля выкатился огромный валун и заблокировал выход. Обратной дороги не было!

— Вперед! — крикнула Люкса, вскакивая на ноги. — Пошли!

— И что же дальше? Что ты намерена сделать? — встал у нее на пути Живоглот. — Вы, все вы, хватит уже сломя голову лететь навстречу опасности! Включайте мозги! Это ведь не соревнования, кто быстрее сдохнет!

— Нам нужно поскорее вытащить их из колодца в безопасное место! — закричала Люкса.

— Разумеется, и кое-кого ты сможешь спасти. Но лишь немногих! А сотни и сотни останутся там, в ловушке. Ты думаешь, крысы будут стоять и смотреть, как ты их спасаешь?! Мы потеряем наше единственное преимущество — неожиданность, — ответил Живоглот.

— А что предлагаешь ты? — в отчаянии крикнула она. — Просто ждать, пока вулкан начнет извергаться, и они сгинут в огненной лаве?

— Я предлагаю тебе подумать хотя бы пару минут! — рявкнул Живоглот.

— Вэ — вулкан, — подала голос Босоножка. — И исё Валентин, — она ткнула Живоглота в бок своим скипетром: — Ты Валентин!

Живоглот вздохнул:

— Ты-то здесь зачем?!

Пронесся новый порыв ветра.

«Очень кстати, — подумал Грегор. — Еще и ветер поднялся».

Если снова будет воздушный шторм — летучие мыши лететь не смогут. Хорошо хоть ветер немного очистил воздух. Грегор впервые за многие часы смог наконец сделать нормальный, глубокий вздох.

— Смотрите, зубастики начинают действовать! — сказал Говард.

Мыши уже справились с охватившей их паникой и, видимо, начали разрабатывать и претворять в жизнь план побега. Они выстраивали сейчас нечто вроде пирамиды у стены колодца, карабкаясь на спину друг друга. Несколько мышей стояли внизу, они образовывали основание пирамиды, на их спинах выстраивался следующий ряд, потом еще один... Пирамида росла и высилась на глазах.

— Это они здорово придумали, с пирамидой, — одобрительно сказал Грегор.

— Но это не пирамида. Это Равнобедренный маневр, — подал голос Картик.

— Как это? — не понял Грегор.

— Это нельзя назвать пирамидой — у пирамиды в основании треугольник, а они выстраивают два одинаковых равносторонних треугольника с общей стороной, — объяснил Картик.

— А-а-а-а, — протянул Грегор.

Ему-то всегда казалось, что пирамидой называется любое сооружение, когда одни люди стоят на других. Но спорить с Картиком он не стал — он был не силен в этом вопросе, да и не хотелось тратить силы на пустые разговоры.

— Смотри-ка, у них есть план. И он неплохо работает, — заметил Живоглот. — Все, что им нужно, — это чтобы до них не добрались крысы, если они вдруг появятся.

— Вот этим мы и займемся, — заявила Люкса.

— Согласен. Темп, присмотри за щенками. Остальные — взлетаем! — приказал Живоглот.

Грегор уже оседлал было Ареса, но Живоглот остановил его:

— Нет, Арес мне понадобится самому. Ты садись с кем-нибудь еще и жди, пока он доставит меня на место.

— Сюда, Грегор! — позвал Говард и протянул руку, помогая ему усесться на Найк.

— Нужно подождать, пока валун начнет отваливаться. У нас тогда останется достаточно времени, чтобы в случае опасности успеть прийти на помощь, и в то же время мы не обнаружим себя перед крысами раньше

времени, — сказала Люкса.

— Хорошо. Очень хорошо! Вот что значит — немножко подумать, — одобрил Живоглот. — Всем ждать, как она сказала.

И они остались на месте наблюдать, готовые в любую секунду взлететь.

Мышиная пирамида поравнялась с краем колодца. Они вот-вот смогут выбраться на свободу. И валун не шевелится.

— Если начнет извергаться лава — сначала ведь что-то произойдет? Да? Мы поймем, что это начинается? — с тревогой спросил Грегор.

— Обычно бывает треск, ну, какие-то звуки, я уверен, — ответил Живоглот. — Хотя, честно говоря, мне с этим сталкиваться не приходилось.

Первые зубастики добрались до края колодца — план побега сработал!

— А может, крысы и не вернуться, — задумчиво сказал Грегор. — Может, они даже вообразить не могут, что мыши способны сбежать.

Теперь зубастики спасали своих мышат: когда первые пятеро перелезли через край колодца, двое взрослых особей побежали с ними прочь. Крыс не было. Никто не преследовал беглецов.

Несколько минут прошло в молчании, потом Люкса произнесла:

— Что-то тут не так. Почему крысы позволили им сбежать?

— Действительно странно, — нахмурился Живоглот. — Разве что... Возможно, крысы знают, что им не стоит себя утруждать: кто-то или что-то сделает за них всю работу.

— Но ведь извержения нет, — возразил Грегор.

И вдруг Темп взволнованно зашевелил усиками, нервно переступая лапками по земле:

— Не лава, быть это, не лава! — прошелестел таракан.

— Что такое, Темп? Что случилось? — спросил Грегор. Он уже по опыту усвоил: если Темп волнуется — для этого есть серьезные причины.

— Не лава, быть это, не лава...

Темп пытался подобрать нужное слово, но не мог. И тогда он принялся щелкать на своем тараканьем языке.

— Что он говорит, Газард?! — обратился Грегор к мальчику.

— Не знаю. Какая-то бессмыслица. Он пытается сказать, что вулкан... он дышит, — развел руками Газард.

Босоножка надула щеки и выпустила струю воздуха в лицо Грегору.

— Вот так. Он дысит вот так. — Она снова подула ему в лицо. — Как сарик, когда сдувается.

— Зубастики! С ними что-то происходит! — воскликнул Говард.

Грегор оглянулся, ожидая увидеть, что крысы отвалили огромный

валун от входа в туннель и несутся к несчастным мышам, намереваясь их перебить. Но валун был на месте.

Он всматривался в пирамиду зубастиков. На первый взгляд с ними все было в порядке.

Но вдруг одна из мышей упала с самого верха пирамиды. Потом еще одна. А потом и вся пирамида развалилась, рассыпалась, словно кто-то невидимый ударил по ней.

Мыши одна за другой падали на дно колодца, дергаясь в судорогах. Но они не были мертвыми: на земле они продолжали дергаться и пищать.

— Что происходит? — закричал Грегор.

— Надо туда, скорее! — вопила Люкса.

— Идти нет, нет идти, идти нет! — ревел Темп.

— Взлетаем, Аврора! — скомандовала Люкса.

Аврора, которая была в таком же волнении, как и Люкса, уже расправила крылья. Но тут с поразительной скоростью, словно молния, Живоглот бросился на них, повалил Аврору на спину и придавил ее к полу всем своим телом. Люкса, оказавшаяся прижатой к полу плечом Авроры, истошно кричала, требуя немедленно их отпустить, но Живоглот не обращал на ее крики никакого внимания.

Грегор открыл рюкзак, вытряхнул содержимое на пол и схватился за бинокль.

Он направил бинокль на зубастиков — и сердце у него остановилось.

— Что ты видишь, парень? Что там с ними происходит? — спросил Живоглот.

Грегор, запинаясь, попытался описать тот кошмар, который разыгрывался сейчас перед его глазами:

— Я не знаю. Они... они не могут...

Зубастики катались по земле, хватая лапами воздух, их шеи, тела искажались ужасными спазмами и судорогами.

— Они не могут дышать! — наконец выпалил он. — Они задыхаются!

Люкса издала безумный вопль. Газард подбежал к Живоглоту и вцепился в его плечо, пытаясь его сдвинуть:

— Пусти! Пусти ее!

Говард подхватил Газарда и прижал его лицом к своему плечу.

— Нет, малыш, ее нельзя сейчас отпустить. Она не сможет помочь им, только попадет в беду сама, — с горечью сказал он.

Теперь они слышали душераздирающие крики, доносившиеся из колодца. Картик пополз к выходу из пещеры, он хотел выбраться наружу — и либо попытаться помочь своим собратьям, либо погибнуть вместе с

ними. Грегор не знал, чего Картик хочет больше.

Но Арес не дал зубастике уйти.

— Ядовитый газ, — произнес Живоглот. — Он, видимо, выходит из вулкана.

— Но я его не вижу! — сказал Грегор. — Я вообще ничего не вижу!

Руки его дрожали, но он продолжал напряженно смотреть в бинокль.

— Он бесцветный, — произнес Говард.

— И без запаха, насколько я могу судить, — добавил Живоглот. — Ну да, конечно! Ветер! Ветер отогнал его от нас. Да прекрати же ты! — рявкнул он на Люксу. — Темп, нам здесь что-нибудь угрожает?

— Тяжелый, газ этот, тяжелый, — ответил таракан.

— Значит, он весь осел в колодце, — резюмировал Живоглот.

Грегор увидел, как маленькие мышата, извиваясь от невозможности дышать, корчатся и безжизненно каменеют под боком у матери — и опустил бинокль. Теперь, когда ветер слегка разогнал гарь и очистил воздух, агония зубастиков была видна невооруженным взглядом.

Зрелище было ужасное: корчащиеся тела, оскаленные зубы, лапы, до последнего пытающиеся сражаться с невидимым врагом...

— Найк, ты не могла бы закрыть Талии обзор? — попросил Говард. — Она и так видела слишком много.

Найк укрыла Талию своими крыльями.

— Иди сюда, Босоножка! — Грегор схватил сестру в охапку и отвернул ее лицо в сторону от жуткого зрелища, хотя она и не выглядела расстроенной или потрясенной.

— Нет, Гре-го, отпусти меня! — потребовала она.

— Оставь меня в покое! — Люкса высвободила руку с мечом и со всей силы вонзила меч в плечо Живоглота.

— А-а-а-а-а! — взревел крыс, отшатываясь. Из раны хлестала кровь.

Он открыл пасть, демонстрируя свои вновь отрастающие зубы. Аврора повернулась, и Люкса вскочила на ноги. С лезвия меча стекала кровь Живоглота.

Грегор оставил Босоножку и вовремя успел выставить свой меч между Люксой и крысом, когда тот крикнул в лицо девочке:

— Прекрасно, ты, сопля несчастная! Лети — и сдохни там просто так, ради собственного удовольствия!

— Тс-с-с, — сказала Босоножка, — ты слишком громкий.

Люкса побежала к выходу из пещеры, готовясь прыгнуть на спину Авроре. Но тут она увидела мышей. И встала как вкопанная, одной рукой уже держась за холку летучей мыши.

Предсмертные крики постепенно стихали. То тут, то там еще было видно какое-то движение, но все реже и все слабее. А потом все смолкло и затихло. Люкса всхлипнула и заревела. Не как королева, а как маленькая девочка.

— Тс-с-с, — сказала Босоножка, поглаживая ее по руке. — Тс-с-с. Мыски спят.

ГЛАВА 23

— Они ведь спят, да, Гре-го? Правильно? — спросила малышка, нахмутив бровки.

— Правильно, Босоножка, правильно, — ответил Грегор, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Они спят.

Он всегда говорил ей эти слова, когда речь шла о смерти. Когда они наткнулись на детской площадке на мертвую птичку, он сказал ей, что птичка устала и спит, а потом, когда Босоножка не видела, завернул птичку в газету и выбросил в помойку. И когда Босоножка на следующей прогулке не нашла птичку на старом месте — она решила, что птичка выпалась, отдохнула и улетела домой, к деткам. И Грегор радовался тогда вместе с ней.

Раз он не смог сказать ей, что та пичуга была мертва — про мышей он тем более не мог ей ничего сказать. Он не хотел приносить ей горе своим рассказом.

— Я знаю. Они просто легли спать. Как в той песенке, — продолжала Босоножка.

— Точно, Босоножка, как в той песенке, — механически подтвердил Грегор.

— Живоглот... Мы можем сделать хоть что-нибудь? Хоть что-нибудь? — В голосе Люксы звучали отчаяние и горечь. — Пожалуйста!

— Нет, Люкса, — ответил крыс, и Грегор вдруг подумал, что первый раз слышит, как Живоглот называет Люксу по имени. — Мы ничего не можем сделать для них. И никто не может.

— Можно я посмотрю в твои стеклышки? — обратилась Люкса к Грегору, и он протянул ей бинокль.

На самом деле все было прекрасно видно и без бинокля, но надо сказать, с биноклем картина представлялась еще чудовищней. Люкса взяла бинокль и приставила к глазам.

— Значит, вот оно как, — произнесла Люкса тихо. — Значит, вот как они планировали всех уничтожить.

— И никакого сопротивления со стороны зубастиков, — добавил Арес.

— Ты уже можешь отпустить меня, — сказал Картик тихо, и Арес освободил его из своих когтей. Зубастик свернулся калачиком и спрятал мордочку в шерстке.

— Я думала, они будут морить зубастиков голодом. Или попытаются

их утопить. Ну или еще что-то в этом роде. Но это... — Найк покачала головой. — Такого еще не бывало.

— И не такое бывало, — угрюмо сказал Живоглот, слизывая кровь с раны на плече.

— Дай-ка я. — Говард передал Газарда Люксе и полез в аптечку. — Она не очень глубокая, — успокоил он Живоглота, осмотрев рану.

— Достаточно глубокая, — возразил крыс, бросив быстрый взгляд на Люксу. — Я считаю, я свой долг выплатил. Сполна. Моя жизнь — за твою жизнь.

— Да, долг выплачен сполна, — безучастно ответила Люкса.

Они стояли и смотрели, как Говард перевязывает рану Живоглота, — просто потому, что надо было на что-то смотреть, а смотреть на мертвых мышей было невыносимо.

Грегор все не мог осознать, что произошло у них на глазах. Он уже видел смерть, много раз. Но сегодня это было иначе, не так, как прежде. И дело было не в количестве жертв. Там, в джунглях, во время боя с муравьями-острогубцами, земля была покрыта трупами, словно ковром. Но тогда это был бой. Тогда лицом к лицу сошлись две армии, и у каждого был пусть призрачный, но все-таки шанс спастись. А то, что произошло с мышами...

Они не могли защититься, укрыться от невидимого и неосязаемого врага. И среди них были не только солдаты... но и детеныши...

Это было настоящее убийство. Точнее бойня. И возможно — не последняя.

Одна Босоножка, казалось, не замечала всеобщего настроения.

— Газард, потанцуй со мной! — попросила она, протягивая приятелю ручку, но Газард ответил:

— Нет, Босоножка, я сейчас не могу.

— Тогда я сама, — легко согласилась она и начала кружиться, напевая:

Раз-два-три-четыре-пять, та-ра-ра!
Вот танцует в свете жарком детвора.
В ярком золоте горячем, посмотри,
Королева-королева, раз и два и три.
Мама и папа,
Сестра и братишка,
Все разбежались зубастики-мышки.
Может быть, даже ушли навсегда.
Больше не встретишь ты их никогда.

Больше всего на свете Грегору хотелось, чтобы она замолчала. Но что-то мешало ему сделать ей замечание. А Босоножка теперь была мышкой: она царапала воздух лапками и весело подпрыгивала.

А зубастик, погляди-ка, раз-два-пять,
Покрутился, повертелся — и лег спать.
Угодили все в ловушку, раз и два и три,
Попрыгали, побегали и спать легли,
смотри.

Этот ее мышиный танец — это было уже слишком. К тому же с ними был Картик — ему-то какво все это видеть и слышать?

— Перестань, Босоножка! — сказал Грегор, но она слишком увлеклась песенкой.

Теперь она сложила ладошки под щекой и притворялась спящей.

Мама и папа,
Сестра и братишка,
Спать улеглись все зубастики-мышки.
Может быть, даже уснут навсегда.
Больше не встретишь ты их никогда.

— Да перестань же! Хватит! — Грегор схватил ее под мышки и рывком поставил на ноги.

Кажется, у него получилось слишком грубо, потому что она закусила губку, и глаза ее наполнились слезами.

— Ладно, прости. Прости! Просто сейчас не самое подходящее время для танцев, — оправдывался Грегор.

— Но мыски танцевали, — упрямо возразила она. — И я просто танцую, как мыски.

— Да, да, я понимаю, — сказал Грегор. — Ты ни в чем не виновата, ты не сделала ничего плохого.

— Я хочу танцевать, как мыски, — всхлипывала Босоножка.

— Ладно, ладно. Только не плачь, — сдался Грегор и погладил ее кудряшки.

Он вынужден был признать, что издали, если не знать правды, судороги погибавших мышей действительно были похожи на танец. И вообще, слова этой песенки:

А зубастых, погляди-ка, раз-два-пять,
Покрутился, повертелся — и лег спать.
Угодили все в ловушку, раз и два и три,
Попрыгали, побегали и спать легли, смотри —

очень наглядно описывали то, что ему довелось сейчас увидеть...

Угодили все в ловушку, раз и два и три,
Попрыгали, побегали и спать легли, смотри.

Грегор повернулся и уставился на мертвые тела мышей. Если не знать, что они мертвы, — их вполне можно принять за спящих. В голове у него завертелись слова песенки:

А зубастик, погляди-ка, раз-два-пять,
Покрутился, повертелся — и лег спать.

— А ведь и правда, — растерянно произнес он. — Все правда.
— Что правда? — не понял Арес.
— Эта песенка. Вот эта ее часть, что про зубастиков, — объяснил Грегор. — Мы же только что все это видели.

А зубастик, погляди-ка, раз-два-пять,
Покрутился, повертелся — и лег спать.

Там же умирали целыми семьями.

Мама и папа,
Сестра и братишка,
Спать улеглись все зубастики-мышки.
Может быть, даже уснут навсегда.
Больше не встретишь ты их никогда.

Действительно, вряд ли кто-нибудь еще когда-нибудь увидит зубастика, если Мортосу удастся то, что он задумал: ведь он собирается убить их всех до одного и...

— Да никакая это не песенка! — выпалил Грегор. — Это же пророчество! Вы что, не видите сами?

По выражению их лиц он понял, что нет, не видят. Для них это слишком долго была просто детская песенка, под которую танцуют смешной танец. Это все равно как если бы ему сейчас вдруг сказали, что какая-нибудь считалочка — это на самом деле пророчество, в котором предсказано крушение поезда в Неваде.

Но Грегор не рос с этой песенкой на устах, для него она была в новинку, и теперь ему стало понятно, что это не песенка вовсе.

— Ведь ее Сандвич написал, да? — спросил он. — Он сам выбил ее на стене в детском саду?

— Да, вот именно — на стене в детском саду. А не в комнате пророчеств, между прочим. И мы не можем утверждать, что это именно он ее сочинил, она очень старая, — возразила Люкса.

— Она не пришла сюда из Наземья, у нас такой песенки нет, — настаивал Грегор. — И зубастиков у нас нет. Она родилась здесь, это Сандвич предвидел события, которые сейчас происходят. — Теперь он уже не сомневался в этом. — Мы наблюдали, как зубастики попали в ловушку, как они танцевали, а потом уснули — только вечным сном, от которого уже никогда не проснутся. «Мама и папа, сестра и братишка — спать улеглись все зубастики-мышки». То есть умерли! Вы что — правда не видите?!

Остальные смотрели с недоверием, но Живоглот вырвался из рук Говарда и начал взволнованно ходить взад-вперед:

— Что ты болтаешь? На первый взгляд все это выглядит абсолютной бессмыслицей! Как такое может быть? Хотя... Кто-нибудь может спеть эту дурацкую песню?

Газард затянул тоненьким голоском:

Раз-два-три-четыре-пять, та-ра-ра!
Вот танцует в свете жарком детвора.
В ярком золоте горячем, посмотри,
Королева-королева, раз и два и три.

— Так, хватит пока. Свет жаркий, значит... — Крыс уставился на вулкан. — Что ж, свет у нас имеется, это факт. И жара хватает.

— Потом про королеву, — вмешалась Найк. — Люкса, это ты, наверное.

— Я не танцую, — возразила Люкса. — Это не я.

— А может быть, королева вовсе и не должна танцевать, — сказал Говард. — Может быть, речь идет об отражении — как будто что-то отражается в чем-то, будто танцует. Это могут быть чьи-то глаза, вода... да что угодно...

— Зубастики танцевали в свете вулкана, — подала голос Аврора.

— А королева? Нам нужна королева, — произнес Живоглот.

— Там про золото, горячее и яркое, — задумчиво сказал Арес. — А у Люксы золота нет.

— У меня вообще ничего нет, кроме лохмотьев. — Люкса осмотрела свою потрепанную одежду. — Какое уж тут золото. Я не могу быть королевой из песенки.

Тут послышался негромкий, но вполне отчетливый гул и почувствовался толчок.

Все повернули головы в сторону вулкана. Тоненькая струйка лавы вытекла из жерла и медленно потекла в сторону колодца.

Золотая струйка.

Такая золотая, что трудно представить себе что-либо более золотое.

— *В ярком золоте горячем...* — процитировала Найк. — А что если...

— А ведь Наземный прав, — сказал Живоглот и кивнул на вулкан: — Вот вам и золото.

— Да. Вот вам и королева, — подтвердил Грегор.

ГЛАВА 24

Второй, уже гораздо более сильный толчок заставил землю содрогнуться вполне ощутимо.

— Убираемся отсюда! — закричал Живоглот.

Все заметались и застыли в смущении — трудно было сообразить, как размещаться на летучих мышах. Они столько раз менялись местами, что сейчас запутались и не могли сразу рассестись. Грегор схватил Босоножку и запрыгнул было на Ареса, но вспомнил, что ни одна другая летучая мышь не сможет поднять Живоглота, поэтому тут же слез и поскользнулся на батарееке от фонаря, что было весьма удачно — это как раз напомнило ему, что нужно заменить батарейки, он быстренько вынул из рюкзака запасные и забросил рюкзак на плечо. В это время Босоножка вырвалась у него из рук и вскарабкалась на спину Темпу. Вокруг царила полная неразбериха.

— Стоп! — скомандовал Арес. — Люкса, Газард, Грегор и Босоножка — на Аврору! Говард, Темп и Картик — на Найк! Талия, ты летишь прямо за мной и если устанешь — садись на меня. — Он опустил пониже и позвал Живоглота: — Садись, полетели.

Все потолкались еще немного, но, следуя указаниям Ареса, наконец расселись по местам. Грегор сидел впереди, у холки летучей мыши, его обнимала за шею Босоножка, а Газард и Люкса расположились позади.

Вылетев из пещеры, летучие мыши сразу же попали в сильный воздушный поток, который стремительно понес их прочь. Это был тот же поток, что развеял гарь и пыль и не дал ядовитому газу добраться до путников. Теперь он нес их точно к жерлу вулкана.

Грегор боялся, что летучие мыши опять начнут нервничать и трепыхаться на ветру, но они все делали правильно. Этот поток не переворачивал их вверх тормашками, а был довольно плавным, но все-таки слабым его назвать было никак нельзя. Почти сразу же Аврора попыталась изменить направление движения в сторону от вулкана и лететь против ветра, но ветер был столь сильным, что они практически не сдвинулись с места.

Грегор обхватил руками Босоножку, прижимая ее к себе как можно крепче. Летучие мыши неожиданно сменили тактику: они вдруг развернулись и полетели прямо по направлению к вулкану. Поначалу это выглядело полным безумием, но потом Грегор понял, что на самом деле это единственный способ не попасть в кратер: лечь в воздушный поток и

вместе с ним облететь его по кругу.

Летучие мыши летели очень быстро, подгоняемые сильным ветром, и вулкан, который был вроде бы довольно далеко, вдруг стремительно вырос у них перед глазами.

Да, «королева» выглядела впечатляюще. Она была загадочной и прекрасной. И еще — жуткой. Из трещин в ее боках вырывались клубы горячего пара. Раскаленная лава вытекала тонкими струями. И даже сквозь ревущий в ушах ветер Грегор мог отчетливо слышать гул, бульканье и грохот внутри этого монстра.

Пролетая над вулканом, Грегор видел, как пытается вырваться наружу горячая лава. Воздух обжигал легкие. Горячий красный свет освещал все вокруг, включая колодец, ставший могилой зубастиков, делая картину совсем нереальной и страшной.

Грегор прижал головку Босоножки к своей груди, чтобы она не смотрела на мышей, но сам не мог оторвать взгляда от мертвых тел, и зрелище это навсегда отпечаталось в его сознании. Он знал, что должен запомнить все в деталях, чтобы потом быть в состоянии рассказать все до последней мелочи, когда они вернутся в Регалию. И он должен быть очень убедительным, чтобы передать людям весь ужас произошедшего. Люди должны почувствовать, понять, насколько это неправильно и страшно.

У Грегора начала кружиться голова — видимо, от вулкана шли испарения, которые воздушный поток разогнать уже не мог, и Грегор подумал, что эти ядовитые испарения могут действовать и на летучих мышей. Правда, пока они не снижали скорости и не проявляли никаких признаков дурноты. Как можно скорее они старались отлететь от вулкана подальше.

От следующего толчка земля внизу вспучилась.

Грегора сильно мутило. А вдруг они сейчас надышатся ядовитым газом? Ведь тогда это просто вопрос времени: они все умрут... в мучениях... как зубастики...

— Босоножка, ты как? — прокричал он сквозь ветер.

— Я баиньки, — услышал он ее слабый голосок. — Как мыски — спать.

— О нет. Только не спи! Не спи! — заорал Грегор. — Тебе нельзя спать, хорошо, Босоножка? Не засыпай!

— Ладно, — послушно сказала малышка, но он чувствовал, как она устраивается у него на груди, словно в гнезде, и тяжелеет, погружаясь в сон.

— Туннель! Ищите туннель! — слышался голос Живоглота.

Они приблизились сейчас вплотную к гигантской каменной стене, которая означала конец пещеры. Летучие мыши заматались в поисках подходящего туннеля, стараясь определить, какой из входов ведет в тупик, а какой является выходом отсюда.

Грегор увидел, как над его головой Найк летит к одному из входов. Говард бешено махал руками, призывая всех следовать за собой. Аврора сразу же полетела к туннелю. Найк нырнула в его пасть сразу вслед за Аресом, который нес Талию в лапах, следующей была Аврора.

В туннеле Грегору сразу стало легче. Воздух здесь был все еще очень тяжелым, но ядовитые испарения от вулкана сюда явно не доходили. Грегор слегка ослабил объятия, в которых держал Босоножку, и как раз поворачивал голову в поисках Люксы и Газарда, когда «королева» взорвалась.

Взрыв произошел совершенно неожиданно, и от этого взрыва Грегор лязгнул зубами, из глаз у него посыпались разноцветные искры, а в ушах зазвучал набатный колокольный звон, который перекрыл все остальные звуки.

Волна горячего воздуха ударила его и бросила вперед, а потом воздуха не стало совсем — только клубы пепла и пыли, которые заволокли все вокруг. Он пытался вздохнуть, пытался увидеть что-то, закрывая Босоножке лицо, чтобы защитить ее от смога. Потом сознание стало его оставлять, он лишь успел почувствовать, как опустело его плечо, за которое до этого держалась Люкса.

— Нет! — хотел крикнуть он. — Нет! Держись! Держитесь! Босоножка!

Это было последнее, что он помнил...

Когда Грегор очнулся, оказалось, что он лежит лицом вниз на большом камне, упираясь подбородком в острый край. Его разобрал мучительный кашель. Сев, Грегор увидел, как с него сыплется пепел, окутывая его словно облако. Грегор с трудом сделал несколько шагов вперед и наткнулся на скалу, покрытую толстым слоем пепла. Волоча ноги, он стал двигаться вдоль скалы, на ощупь ища дорогу вытянутыми вперед руками. Голова отказывалась работать, ему казалось, что она вот-вот расколется на части от боли. Найдя точку опоры, он наклонился вперед, и его начало рвать, выворачивая наизнанку. В желудке давно ничего не было, кроме желчи, и эти спазмы совсем не приносили облегчения.

Сотрясаясь от крупной дрожи, совершенно потерянный, он опустил на землю и попытался привести в порядок мысли.

Что произошло? Он вспоминал вулкан-полет... мышей... пляшущие отблески красного света... свет... Ему нужен свет!

Грегор потянулся к фонарику, примотанному к предплечью, и нажал кнопчку. Поначалу он решил, что фонарик сломан — потому что ничего не изменилось, но потом он догадался, что стекло фонарика покрыл пепел. Он слегка постучал фонариком о стену и как можно тщательнее вытер его о рубашку.

Лучик высветил большой туннель, окутанный серой дымкой. Пыль вперемешку с пеплом падали сверху крупными хлопьями и укутывали все вокруг, словно черный снег, покрывая пол мягким пушистым ковром.

Грегор наконец вспомнил, что произошло и как он здесь оказался: должно быть, он потерял сознание и упал со спины Авроры. Но в таком случае где Босоножка? Она же была у него на руках! И где Люкса с Газардом? Где остальные? «Где остальные? Где же остальные?» — вспомнил Грегор полный ужаса и отчаяния крик Картика.

Где же все остальные? Грегор плелся вдоль стены, по колено в пыли и пепле, в поисках остальных — хоть кого-нибудь. Вскоре он добрался до тупика, но так никого и не нашел. Тогда Грегор двинулся в обратном направлении, надеясь, что пропустил что-то по пути или просто двинулся не в ту сторону.

Этот пепел... Он тут же заметал следы, которые Грегор оставлял, и заглушал шаги — Грегор не слышал собственных шагов. Вокруг была тишина, абсолютная тишина, он как будто шел в облаке ваты. Никогда в жизни Грегор не чувствовал себя таким одиноким. Да он никогда и не был так одинок. Никаких следов жизни вокруг. Чудо, что он сам еще жив, что не погиб во время извержения — видимо, его спасло то, что он застрял между скал. Если бы упал на землю — он наверняка бы погиб и был бы погребен под толстым слоем вулканического пепла.

«Где остальные? Где же остальные?» — звучал у него в голове вопль Картика.

А вдруг никто больше не выжил? Что если все они лежат там, в пепельном саване, на полу туннеля? Может, он прошел мимо них... а может — и наступил на кого-то...

Грегор остановился и прижал пальцы к глазам: «Хватит! Перестань так думать! Просто иди вперед. Иди вперед!»

Невозможно было определить, сколько прошло времени, а он все шел и шел. Туннель казался бесконечным, дышать становилось все труднее — Грегор глотал воздух короткими судорожными глотками. И все вокруг, каждый сантиметр поверхности, снизу и сверху, слева и справа — все было

укутано этим кошмарным пеплом.

Он вспомнил, что в рюкзаке у него есть вода, и достал ее. Первым делом слегка прополоскал рот, чтобы смыть отвратительный привкус, и выплюнул воду на пол. Потом набрал в рот воды, подержал и проглотил. Стало чуть получше, и он выпил еще. И снова пошел вперед.

В какой-то момент он почувствовал, что лица коснулось дуновение легкого ветерка. «Еще один воздушный поток», — вяло подумал Грегор и стал размышлять, не стоит ли спрятаться за скалу. Но ветерок был приятным, к тому же он разгонял пыль и пепел, очищая воздух. Это был самый прекрасный воздух, каким когда-либо дышал Грегор. Просто потому, что в нем не было пепла и пыли. Боль в груди уменьшилась, кашель почти прекратился.

Сначала Грегор подумал, что отблеск света вдалеке — отражение света его фонарика. Но направив луч на пол, он все равно видел этот отблеск. Тогда он пошел быстрее — пепел вздымался вокруг клубами.

— Эй! — попробовал он крикнуть. — Эй!

Но он едва слышал собственный крик — стоило ли ожидать, что кто-то ответит. Наконец он стал различать впереди какие-то фигуры — просто силуэты, призрачные, словно сотканные из воздуха. И снова увидел отблеск света — теперь более отчетливый и яркий.

Грегор бросился бежать, если, конечно, можно назвать это бегом, и довольно скоро споткнулся и упал, сильно ударившись коленями.

— Эй! — позвал он снова, и в этот раз услышал собственный зов.

Услышали его и призрачные фигуры впереди и повернулись в его сторону. Грегор встал как вкопанный.

Это были его спутники. Но вид у них был такой, что Грегор догадался: случилось непоправимое. Кто-то погиб.

— Кто?! — только и смог вымолвить Грегор, чувствуя, как сердце забирается в горло, намереваясь вырваться наружу. — Кто?! Где Босоножка?

Говард молча отступил в сторону, присоединившись к остальным серым фигурам, стоявшим поблизости. Босоножка была в порядке — она сидела на спине у Темпа и держала в руке слабо светившийся волшебный скипетр.

На первый взгляд, остальные тоже были в порядке. Грегор лихорадочно переводил взгляд с одного на другого: Живоглот... Картик... Люкса... Газард... кучка летучих мышей...

Стоп. Летучих мышей было всего три. Три, не четыре.

На полу, покрытая серым пеплом, лежала одна из них. Голова ее

покойлась на коленях у Газарда. Это была Талия.

ГЛАВА 25

— О нет... Как же так?! — пробормотал Грегор.

Такая маленькая, такая смешливая... и такая храбрая. Она нырнула в бурную реку, чтобы спасти Газарда, она держала его в своих когтях и не выпускала, хотя сама уже теряла сознание... Она так старалась не отставать от взрослых летучих мышей... Она мужественно вела себя во время потопа... и со скорпионами... и когда они попали в воздушные потоки...

Грегор вспомнил о последней шутке, которую она от него услышала. И как она расхохоталась сквозь душившие ее рыдания — не могла не рассмеяться, такая уж у нее натура... «Встретимся на углу».

Все-таки она была еще совсем ребенком.

Он подошел ближе и опустил на колени перед телом Талии.

Она казалась такой маленькой со сложенными крыльями, которые теперь безвольно лежали вдоль тела. И не было того жизнерадостного свечения, которое всегда исходило от этой летучей мыши, того ареола беззаботности и счастья, который всегда ее сопровождал...

Грегор аккуратно положил руку ей на грудь и смахнул пепел с персиковой шерсти.

Газард был безутешен, слезы градом струились по его лицу.

— Это все тайные знаки. Это знаки! Сначала моя мама, теперь Талия!

Серое от пепла лицо Люксы было отстраненным и словно окаменевшим.

— Это моя вина, — произнесла она негромко. — Я не должна была позволять никому из них лететь на этот чертов пикник.

— Но на пикнике им опасность не грозила, кузина, — возразил Говард. — Это я настаивал на походе во Впадину, а все проблемы и опасности начались именно там.

— Нет, это моя вина, — вмешался Арес, — я должен был лететь быстрее. Я нес ее, и мне надо было лететь быстрее...

— Прекратите, хватит! — прервал их Живоглот. — Она умерла не по вашей вине: она наглоталась ядовитых испарений — и вы тут ни при чем, никто из вас! Она просто летела — а значит, дышала глубоко. А поскольку она еще маленькая — интоксикация наступила быстрее. Вот и все! И никто тут не виноват.

Их разговор обеспокоил Босоножку. Она сползла со спины Темпа и приблизилась к Талии.

— Вставай, Талия! — позвала она летучую мышь. — Просыпайся!

— Не надо, Босоножка! — Грегор схватил ее за руку.

— Надо, чтобы она проснулась, — сказала Босоножка. — Газард плачет. Когда она проснется?

Грегор вдруг понял, что не сможет больше выдавать Босоножке стандартную версию о том, что все будет хорошо: Талия немножко поспит, а потом проснется и снова будет веселой, звонкой и счастливой. Почему-то сейчас это было уже неправильно.

Босоножка растет. И очень скоро она и сама должна будет во всем разобраться...

— Она не проснется, Босоножка, — произнес Грегор. — Она умерла.

— Не проснется? — подняла бровки Босоножка.

— Нет. На этот раз нет, — повторил Грегор. — Она ушла. Совсем.

Босоножка обвела глазами лица стоявших вокруг, взглянула на плачущего Газарда:

— А куда она ушла?

Поскольку ответа не последовало, Босоножка спросила еще раз, более настойчиво:

— А куда она ушла? Где она теперь будет жить?

Вопрос повис в воздухе, никто не мог найти правильных слов, но Говард наконец произнес:

— Она... она теперь будет жить в наших сердцах, Босоножка.

— И в моем тоже? — Босоножка сложила ручки на груди.

— Да. Там она и будет жить, — кивнул Говард.

— А она может летать? Она не улетит? — Босоножка прижала ручки крепче к груди, словно боясь, что Талия вырвется оттуда и улетит.

— О нет, она останется там навсегда, — ответил Говард.

Босоножка вопросительно глянула на Грегора, и он кивнул. Тогда она медленно отошла и снова забралась на спину Темпу в глубокой задумчивости.

— Если вы собираетесь что-то делать с ее телом — делайте это сейчас, — сказал Живоглот. — Мы не можем здесь долго оставаться, этот пепел прикончит нас всех.

— Я унесу ее, — предложил Арес.

— Газард, ты должен попрощаться с ней, — произнесла Люкса.

— Нет! — закричал малыш. — Нет! Вы не должны ее уносить! Я ее не отдам!

Разыгралась ужасная сцена: они с трудом оторвали Газарда от мертвой Талии. Долго он рыдал и цеплялся за нее, но потом Арес подхватил Талию

и унес прочь, куда — Грегор не знал. Газард все не мог успокоиться, и Говарду пришлось силой влить в него снотворное, прямо в рот, разжав зубы, только после этого рыдания стихли.

Живоглот послал Аврору и Найк вперед, на поиски места с менее ядовитым воздухом. Когда летучие мыши улетели, Говард обнял Газарда и стал баюкать его на руках, как младенца.

— Знаешь, — сказал он тихонько, — я ведь тоже потерял свою летучую мышь. Ее звали Пандора.

— А что с ней случилось? — всхлипывая, спросил Газард.

— Мы плыли по Водному пути. Она полетела к маячившему впереди острову, и на нее напали плотоядные клещи. Они ее убили. Просто сожрали у нас на глазах, — рассказал Говард.

— И ты не мог ей помочь? — сочувственно произнес Газард.

— Нет. Я очень хотел. Даже когда ее уже не было в живых — я все еще рвался ей на помощь. Но я ничего не мог сделать. — Говард помолчал и после паузы добавил: — Совсем ничего. Я мог только оплакать ее — как ты сейчас оплакиваешь Талию.

— А какая она была?

— Забавная. Веселая. И любопытная. Она всегда и везде была первой, когда что-нибудь происходило, во все совала свой нос. И очень любила есть ракушки, — с улыбкой ответил Говард. — Особенно те, которые побольше.

Грегор вспомнил скользкое содержимое ракушек, которых Говард упорно считал деликатесом, и подумал, что, возможно, такое его к ним пристрастие объясняется как раз любовью Пандоры к этому специфическому кушанью.

— Но ты больше ее не оплакиваешь, — заметил Газард.

— Да, не оплакиваю, — согласился Говард. — Но храню память о ней в своей душе.

— В моей душе уже осталось так мало места! — посетовал Газард. — Там уже столько народу... Но все равно там найдется место для Талии — она ведь была совсем маленькой, — и с этими словами он погрузился в сон.

У Грегора защемило сердце от жалости к малышу: сколько же потерь пришлось ему пережить за его короткую жизнь... Он простился с мамой, папой, любимым ящером по имени Гребешок... и вот теперь Талия.

Они все молчали — боялись побеспокоить спящего Газарда, из мира спокойных снов вернуть его в пугающую жестокую реальность.

Наконец Живоглот негромко сказал Грегору:

— Хорошо хоть ты появился. А то мы уж думали, тебе конец.

— Да нет, я в порядке, — махнул рукой Грегор. — А что вообще

случилось?

— Да кто его знает! Ты вдруг отключился и упал. Правда, у тебя хватило ума выпустить из рук сестру и посадить ее на голову летучей мыши, — ответил Живоглот. — Арес все порывался за тобой вернуться, но мы понятия не имели, где ты можешь быть, и потом этот проклятый пепел — он засыпал все вокруг...

— Я в порядке, — повторил Грегор, хотя на самом деле сегодня был худший день в его жизни.

Вернулись Аврора и Найк — они обнаружили туннель, который вел к выходу, на свежий воздух. Все начали рассаживаться, все, кроме Живоглота, который сказал, что будет дожидаться Ареса, а потом вместе с Аресом догонит остальных.

Чем выше они летели, тем чище становился воздух. Наконец они вылетели из туннеля и оказались возле скалы, похожей на колонну, — с плоской вершиной и отвесными склонами. Здесь воздух был совсем чистым, а из трещины в скале текла свежайшая, очень холодная вода, которая отвесно падала вниз и исчезала где-то в самом низу, в путанице тонких виноградных лоз.

— Мы снова в джунглях, — догадался Грегор.

— Да, здесь кончается Огненная земля, — кивнул Говард.

Они по очереди жадно, большими глотками пили кристально чистую воду и умывались, смывая с кожи пыль и пепел. Босоножка заявила, что хочет кушать, и Говард отдал ей последний кусочек черствого хлеба. Она сгрызла его, потом свернулась калачиком на одеяле возле спящего Газарда — и тоже уснула. Картик все еще находился в состоянии прострации, он вроде бы спал и в то же время не спал — часто садился, блуждающим взглядом осматривал все вокруг, попискивал — и снова падал на землю.

Остальным было не до сна и не до разговоров. Они просто сидели кружком, смотрели кто на фонарик, кто на джунгли. Грегор с тревогой смотрел на Люксу, которая сидела, устремив взгляд на бывший из скалы источник.

Люкса выглядела какой-то слишком спокойной. Ненормально спокойной.

Примерно через час прилетел Арес, на котором восседал Живоглот.

— Куда ты ее отнес? — спросил Говард негромко.

— Обратно к королеве, — ответил Арес. — Там она будет лежать вместе с зубастиками, и ей не будет так одиноко. Лава скоро похоронит их — там уже наполовину все ею залито.

— Да. Мортосу мало было убить их, — сказал Живоглот. — Он хочет, чтобы они исчезли совсем, без следа. Как в той песенке, о которой талдычит наземный.

— Ты имеешь в виду пророчество? — уточнил Грегор.

— Раз уж это пророчество — нужно дать ему какое-то название, — произнесла Аврора.

— Я уже придумала, — несмело вмешалась Найк. — Но не знаю, понравится ли вам. Про себя я называю его Тайным пророчеством.

— Что ж, отличное название, — кивнула Аврора, — ведь нас сюда привели тайные знаки.

— Да и само оно засекречено, — согласился Говард. — Кому в голову могло прийти, что детская песенка — это на самом деле пророчество!

— Мы, кстати, не закончили, — подал голос Живоглот. — Первая часть нам теперь ясна, я полагаю. Мы знаем, кто эта королева, знаем про зубастиков. А что говорится в следующей части?

Люкса прочла наизусть последний куплет. Без музыки это были просто стишки. И звучали они туманно.

Вот и гости на пороге, раз и два и пять.
Надо их скорей с дороги угощать.
На кусочки режь скорее, раз и два и шесть,
А кой-кому горяченького надо бы поесть.
Мама и папа,
Сестра и братишка,
Спят крепким сном все зубастики-мышки.
Может быть, даже уснут навсегда.
Больше не встретишь ты их никогда.

— Думаю, первый вопрос, который у всех возник: кто эти гости? — сказал Говард.

— Ну, если речь идет о Регалии, а я уверен, что именно ее называет Сандвич «порогом», то, учитывая все обстоятельства, гости — это те, кому ее высочество не так давно объявила войну, — заявил Живоглот.

— Грызуны, — произнесла Люкса. — И мы встретим их как положено — как раньше.

Ну да, в песенке ведь есть строчка, где кого-то угощают горячим чаем, а кого-то — кусочком пирога.

На кусочки режь скорее, раз и два и шесть,
А кой-кому горяченького надо бы поесть.

— Это что имеется в виду? — спросил он.

— Имеется в виду, что кого-то порубают на кусочки, — сказала Люкса. — А еще — когда город раньше бывал в осаде — мы лили с его стен раскаленное масло на наших врагов.

Она произнесла это без всякого выражения, в ее голосе не было ни страха, ни волнения.

А вот Грегор почувствовал и то и другое.

— Интересно, когда они нападут? — задумчиво произнес Говард.

— Кто-то должен немедленно лететь в Регалию и предупредить об опасности, — заволновалась Найк.

— Я точно не полечу, да и вряд ли кто-то будет рад меня там видеть. Нет уж, я останусь здесь, — заявил Живоглот.

— И что ты будешь делать? — спросил Грегор. У Живоглота всегда был какой-то план.

— Эти зубастики... которых мы сегодня видели... они только часть тех, кого крысы согнали с насиженных мест. Остальные, возможно, живы. Я подумал... не исключено, что они смогут объединиться в армию. Неплохую, между прочим, армию.

— С тобой во главе? — осведомилась Люкса. — Они за тобой не пойдут.

— Пойдут. Если ваше высочество будет со мной — пойдут, — сказал Живоглот. — Вместе мы сможем мобилизовать и организовать их.

— Я и одна могу это сделать. Но тебе-то это зачем? — недоумевала Люкса.

— Не задавай лишних вопросов. Да или нет? — спросил Живоглот нетерпеливо.

Люксе для принятия решения не понадобилось времени на раздумья:

— Да, — сказала она. — Говард, ты идешь?

— Разумеется, кузина, разве я могу тебе отказать? — заявил Говард. — Картик тоже, наверно, захочет к нам присоединиться.

— Он слишком слаб, — возразил Живоглот. — А вот мы... вы двое на летучих мышах, я на земле — мы в состоянии помочь им.

— Я уверена, они поверят и пойдут за мной, если только мы сможем приблизиться, и они услышат мой голос, — сказала Люкса.

— Я позабочусь об этом, — пообещал Живоглот. — Давай, объявляй

четырёхчасовой привал — а после сразу и приступим.

У Грегора возникло неприятное чувство — будто он вдруг стал невидимкой: его в этих планах вообще никто не учитывал.

— Я буду готов через четыре часа, — сказал он.

— Нет! — услышал он сразу с двух сторон: Живоглот и Люкса произнесли это слово хором.

— Что?! — изумился Грегор.

— Нет, парень, ты не идешь. Ты доставишь щенков обратно в Регалию, — ответил Живоглот.

ГЛАВА 26

— Ничего подобного! — воскликнул Грегор. — Я иду с вами!

— Ты не можешь! — Взгляд Люксы метался из стороны в сторону, словно она искала причину. — А как же Босоножка и Газард?!

— Ну, я не знаю... можно... Говард, ты можешь доставить их обратно! — обратился он к Говарду.

Живоглот, Говард и Люкса обменялись мимолетным взглядом. И тут Грегора осенило.

Они не хотят, чтобы он шел с ними. Они помнят о том, как он опозорился тогда с Умняшкой, и уверены, что он облажается точно так же и в следующий раз.

— Вы считаете, что я не могу сражаться, — сказал он резко. — Что ж, отлично. Может, я и дал маху, когда потерял фонарик, но здесь ведь не так темно, от всех этих вулканов и прочего... И я думаю, что стоит вспомнить, что в других боях я был не так уж плох, и вообще...

— Дело не в этом, Грегор, — прервал его Говард. — Все знают, что ты умеешь сражаться. Гораздо лучше, чем я, если честно.

— Тогда в чем же дело?! Ты все еще злишься на меня, да? Поэтому? — допытывался он у Люксы.

— Нет, не злюсь, — ответила она.

— И?

— Да почему бы просто не рассказать ему?! — не выдержал Говард.

— Не рассказать что? — Грегор уже начал заводиться.

— А вот что: ты должен лететь в Регалию. Теперь, когда началась война, ты не сможешь помочь нам без своего меча, — сказал Живоглот.

Рука Грегора непроизвольно потянулась к ножнам, притороченным к поясу штанов, а пальцы коснулись рукояти:

— У меня есть меч! Вот он!

— Это не тот меч, Грегор. Тебе нужен твой меч. — Глаза Живоглота сузились. — Ведь ты не его потерял тогда в туннеле, правда? Когда сражался с Умняшкой?

— Чего? — Грегор совсем растерялся. — А, тот. Ну да, я его потерял — бросил за спину, в крыс. И что? Таких мечей, как этот, сотни!

— Нет, Грегор. Он говорит о том мече, что дал тебе Викус. О мече Сандвича, — тихо промолвил Говард.

— Ах, этот! — выдохнул Грегор.

Да, Викас и правда пытался как-то вручить ему прекрасный, инкрустированный драгоценными камнями меч, который когда-то принадлежал самому Сандвичу, но Грегор отказался его принять. Хотя и знал, где тот находится: в музее, где ему и было самое место. Меч лежал там на полке, завернутый в шелковую тряпку — в том виде, в котором Викас и собирался передать его Грегору.

Впервые Грегор задумался, уж не отправился ли меч в музей именно затем, чтобы все вокруг думали, что он теперь у него, у Грегора.

— Так он вообще-то не мой, — возразил Грегор.

— Да нет, твой. Об этом и говорится в пророчестве, о котором я тебе рассказывал. Об убийстве Мортоса. В «Пророчестве времени», — напомнил Живоглот.

— Там говорится, что мне нужен меч Сандвича? — засомневался Грегор.

— Помимо всего прочего. Я надеялся, что Викас хотя бы даст тебе понять, насколько важен этот меч. Что он принадлежит тебе по праву, — сказал Живоглот. — Скажет, что мы верим, что этот меч твой. Он говорил с тобой когда-либо об этом?

— Нет, — покачал головой Грегор. — Он очень обрадовался, когда я не взял его.

— Ваш дедушка, однако, оптимист, — скептически бросил Живоглот Люкса и Говарду.

— Да уж. Если его послушать — нам нужно как можно больше времени проводить на поле, и все будет хорошо, — мрачно ответила Люкса.

Живоглот с ухмылкой сказал:

— Вот как?

— Да. Знаешь, что он сказал, когда мы оказались в плену у пауков? Он сказал, что думал, что все будет иначе — ведь он достиг с ними определенных соглашений, — ответила Люкса. — Мне было одиннадцать, и я и то понимала, как это глупо!

Живоглот скривился в улыбке:

— А может, он был прав.

— Да нас чуть не убили! — воскликнула Люкса.

— Вообще-то нас бы непременно убили, если бы не твой дед, — вмешался Грегор, неожиданно для себя бросаясь на защиту Викаса. — Пауки собирались убить меня, пока я не произнес его имя!

— Ладно-ладно, не надо защищать Викаса — никто на него не нападает, — ответил Живоглот. — Вернемся к мечу. Ты знаешь, где он?

— Ну да, — кивнул Грегор.

— Отлично. Тогда возвращайся, сунь его в ножны и больше никогда с ним не расставайся, — велел Живоглот.

— А почему с этим пророчеством все так запутано? — спросил Грегор. — Что там такого ужасного, что вы не можете мне сказать?

— Мы ведь не знаем, осуществится ли предсказание. Были серьезные сомнения в том, что оно все будет так, как там сказано. Но после событий сегодняшнего дня... — Говард взглянул на Грегора: — Я склонен полагать, что да.

— И? — спросил Грегор.

— И никто не хочет рассказать тебе, потому что... потому что... слушай, мы даже не знаем, правильно ли его понимаем, — ответил Живоглот. — Мы всегда ошибаемся в трактовках, ведь так?

Грегор понял, что он не в состоянии ждать встречи с Викусом и разговора с ним. Он глянул на Живоглота в упор:

— О чем в нем говорится, Живоглот?

— Говорится... ну, в нем говорится, что ты, возможно... — Живоглот пытался подобрать нужное слово, но потом резко оборвал себя: — Короче, Викус тебе все объяснит. И эта чокнутая девица, как ее там? Нерисса. Расспроси ее. Она все растолкует лучше, чем я.

— Но... — начал Грегор.

— Нет! — Живоглот был непреклонен. — Ты обо всем узнаешь в Регалии. Как только твой Арес отдохнет, ты сможешь туда полететь. Возьмешь щенков, Картика и Темпа.

— Сражаться, останусь я, сражаться я, — запротестовал Темп.

— Нет, Темп. — Люкса говорила ласково, почти нежно. — Я очень хотела бы видеть тебя рядом с собой, но еще больше ты нужен там, дома. Ты должен отправиться к ползучим, рассказать им о том, что произошло, и убедить их в нашей правоте.

Темп чуть отступил назад и слегка поклонился в знак того, что готов выполнить ее поручение.

— И еще у меня к тебе личная просьба, — продолжала Люкса. — Я прошу тебя присмотреть за Газардом — так же, как ты присматриваешь за Босоножкой. Я поручаю тебе заботиться о нем.

— Поручать мне, мальчик, поручать мне? — переспросил Темп удивленно.

— Если ты не возражаешь. Никто из нас, здесь присутствующих, не чувствует опасность так рано и отчетливо, — сказала Люкса. — И никто не встречает ее с таким мужеством и спокойствием, как ты.

Это была чистая правда, в которой они все уже не раз могли убедиться.

Темп предупреждал их об опасности клещинового острова — но они не послушали его, и Пандора погибла. Темп предупреждал их, что нельзя идти на сладкий дурманящий запах фруктов в джунглях — но они опять его не послушали, и одна из крыс была съедена плотоядным персиком. Темп предупредил их о ядовитом газе — но Люкса и Аврора не хотели его слушать, и если бы не Живоглот — они погибли бы тоже. Да, все это была правда, но...

Грегор вспомнил девочку, с которой познакомился, когда впервые попал в Подземье.

Девочку, которая издевалась над тараканами... над их медлительностью, их неспособностью сражаться, их тугодумством... Да, Люкса с тех пор сильно изменилась.

— Ты просишь так, ты просишь? — уточнил Темп.

— Да, я прошу, Темп. Я прошу, — повторила Люкса.

Она положила руку ему на голову, а он усиком погладил ей ладонь. И это был единственный хороший момент за весь этот долгий и страшный день.

Грегор вызвался дежурить, пока все другие будут спать — все равно ему предстояло потом целый день провести на спине у Ареса. У него будет возможность отоспаться.

Люкса сказала, что все равно не уснет, и отошла в сторонку. Там она села и просто смотрела перед собой, глядя в одну точку. Печаль на ее лице была столь глубокой, что у Грегора сжалось сердце. Он смотрел и смотрел на нее, не в силах отвести глаз. Ну и пусть. Она все равно этого не замечала.

— Что между вами происходит? — тихо поинтересовался Живоглот. — Между тобой и королевой?

— Ничего, — ответил Грегор. — Думаю, тебе стоит поспать.

— Похоже, ты влюбился, парень, — резюмировал Живоглот.

— Не знаю. Похоже, — буркнул Грегор.

— Совет нужен?

— Не особо. Я знаю, что ты скажешь. Что все это глупости, — сказал Грегор.

— А вот и не угадал. Я скажу тебе нечто совершенно противоположное. Что наша жизнь очень коротка. Что только некоторые вещи в ней имеют истинную ценность. И что нельзя упустить то, что по-настоящему ценно, — произнес Живоглот.

Меньше всего Грегор ожидал услышать от Живоглота именно такой

совет. Может, крыс опять смеется над ним? Но нет, голос его звучал серьезно.

— Но это же безумие. То есть... ведь мы никогда не сможем... — Грегор даже не знал, как закончить свою фразу.

— Парень, сейчас война. Мы все, каждый из нас, можем погибнуть в любую минуту — через день или два. Я бы на твоём месте не стал заглядывать так далеко в будущее, — ответил Живоглот и широко зевнул: — Ну, все, мое дело сделано.

Он трижды обошел по кругу свое место и улегся. А вскоре он уже крепко спал и похрапывал во сне.

Грегор посидел еще немного, глядя на Люксу, а потом встал и пошел к ней. Он не представлял, что ей скажет, не знал, как рассказать о том, что беспокоится за нее. Поэтому он просто молча сел рядом — на тот же краешек скалы, но ноги подобрал под себя: даже после всех проведенных в полете часов и дней он все еще побаивался высоты.

Люкса заговорила первой:

— Эти зубастики в колодце... Они не с Источника. Они из джунглей. Многие из них были моими друзьями. Я видела, как рождались у них детеныши. Я даже дала одному имя.

Она все никак не могла заплакать.

И он тоже.

Они не плакали ни о зубастиках, ни о Талии. Слезы придут потом. Если, конечно, на них останется время.

— Они любят математику, представляешь? — продолжала Люкса. Грегор об этом не знал — он вообще мало что знал о мышах. — Ну и поэтому я назвала его Кубик.

— Хорошее имя, — одобрил Грегор.

— Он тоже был там, в колодце... Я его узнала...

Дул легкий ветерок, теплый и ласковый, он приносил ароматы джунглей, и мысли Грегора вернулись от тех, кто умер сегодня в колодце, к Хэмнету и Гребешок, которые погибли в джунглях во время боя с гигантскими муравьями. Он подумал, погребли ли их тела плетущиеся лианы. Возможно, уже да...

— Грегор, я все думала о том, что ты сказал тогда в туннеле, — вдруг начала Люкса.

— О — Забудь. Я тогда так сказал от злости, — перебил он ее, но она продолжала:

— Нет, послушай. Ты ведь прав. Когда ты вернешься в Регалию — не важно, что тебе скажут... Ты совершенно не обязан оставаться. Это не твой

мир и не твоя война. И если решишь отправиться домой, прочтя пророчество, я не буду тебе препятствовать или осуждать тебя.

— То есть пророчество все-таки имеется, — констатировал Грегор, но она не обратила на его реплику внимания:

— Втягивать тебя в эту заварушку с зубастиками было с моей стороны непростительно. Ты ведь им ничем не обязан.

— Какая разница — обязан я им или нет? — возразил Грегор. — Я хочу помочь им не потому, что кто-то кому-то обязан, а потому, что все это неправильно и нечестно — то, что с ними делают.

— Но возможно, когда узнаешь, о чем говорится в пророчестве, ты станешь думать иначе, — уклончиво сказала Люкса. — Я объявила эту войну из уважения к мышам. А тебя с ними ничто не связывает. Это у нас, подземных, много причин для того, чтобы испытывать к ним благодарность. А для тебя они ничего особенного не сделали.

Ветер взъерошил ей волосы и отбросил их назад. Необыкновенные фиолетовые глаза ее, широко раскрытые, смотрели на Грегора в упор, ожидая ответа. Она должна была знать, может ли на него рассчитывать.

И он негромко произнес:

— Сделали. Кое-что особенное. Они спасли тебя.

Лицо Люксы просияло.

ГЛАВА 27

Грегор заставил Люксу лечь и попытаться уснуть — ему совсем не хотелось, чтобы она валилась с ног от усталости во время боя. Сначала она сопротивлялась, но он пригрозил, что разбудит Живоглота:

— И ты ведь знаешь, он не заткнется до тех пор, пока ты не свалишься в изнеможении, — предупредил Грегор.

— Ладно-ладно, я лягу, — согласилась Люкса.

Она улеглась рядом с Газардом и Босоножкой, и вскоре Грегор с удовольствием увидел, что она задремала.

Грегор остался дежурить. У него не было часов или каких-то других приспособлений для определения времени. Но это было не важно: у них был Живоглот, а ему часы не нужны. Он проснулся примерно через четыре часа и разбудил всех, кроме Газарда, Босоножки и Картика.

Зубастик стал просыпаться сам, когда начались сборы, и вскоре был на ногах. Узнав о планах, он начал настойчиво требовать, чтобы его взяли в освободительный поход.

— Я должен! Я должен идти! Я должен найти Хиронию! Она будет вам нужна, чтобы разгадать шифр! — твердил он.

— Хирония? Я что-то о ней слышал. Но... ты отправляешься в Регалию! — заявил Живоглот.

Спор продолжался и усиливался, почти перейдя в ссору, но тут вмешался Говард:

— Довольно! Картик прав. Это его семья, его друзья — он имеет право участвовать. Вот только сначала...

И Говард достал из аптечки маленькую красноватую бутылочку, которую Грегор еще никогда не видел, и протянул ее Картику:

— Сначала прими вот это. Это эликсир из лечебных трав, он придаст тебе сил.

Картик тут же сделал большой глоток, несколько раз изумленно моргнул — и рухнул на землю как подкошенный.

— Что ты ему дал? — спросил Грегор.

— Очень сильное снотворное. Мы используем его редко, когда нужно успокоить пациента немедленно и надолго — например, при операциях. Когда надо ногу отрезать или еще какое-нибудь сложное вмешательство, — ответил Говард. — Думаешь, с моей стороны это было нехорошо, да?

— Как раз наоборот, — вмешался Живоглот. — Но с тобой,

оказывается, надо держать ухо востро! — шутливо добавил он.

Они уложили Босоножку, Картика, Газарда на спину Ареса, туда же забрался Темп. Грегор помыл свою бутылку и наполнил ее чистой водой, а потом положил ее в рюкзак, рядом с биноклем, клейкой лентой, батарейками и фонариками, он даже вынул свой фонарик из кармана и тоже положил в рюкзак.

Затем повесил рюкзак на плечи Люксе.

— Что это? — удивилась она, когда он начал продевать ее руки в лямки.

Сколько они путешествовали вместе, этот рюкзак всегда был при Грегоре, и никто никогда не покушался на его содержимое.

— Мне он не нужен. А тебе может пригодиться, — сказал Грегор. — Ты ведь в курсе, как батарейки менять в фонариках, да?

— Думаю, да. Но ведь вам нужен свет на обратном пути...

Вместо ответа Грегор взял скипетр Босоножки и нажал на кнопку:

— У нас есть волшебная палочка, видишь?

Когда они обнялись на прощание, Грегор вдруг почувствовал, что не может разомкнуть объятия. Просто не может — и все.

Но наконец его руки разжались, он обнял Говарда, похлопал по плечу летучих мышей. Кивнул Живоглота, который терпеть не мог всяких нежностей. И вскарабкался на спину Ареса.

Он оставлял их... всех... Люксу, Живоглота, Найк, Аврору... улетал от них... и была вероятность — и надо сказать, очень большая! — что он больше никого из них не увидит.

— Беги как река, парень, — пожелал Живоглот.

— Высокого вам полета, — ответил Грегор, и все смотрел и смотрел, не отрываясь, на Люксу, пока Арес не улетел уже слишком далеко.

Тогда он лег между Босоножкой и Газардом и обнял их обоих. Темп сидел у него в ногах, приглядывая за Картиком.

Грегор выключил волшебный скипетр, чтобы экономить свет на экстренный случай, и все вокруг сразу погрузилось в полумрак, а по мере их удаления от джунглей темнота сгущалась, и наконец стало совсем темно.

Спать Грегор не мог, хотя и знал, что надо бы. В темноте слух его обострился, иногда он слышал, как шумит неподалеку вода или кричит какое-то животное, но по большей части он слышал звуки, которые исходили от них самих: шум крыльев Ареса, ровное дыхание Босоножки, бормотание Газарда во сне. Грегор даже различал отдельные слова: Талия... мама... тайна...

Тайна.

Слово, которое наполняло Грегора беспокойством.

Как же это мучительно: хранить тайну, знать, что она существует, пытаться ее разгадать и понимать, что тайна ждет тебя впереди — там, в темноте...

А этим летом вообще были сплошные тайны. Шрамы у него на ногах, которые никто в Нью-Йорке не должен был видеть. Тайный полет на курган. Тайный знак косы под телом Чевианы. Ложь Викусу насчет пикника. Зашифрованное в виде песенки пророчество Сандвича. И самая ужасная тайна — то, что крысы задумали сделать с зубастиками.

И вот теперь еще одна тайна ожидала его в Регалии — по крайней мере для Грегора она оставалась тайной: записанное Сандвичем «Пророчество времени».

Но Грегор почему-то думал, что не такая уж это великая тайна, как представляется его друзьям. Никто из них не осмелился рассказать ему про это пророчество, и Грегор догадывался, почему: видимо, в пророчестве была предсказана смерть. Либо его собственная, либо кого-то из тех, кого он очень любит. Ведь даже Живоглот смешался, когда он попросил его все рассказать.

Теперь в его мысли ворвались новые звуки: когти... крысиные когти... они со злобой шкрябали камни там, внизу. Грегор перевернулся на живот и посмотрел вниз, слегка перегнувшись через крыло Ареса, но, разумеется, ничего не увидел в темноте. Крысы учуяли их присутствие, они учуяли его, Грегора, запах, и теперь в бессильной злобе царапали когтями камень и даже выкрикивали его имя, желая ему смерти. Однако добраться до него они не могли.

Это продолжалось несколько минут, потом все снова стихло.

— Сколько их там? — спросил Грегор.

— Шесть или семь сотен, — ответил Арес.

— Они идут к Регалии или к Огненной земле?

— К Регалии.

— А как ты думаешь, регалианцы знают об этом? — с беспокойством спросил Грегор.

— Не имею понятия, — ответил Арес и замахал крыльями еще быстрее.

Грегор подумал о городе, который совершенно не ожидает вторжения крыс, о людях, о маме, лежащей на больничной койке... и ему показалось, что Арес летит слишком медленно.

Когда они влетели в Высокий зал, стало понятно, что в Регалии никто

ничего не знает о готовящемся нападении. У ворот не было ни укреплений, ни дополнительной охраны, а люди в городе занимались своими обычными делами.

Приземлившись, Грегор велел гвардейцам немедленно доставить всех в госпиталь.

— И передайте Викусу, что на город вот-вот нападут грызуны.

Они открыли рты, чтобы задать ему вопрос, но он уже несся по коридору. Колени у него дико болели и подгибались при каждом шаге, но это его не останавливало. Дворец он теперь знал хорошо, и путь до музея занял у него совсем немного времени.

Меч Сандвича покоился на своем обычном месте, все так же заботливо обернутый в шелковую ткань. Похоже, никто не прикасался к нему все это время. Грегор потянулся за мечом, и вдруг взгляд его наткнулся на кое-что знакомое: фотоаппарат миссис Кормази. Он сам принес его в музей после вечеринки, так что он должен быть исправен. Там же лежала пачка фотографий, которые он сделал. Мама собиралась взять их наверх, домой, и сделать для Газарда специальный альбом.

Он понимал, что время неподходящее — и все же не смог воспротивиться желанию посмотреть карточки. На самом верху лежало фото, на котором Газард и Талия позировали ему, обнявшись. Подумать только — это было всего неделю назад... А кажется — целая жизнь пронеслась с тех пор. Теперь Газард вне себя от горя, а Талия... Талия умерла и лежит в братской могиле вместе с зубастиками. Пятеро его друзей остались в Огненной земле и собираются сколачивать там армию зубастиков. А крысы ворвутся в Регалию уже через несколько часов.

Руки Грегора задрожали, несколько фотографий упало на пол. Он быстренько сгреб их в кучу и вдруг заметил одну, которую не ожидал увидеть — он даже не знал, кто мог ее сделать: на этой фотографии он танцевал с Люксой. Камера запечатлела момент, когда он поднял ее в воздух и кружил. И они оба смеялись. Он вспомнил, как счастлив был в ту минуту...

Реальность напомнила о себе: в коридоре раздавались встревоженные голоса, топот ног, крики... Теперь все знали, что на город идут крысы.

Грегор быстро сунул фотографию в карман, а остальные положил на полку. Достал сверток с мечом — ткань, в которую он был завернут, была прохладной на ощупь. Вынув меч из ножен, Грегор невольно залюбовался им — драгоценные камни на рукояти, причудливые тончайшие узоры... от всего этого захватывало дух. Грегор и забыл, насколько прекрасен и совершенен был этот меч.

Он вдруг на мгновение засомневался.

Взять меч Сандвича.

Но для чего? Ведь он уже сделал свой выбор, еще там, около колодца, в котором зубастики умирали в облаке ядовитого газа. Он решил сражаться — потому что другого выбора у него не было.

Но что все это значит для него как для Воина?

Кем он теперь будет? Теперь, когда... если выживет, конечно... кем будет он, если унаследует меч Сандвича?

Хотя нет. Не меч Сандвича.

Теперь это ЕГО меч.

Рука его скользнула на рукоять, и он сделал несколько движений мечом в воздухе. Да, все было правильно, все было совершенно правильно. Меч был чуть более тяжелым, чем он ожидал, но очень удобным и как будто сделанным прямо по его руке. По сравнению с этим мечом все остальные казались теперь пластиковыми подделками, игрушками, которые прилагаются к костюму на Хеллоуин.

Грегор сунул меч в ножны, но оставил ладонь на рукояти, наслаждаясь ощущением приятной тяжести меча и правильности всего происходящего.

Что-то происходило с ним. Что-то новое рождалось внутри — доселе незнакомое.

Ощущение власти. Его давал ему меч.

«Не дай уверенности снова покинуть тебя», — говаривал Живоглот.

Теперь Грегор знал, что этого больше не случится.

— Ты нашел все, что тебе было нужно? — Голос Викуса звучал до невозможности печально.

Он так не хотел, чтобы Грегор брал этот меч!

— Да, — твердо ответил Грегор, не глядя на стоявшего у двери Викуса. — И еще крепче сжав рукоять меча, повторил: — Да. Думаю, я нашел то, что мне было нужно.